

КАЮСЬ

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Полина Александровна Раевская

Каюсь. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48447252

SelfPub; 2019

Аннотация

Все мы грешны перед Богом – неоспоримая истина. Но сегодня я каюсь не перед Ним, а перед человеком, которого люблю больше этой проклятой жизни. Жаль, что я поняла это слишком поздно, ибо запоздалые раскаяния не вдохнут жизнь в засохший цветок. Но мне ничего не остается, кроме как поведать эту историю глупой, наивной девчонки, сумевшей влюбить в себя взрослого мужчину, но... не сумевшей его удержать. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	84
Глава 4	105
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Глава 1

пять месяцев спустя...

«Согласись, пусть будет – не бесплатное, липовое, мертвенное, ватное, с дарственной на выцветшем боку.

Подари мне небо, хоть плакатное, я его приклею к потолку.» – прокручивается в голове раз за разом, пока я бездумно вожу пальцем по гравировке, сжимая брелок в кулаке.

Интересно, Чайка уже пожалела, что вытатуировала эти строки на своем теле? – вспыхивает вдруг вопрос в моем воспаленном мозгу. Хотя почему это «вдруг»? Все, как обычно – ни дня без мыслей о ней. Ни единого мгновения передышки. А ведь прошло уже пять месяцев. Пять бесконечных и в тоже время призрачных месяца, проведенных в попытках забыть, обмануть и убедить самого себя, что поступил я исключительно правильно. Правила...

«Опять эти твои дурацкие правила, Гладышев!» – сказала бы она.

Дурацкие, Янка, не то слово – дурацкие.

И сам я – дурак. Дурак, каких свет не видывал. Все пыжился, что-то пыжился. И ведь искренне полагал и верил, что уже ни что не всколыхнет мою охладевшую душу. Что смогу контролировать свои эмоции и душевные порывы. Но не смог. Ни черта я не смог! Да и разве с ней можно? А ведь я с самого начала знал, что совершаю ошибку, ввязываясь

в эти отношения. Но мы же плавали, и не на таких еще нарывались. А в том и дело, что не на таких. Она единственная, перевернувшая мой мир, разбередившая душу, разбудившая во мне безумного мальчишку, готового сорваться по первому ее зову. Я до сих пор не могу понять, как оказался в Рубцовске. Услышал ее испуганный голосок, отчаянные рыдания, и напрочь крышу снесло. Забыл о принятом накануне решении расстаться с ней, о разуме забыл, о времени и расстоянии. Да что говорить, если я на семью и дочь забил, бросившись к ней посреди ночи?! В то мгновение все потеряло смысл, кроме ее блага, ради которого я готов был положить к ногам этой девочки весь мир, саму судьбу на колени поставить, только бы все у моей Янки было хорошо, только бы не слышать ее отчаянного голоса.

И я летел, к ней летел, ни на секунду не задумываясь, что творю, какую чудовищную ошибку совершаю. А после, с этой проклятой болезнью все вообще полетело к такой-то матери, и я потерял контроль над управлением машиной под названием моя собственная жизнь. Вот тут начался апокалипсис, полный хаос. Меня завертело, закружило с бешеной скоростью в этих совместных обедах, завтраках и ужинах, в этих размеренных вечерах за какой-то глупой комедией, в Чайке закружило такой домашней, счастливой, примерившей наверняка уже и свадебное платье, и мою фамилию. А я, как рыба, выброшенная на берег, задыхался от паники, не властный над происходящим. Потому что этот разогнав-

шийся поезд уже просто невозможно было остановить без каких-либо потерь. А во мне сирена вопила, что надо, надо, надо, мать твою, притормозить и как можно скорее! Ведь мне не двадцать, чтобы с места в карьер. Хотя хотелось, до безумия хотелось вот так – смело махнув рукой на все и будь, что будет. Но утратил я эту способность вместе со своей юностью. И если быть до конца честным, струсил. Меня накрыл страх перемен и того, что они сулят, поэтому я готов был жилы рвать, дабы обогнать этот несущейся на всех порах поезд. В конце концов, не для того я свою жизнь по кирпичикам выстраивал, чтобы однажды появилась она, и как ураган разнесла все к чертям собачьим.

Ошалевший от этих всех чувств, эмоций, мыслей, я запаниковал и бросился наперерез несущейся машине, в отчаянной попытке остановить даже ценой катастрофы. Только бы сбежать, только бы не дать слабинку, не оставить себе ни единого шанса на ошибку, потому что это будет именно **ОШИБКОЙ!** С этой девчонкой всегда, как на вулкане, с ней я сам превращаюсь в вулкан, теряю контроль и разум. Поэтому я задавил в зародыше любой протест, заткнул его грубо, жестко, безапелляционно. И помог разогнавшемуся поезду слететь с рельс да так, чтобы искры летели, перекорежило до неузнаваемости, расхлестало, раздробило, размазало без права на восстановления.

Только не думал, что буду подыхать, наблюдая за разворачивающейся трагедией, что останусь погребен под остан-

ками наших «сред и пятниц», давно вышедших из заданных рамок. Представить даже не мог, что будет всего наизнанку выворачивать, ломать от боли. Я зашивался, глядя на нее — мою Чайку: такую беззащитную, открытую, любящую, отчаянно пытающуюся бороться за то, чему я не дал ни единого шанса. Но если бы она знала, как ее слезы душу вынимали, как каждое слово подобно ржавому ножу проходило по нервам, а потом оседали где-то глубоко внутри горечью, чтобы всплывать по ночам и медленно, но верно уничтожать. Ибо мое подсознание с каким-то садистским удовольствием прокручивало нашу последнюю встречу, стоило только на секунду закрыть глаза.

Если бы она только знала, что я ее с мясом от себя отди-рал, «наживую», разве бы она ушла? Нет, она бы зубами вцепилась со всем своим энтузиазмом, и у меня бы не хватило сил справиться не то, что с ней, с самим собой. Вот только что потом? Что случилось бы с моей жизнью, со мной, с моей дочерью? И пока эти вопросы еще бились в моей голове, придавая мне сил, я сделал то, что должен был сделать давно, очень давно, пока это не стало такой проблемой.

Да только оказалось поздно, ибо «проблема» проросла вглубь меня, разлилась по крови, заставляя признать, что ни хрена оно не с глаз долой из сердца вон. Брехня это! Думал, уберу ее из своей жизни и смогу, задавлю в зародыше все эти непонятные чувства, но они, как анаэробные бактерии размножились еще больше без воздуха и поразили каждую клет-

ку моего нутра. И как не старайся, чем не трави их, они прорастают только глубже, отравляют кровь, разум и всю мою жизнь. Загибаюсь я, с ума схожу или уже сошел.

Вот с такими мыслями в паршивом настроении я подъехал к Плазе. Сказывалась также хроническая усталость от почти полугодового трудоголизма и, как следствие, недосыпание, недоедание, перенапряжение. С утра еще Марина- моя... даже не знаю, как обозначить. На данный момент все же любовница, если это можно так назвать.

Да, я попробовал двигаться дальше, но дурацкая эта затея оказалась. С Мариной мы знакомы уже достаточно давно, порядка десяти лет. Она умная женщина, всего добившаяся в этой жизни сама. Провести вечер в ее компании я всегда был рад. До недавнего времени наши отношения редко когда выходили за рамки приятельских, хотя однозначно нас тянуло друг к другу и нет-нет мы срывались, но после все возвращалось на круги своя. Умение трезво оценивать ситуацию – одно из многочисленных достоинств этой женщины. Она никогда не драматизировала происходящее. И когда я пару месяцев назад посетил в очередной раз Нью-Йорк, мы по традиции встретились. Я и сам не знаю, какой черт меня потянул встречать в очередные отношения, зачем мне это понадобилось, ведь знал, что ничто не заменит мне мою Янку. Но на тот момент мне просто хотелось переключиться, войти в привычную колею и забыть... Ее забыть, наказание это божье. Но не помогло, только лишние проблемы

и головная боль, а также понимание – какая пропасть между реальной «средой и пятницей» и тем, что происходило у нас с Чайкой. Нет, я сам лично положил конец тому, что было между нами, но познав то сумасшествие, выздоравливать уже не хочется.

Поэтому сегодня решил, что пора нам с Мариной заканчивать наш суррогат, на который нет ни времени, ни сил да и желания тоже. Какой спрашивается понт в подруге, если когда надо, ее нет?! Проще воспользоваться эскортницами, когда приспичит. Я понимаю, не вина Марины, что рейс задержали, а раньше она не могла прилететь из-за дел, но в который раз убеждаюсь, что деловые женщины интересны в общении, иногда хороши в постели, но совершенно не подходят для отношений, во всяком случае мне нужна баба, которая сорвется, прилетит и все сделает, как надо, для которой приоритет – я, а не работа или еще что-то. В общем, Марина тоже не прибавила хорошего настроения, а тут еще Олеся со своими очередными выкрутасами настолько достала, что даже повод, по которому мы собрались в Crowne Plaza, не радовал, а ведь я шесть лет угробил, чтобы выйти на этот уровень. Раньше думал, что когда этот день настанет, буду почти счастлив. Но вот цель достигнута, а мне как шел, так и ехал подписанный контракт.

Все эти месяцы я, кажется, жил на работе, поэтому сейчас у меня было лишь одно желание – отсидеть этот гребанный вечер и уехать куда-нибудь отдыхать. Планировал с дочерью,

но честно, хочется побыть в одиночестве. Я устал бегать от самого себя, от того, что с ума схожу, думая, что где-то там — далеко женщина... Хотя, какая она, черт возьми, женщина?! Сумасбродная девчонка, без которой мне свет стал не мил. Хреново без нее, так хреново, что готов все бросить и на коленях приползти, признавая, что конченный дебил. Просить прощение за каждое слово, взгляд, действие, которыми я раз за разом делал ей больно, особенно за последнюю нашу встречу.

Каждый день на части рвет и тянет к ней, ломает сука! По ней ломает. По смеху ее вульгарному, по голосу прокуренному, по стонам ее, от которых пульс зашкаливало. По ней, сотканной из противоречий; нежной, грубой, покорной и дерзкой, колючей и ласковой. Пора, наверное, признать, что бросив ее, я остался в дураках и от этого не спрятаться, не убежать, она выиграла. Уложила на лопатки. Влюбила в себя, как и говорила. Влюбила!

Эта мысль, конечно, не бьет обухом по голове, но почему-то именно сейчас желание бросить все и рвануть к ней просто зашкаливает. Бред, конечно, полный бред! Пять месяцев прошло. Черт возьми, пять месяцев! Сто пятьдесят дней бесконечных мыслей о ней проклятой. За все это время я много раз порывался найти ее, но сразу же пресекал эти порывы, удовлетворяясь информацией о том, как она устроена: работает ли, закончила ли курсы, нет ли проблем с жильем, здорова ли. Я знал, что никаких материальных слож-

ностей у нее не должно было возникнуть, денег я оставил ей достаточно. Не в качестве какого-то утешительного приза или компенсации за моральный ущерб. Нет, просто мне хотелось, чтобы она спокойно закончила все, что планировала и готовилась к поступлению в университет, не испытывая нужды и не завися от своих придурочных родственников. Мне хотелось, чтобы моя девочка реализовала себя в этой жизни, чтобы не знала забот и проблем, чтобы была счастлива, занимаясь тем, чем ей нравится. Я просто хотел и хочу, чтобы все у нее было хорошо. Я не искал с ней встреч, не узнавал, где она живет и с кем, дабы не искушать себя. Только общие факты, чтобы не травить и без того растравленную душу и в тоже время хоть немного, но быть ближе к ней. Такая вот иллюзия и полный идиотизм.

Выхожу из майбаха и окидываю безразличным взглядом роскошную обстановку. Рядом, как по мановению палочки, появляется швейцар, готовый проводить меня внутрь. Ни секунды не медлю, хочется уже поскорее покончить с работой. На двадцатом этаже у входа в конференц-зал меня встречает моя секретарша. Оглядываю ее с ног до головы. Выглядит вроде сносно. Хотя мне как-то всегда фиолетово было, главное, чтобы работу свою выполняла.

– Олег Александрович, мы уже заждались. Всем вы срочно понадобились. Я уже не знала, что говорить, а вы на звонки не отвечали, – пожаловалась она.

– Мил, мне это неинтересно. Я за то и плачу, чтобы ты по-

добные ситуации разруливала самостоятельно, – раздраженно парирую я.

– Я и разрулила. Просто хотела, чтобы вы знали, – огрызнулась она.

– Ну и умница, – усмехнулся я и примирительно предложил ей руку. – Ладно, пошли. Сопровождать меня будешь сегодня.

Она удивленно взглянула и даже побледнела.

– Но, Олег Александрович... Я с мужем же, – начала она возражать, вызывая глухое раздражение.

– Мил, мы не на отдыхе, а на работе. Так что избавь меня от лишней головной боли. А муж твой никуда не денется. Пошли! – отрезал я, подхватив ее под руку.

Знаю, что поступаю в очередной раз эгоистично, учитывая, насколько непросто складываются отношения у Людки с мужем из-за моих требований. Но разве это мои проблемы? За те деньги, что плачу ей, могу себе позволить все что угодно, хоть включить в перечень ее обязанностей минет каждые полчаса. Слава богу, она это понимает и чаще всего помалкивает. Сегодня что-то не то на нее нашло.

С этими мыслями завожу Людмилу в роскошный банкетный зал. На нас сразу же обращаются сотни взглядов, а у меня чувство, будто меня повели на эшафот. Последующий час прошел в приветствиях и поздравлениях. Переговорив с немцами и обсудив некоторые моменты, выдыхаю.

Наконец-то можно расслабиться и просто насладиться хо-

рошей музыкой и вечером. Но не успеваю это сделать, как в поле моего зрения попадают Миха со своей благоверной.

– Здорово, Мих, – улыбаясь, обнял я друга, когда он подошел. Ему искренне рад, а касательно его жены, то как всегда, не смог сдержать сарказм: —Приветствую вас, Виктория Викторовна. Как поживаете?

– Прекрасно, Олег Александрович. Спасибо, вы очень любезны, – улыбнулась она иронично.

Миха с улыбкой покачал головой.

– Ну что, пить будем? Я уж думал, если честно, что ни черта не получится с этим контрактом, –признался он, облегченно выдыхая. Взяв у проходившего официанта бокалы, протянул один мне, другой – Вике. – Давай, Гладышев, как в старые добрые. За такое дело грех не выпить по бокальчику.

Я с ним согласен, но решил, что гулять буду ближе к ночи, когда с друзьями соберемся, а не здесь.

– Не, позже будем праздновать, а то как начну чудить, и сбегут наши партнеры, – со смешком напоминаю о том, что пить мне нельзя. Антроповы смеются. Наверняка вспомнив, какие я коры мочил по пьяни.

– Ну, а мы все равно выпьем. За успех, Олег! – провозгласила Викуля.

Я символически приподнял бокал и словно закаменел, услышав знакомый до боли смех. Слегка мотнул головой, прогоняя наваждение. Но через мгновение вновь слышу этот до невозможности неприличный, громкий и залиvistый хо-

хот, который узнаю из тысячи. Резко оборачиваюсь и сканирую окружающее пространство ищущим взглядом. Кровь в висках пульсирует набатом, гонит по венам возбуждение, азарт и безумное желание увидеть мою девочку. В глотке пересыхает, и я залпом выпиваю шампанское, не обращая внимание на удивленное лицо Мухи.

— Ой, Гладышев, не твоя ли бывшая цыпочка вон там? — наигранно восклицает Вика, кивнув, видимо, в сторону Чайки. Уверен, она только и ждала подходящего случая, чтобы это сказать.

Медленно, очень медленно поворачиваюсь и смотрю в указанном направлении. Скольжу жадным взглядом. И через мгновение, словно удар под дых со всей дури, когда вижу Чайку. Как и в первый раз дух захватывает от ее красоты, сексуальности и невероятной притягательности. Пожираю ее, вглядываюсь и не могу поверить, что это моя девочка. Сейчас, в этой помпезной обстановке, она являет собой шик, элегантность, красоту и секс в одном флаконе. Ее роскошные волосы уложены в высокую прическу, открывая изящную шею, которую я так любил ласкать, зная, что она у нее невероятно чувствительная. От воспоминаний мгновенно возбуждаюсь, словно впечатлительный щегол, дорвавшийся до порно. Хотя Чайка всегда так на меня действовала: достаточно было одного взгляда, чтобы я слетел с катушек. Но сейчас это больше, чем похоть.

Смотрю, нет, жру ее глазами, как чокнутый ловлю звук ее

голоса. Даже дышать боюсь. Не могу поверить, что вижу ее здесь. Какого вообще хрена она тут делает?

И будто ответ на мой вопрос – к ней подходит какой-то боров, по-хозяйски кладет руку ей на талию, шепча что-то на ухо. Она же, прикусив губку, едва сдерживает улыбку. Меня же начинает захлестывать волной гнева. А когда Чайка вновь засмеялась и что-то прошептала ему в ответ, дразняще улыбнувшись и заговорчески подмигнув, меня начало трясти от бешеной ярости.

И эта сучка еще втирала мне что-то про любовь? Вот это бл*дство что ли то самое «люблю и так любить никто не будет»?! Да в гробу я такую любовь видел! Ты смотри, быстро к хорошенькому-то привыкла, паразитка. И блажь вся испарилась из башки, как паёк урезали. Сразу ноги раздвинула перед первым попавшимся кошельком.

И я еще, идиот, собирался к ней приползти? Во олень! Сама эта сука приползет, как миленькая! Явно не мед под таким боровом валяться. Уж точно не от хорошей жизни натянута скалится. Вот же дрянь продажная!

Я бесился, распалял сам себя, следя за ней, словно коршун за своей добычей. Как представляю, что эта дура оставила свои принципы и легла под вот такое подобие человека, так по шкуре мороз. Где она вообще его откопала?!

Мимо прошел официант, я вновь взял бокал. Мне необходимо было выпить. А когда Чайка поднялась из-за стола, я потерял дар речи, и окаменел. Настолько откровенного пла-

тъя, хоть и оно было до пола, я еще не видел. Меня заколо-
тило от бешенства. Я смотрел на ее наряд с разрезом от бед-
ра – где чуть выше, на талии, драпировка закреплялась ка-
ким-то украшением, – и он действовал на меня, как красная
тряпка на быка. Но стоило ей сделать шаг, как меня бросило
в жар от одного взгляда на ее ноги и мелькнувшие при од-
ном чуть свободном движении трусики. Мать твою! Ты что
же творишь-то, падла?! Но тут же от мысли, что ее трахает
вон то жирное чмо, мутить начинает.

– По рукам пошла девочка, – ехидно замечает Викуля и
уходит от греха подальше. И правильно! Не в том я состоя-
ние, чтобы любезничать. Не верится даже, что у нее зарабо-
тали мозги.

Но не успела она отойти, как ко мне подошел один из на-
ших иностранных партнеров и, вдруг заявил, проследив за
моим взглядом:

– Oh , ja! Diese Frau ist wunderschön. Ich kann den ganzen
Abend Blick nicht reißen ! Feuer! Für eine Nacht mit einer Seele
bereit ist zu verkaufen.(О, да! Эта женщина великолепна. Не
могу оторвать весь вечер взгляд! Огонь! За ночь с такой и
душу продать не жалко.)

Беру очередной бокал и большими глотками осушаю его
в два счета, чтобы залить пожар в груди. Зашкаливает жела-
ние разнести тут все к чертям, но в первую очередь хотелось
свернуть шею Яночке. Вместо этого, как ни в чем не бывало,
холодно отвечаю:

– Ich denke, nur ein paar Dollar. (Думаю, достаточно пары баксов.)

Немец усмехается и, похлопав меня по плечу, добродушно укоряет:

– Ein Zyniker du mein Freund! Aber man muss zugeben, dass das Glück der Mann, der

die paar Dollar zahlt.(Да вы циник, друг мой! Но согласитесь, счастливчик тот мужчина, что платит эти пару баксов.)

Приподняв высокомерно бровь, лишь усмехаюсь, чтобы не послать к чертям этого болвана или не отхерачить до потери сознания, хоть он и ни при чем.

Поворачиваюсь к Михе, ведущему беседу еще с одним немцем. Друг обеспокоено поглядывает на меня. Вежливо, насколько это возможно в моем состоянии, откланиваюсь, и иду на поиски Людки. Мне срочно нужно узнать, что за хрен с этой вертихвосткой.

Моя секретарша нашлась сразу же. Когда я подошел, муж ее надулся, как индюк. Так и хотелось успокоить бедолагу, сказав, что такие курицы, как его жена, не в моем вкусе. Но Людку не хочется обижать – нормальная она баба.

– Мил, ты мне нужна, – подзываю ее без всяких расшаркиваний и ненужных знакомств.

Она без возражений следует за мной. Подвожу ее поближе к Чайке и ее спутнику. Людмила обращается в «слух». Люблю своих подчиненных за исполнительность.

– Вон там, видишь, мужика толстого? Это кто-то из на-

ших? Что-то не припоминаю его, – киваю на борова, который, как мне кажется, с кем-то из администрации увлеченно беседует.

– Это один из наших юристов, Олег Александрович. Кстати, очень ценный кадр. Вы сами отмечали, – напоминает Люда. Мне же остается только подивиться.

– Не помню, – отмахиваюсь. Алкоголь начал действовать: голова кружилась, энергия была ключом и хотелось ее куда-нибудь выплеснуть. Наблюдение – однозначно, не мой метод.

– Ну, пошли, похвалим «ценный кадр», – подтолкнув Милу вперед, с предвкушающей улыбкой, иронизирую.

Людка смотрит на меня удивленно, но никак не комментирует происходящее. Я же уже ничего не замечаю, кроме Чайки. Приняв соблазнительную позу, она наигранно улыбается и, потягивая шампанское, делает вид, что внимательно слушает. На самом деле, малыш очень далеко отсюда, о чем свидетельствует затуманенный взгляд.

Чем ближе к ней, тем хреновой. Глаза ее, губы, волосы, запах сводят с ума, до дрожи в каждой клетке. Она стала той женщиной, которую мне не нужно видеть, чтобы чувствовать и ощущать. Она все это время была везде и всюду, была во мне, впиталась в кровь, заразила неизлечимо. И я заболел. Заболел с первой минуты, как столкнулся с ней в Де Марко. И как бы ни отнекивался – хочу ее, одержим ей, как дьяволом. Почему? Не знаю. Просто сгораю рядом с ней, теряю го-

лову от бешеной страсти. А у страсти нет мотивов, на то она и страсть. Ни одна женщина так не цепляла, а эта девчонка одним взглядом на колени ставит. У нас с ней все было через край, но после этих месяцев без нее я себе не желаю лучшего. Не могу без нее. Шальная, невыносимая, дикая. Убил бы. Но я, видите ли, люблю ее.

С каждым шагом все отчетливее и отчетливее это осознаю. А может, я просто пьян? Меня кидает из стороны в сторону. Ни хрена уже не понимаю. Не знаю, чего хочется больше: убить ее или увести отсюда, выкрасть, наплевав на возражения. Боров берет ее руку и подносит к своим губам. Фу, бл*дь! Но она улыбается да еще так мило, что меня реально стошнит сейчас. Оскара Чайке! Оскара! Ты смотри, какой покорной стала детка. Убить суку мало!

Я сошел с ума – это точно! От ярости колотит, но еще пытаюсь сохранять лицо. Натягиваю маску вежливости и подхожу к парочке. Лицо Чайки – это нечто. Такой потрясающей метаморфозы я еще не наблюдал. Улыбка сменяется гримасой, в которой смешалась гамма чувств. Мне нравится ее замешательство. Наслаждаюсь ее растерянностью, бледностью и промелькнувшим в глазах ужасом. Не забыла ничего. Не переболела! Эта новость вызывает радость. Горькую такую радость.

– Олег Александрович, добрый вечер! Вячеслав Иванович, – воодушевленно воскликнул ее спутник, представившись. Смотрю на его заискивающее лицо, протянутую руку и

демонстративно убираю свою в карман брюк. Толстяк тут же стушевался, вызывая у меня какое-то удовольствие и в тоже время отвращение. Перевожу взгляд на Чайку и презрительно усмехаюсь. Она выдерживает мой взгляд, приподняв подбородок.

Мои губы растягиваются в хищной улыбке. Так бы и смотрел на нее. Но вспоминаю вовремя, что мы не одни и продолжаю свою игру.

– И вам добрый, Вячеслав Иванович. Не представите нас вашей спутнице?

Он тут же спохватился, кивнул и торопливо начал исправлять оплошность:

– Позвольте представить вам Яночку. Мою...

– Очень приятно, Яна, – перебиваю его намеренно, едва сдерживаясь, чтобы не закопать тут же от одного этого «моя». Хер ты угадал, боров! Чайка дерзко ухмыляется и грубо отрезает:

– Не могу ответить вам взаимностью, Олег Александрович.

Ее спутник меняется в лице и ошарашенно смотрит на нее. Она же невозмутимо делает глоток шампанского.

– Прошу прощения, но мне нужно отойти, – вежливо улыбнувшись, с гордо поднятой головой Янка растворяется в толпе.

Иваныч начинает что-то торопливо объяснять и извиняться, Людка тактично помалкивает. Я же едва сдерживаю себя,

чтобы не бросится за этой... этой... У меня слов не хватало. В это мгновение я едва ли мог справиться с эмоциями. Меня на части разрывало от ярости и дикого гнева. Смотрю на этого идиота и не могу поверить, что она спит с таким ничтожеством. Вот это недо-существо ее лапает, потеет на нее? Меня тошнит, наизнанку выворачивает. Боже, я ее не просто убью, я ее изувечу, шлюху!

Взяв бокал, в бешенстве покидаю компанию толстяка и Людки, ни слова не сказав. Наплевав на все, ищу в толпе Чайку. На ходу одним махом выпиваю шампанское, словно воду. Уже просто для того, чтобы хоть как-то заглушить внутреннего зверя, иначе за себя не отвечаю. Но алкоголь еще сильнее распаляет меня.

К тому моменту, как я подошел к туалету, где Янка наверняка пряталась от меня, я уже был не просто под градусом, я был «в хлам».

Чуть ли не с ноги открываю дверь в дамскую комнату и сразу же вижу ее, поправляющую макияж. Она вздрагивает, резко поворачивается, из дрожащих рук выпадает пудра и с глухим ударом разлетается на полу. Но ни я, ни Чайка не обращаем на это внимание. Захлопнув за собой дверь, нетвердым шагом направляюсь к побледневшей Янке. Она не двигается, следит за мной напряженным взглядом и учащенно дышит.

– Что тебе нужно? – холодно спрашивает, как только я подхожу достаточно близко.

– Да вот стало любопытно: почему сейчас «любовь», – насмешливо отзываюсь, продолжая медленно, словно хищник, приближаться к ней.

– Цена слишком высока, не потянешь, Гладышев. – иронично замечает она, наигранно улыбнувшись, взяв себя в руки.

– Уверена? – приближаюсь почти вплотную, отчего она тут же меняется в лице, маска невозмутимости вновь на мгновение слетает, что вызывает у меня довольную улыбку.

– Ты, кажется, не в курсе моих возможностей, малыш, – шепчу, едва сдерживаясь, когда ее прерывистое дыхание касается моей разгоряченной кожи.

– Я как раз-таки в курсе, поэтому и говорю – не по карману тебе, Олеженька! – снисходительно сообщает она, дерзко ухмыльнувшись, а меня с ума сводит ее чувственный оскал, вызов в голубых глазах и весь этот бунтарский дух, что на краткий миг даже забываю о своей ярости.

– Интересно, что может быть не по карману МНЕ из того, что по карману простому юристу? – издевательски осведомляюсь, не сводя голодного взгляда с ее губ, которые она тут же сурово сжимает, заметив мой повышенный интерес.

– Ты так и не понял, Гладышев, все, что можно купить за деньги уже дешево! – цедит презрительно, отталкивая меня от себя, но я еще сильнее вжимаю ее в бортик раковины.

– Вот как?! Ну, просвети меня, что нужно, чтобы ты раздвинула свои ножки, уж больно любопытны расценки, – на-

чинаю я вновь звереть при мысли, что она позволила лапать свое тело тому жирному ублюдку.

— Любить меня, уважать, ценить, боготворить! — чеканит она яростно, сверля меня гневным взглядом. — Из перечисленного ты ни на что не способен. И уж тем более, ты не в состоянии сделать меня женой и матерью, а это и есть мои «расценки». И на меньшее я не согласна! Так что убери свои грязные руки, пьяная скотина, и не смей ко мне прикасаться!

Меня эта бравада настолько вывела из себя, что я не выдержал, прижался к ней вплотную и, обхватив ее пылающее от ярости лицо, сдавил щеки, заставляя рот раскрыться.

— Я буду тебя касаться так, как хочу, и когда хочу вот этими самыми руками, и ты мне слова не скажешь! — цежу ей прямо в лицо, едва касаясь ее губ. — А этот дешевый пафос оставь для идиотов, вроде того, что ждет тебя в зале. До чего же ты опустилась! Или он, наверное, единственный, кто готов такой шлюхе, как ты заплатить подобную... — я не успеваю договорить, оглушительная пощечина останавливает поток моего пьяного, ревнивого бреда.

— Заткнись, мерзкий ублюдок! Это с тобой я опустилась, позволив такой свинье, как ты, прикоснуться к себе! — выплевывает она, вырываясь из моих стальных тисков, лихорадочно растирая нежную кожу щек. Я только сейчас понял, с какой силой сжимал ее лицо и стало не по себе. На мгновение я замер, вглядываясь в нее. И у меня опять поехала крыша. Все эти месяцы тоски по ней обрушились, будто лавина

и мне нестерпимо стало стоять просто рядом, когда хочется быть в ней. Утонуть, захлебнуться.

— Не приближайся ко мне! — вскричала она, когда я решительно направился в ее сторону, обезумевший от дикого коктейля эмоций. Она бросилась к кабинке туалета, но не успела скрыться, я резко дернул на себя дверцу и втиснулся в маленькое пространство, толкнув Чайку к стене. А потом меня повело, и я навалился на нее, прижавшись вплотную, ощущая каждый изгиб ее роскошного тела, заходясь от этой близости. Ее аромат окутал меня, дурманя и сводя с ума. Мы часто дышали, словно после бега, глядя друг другу в глаза полыхающими взглядами: я голодным, бешеным, она — испуганным и в тоже время возмущенным. Подаюсь вперед, не в силах больше противостоять зову тела, но Янка тут же отворачивается, и я скольжу губами по ее щеке.

— Ты что, совсем с ума сошел?! Что тебе нужно? — шипит она зло, пытаясь отпихнуть меня, но я только сильнее распаляюсь от того, как она извивается подо мной.

— Тупой вопрос, Чайка! Как будто ты еще что-то можешь предложить, кроме того, что у тебя в трусиках, — шепчу, касаясь губами ее шеи, скользя ладонью вверх по ее оголенному бедру, пока не достигаю своей цели. Она тут же сводит ноги, хватая меня за руку, пытаясь остановить, но я резко дергаю клочок кружева и касаюсь ее там. Она сухая, но меня это подстегивает еще сильнее.

— Я тебе ничего не собираюсь предлагать, животное! Пре-

крати! – задохнувшись, выдавливает она из себя, когда я начинаю ласкать ее так, как ей всегда нравилось.

–А я в твоих предложениях не нуждаюсь, сам возьму. Ты все равно разборчивостью не отличаешься, верно? – насмешливо выдыхаю, ощущая пальцами, как она потекла.

– Не твое дело! Я не развлечение для пьяного идиота! – огрызается она и со всей дури ударяет меня по лицу, отчего у меня темнеет в глазах. Щека пульсирует от боли, в глазах красное марево, в голове звенит и все кружится. Меня ведет, а в душе поднимается звериная ярость, прежде всего, от ее слов, от понимания, что она все это время кувыркалась с кем-то и возможно, не только с тем боровом, тогда как я переживал, как она там и все ли у нее –суки в порядке.

–Так или иначе, ты – развлечение. И если бы я не был пьян, в жизни бы к тебе не подошел после того ничтожества. –цежу, сверля ее бешеным взглядом.

–Так сделай одолжение и себе и мне, протрезвей уже!

– Я сделаю нам обоим одолжение, если оторву твою бестолковую голову. Чего тебе, бл*дь, не хватало? Какого хера тебе не живется? – рычу, встряхивая ее, как куклу. Потому что там внутри у меня все вопит от потери, от дикой боли и разочарования. Не могу поверить! Просто в голове не укладывается это дерьмо! Как она до этого додумалась?

–А тебе какого не живется?! Все ведь так, как ты хотел, как тебе было удобно и выгодно! Что теперь тебе надо? Собственнические инстинкты разыграли? – заорала она, отталки-

вая меня.

—Скорее либидо, в кровати тебе равных нет, — уже не думая ни о чем, выплескиваю весь негатив, всю свою ярость.

—К счастью, тебя в этом плане да впрочем, и во всех заметить оказалось не сложно, — ехидно замечает она.

—Дешёвка! —выплесываю, демонстративно убирая руки, потому что мне действительно противно.

—Всё сказал?— холодно осведомляется она.

—Пошла вон отсюда! Чтобы тебя и твоего хахаля здесь через пять минут не было.

Она уходит. Стук ее каблуков отдается у меня в сердце и в голове набатом. Закрываю глаза, сжимаю кулаки, чтобы не сорваться, не кинуться за ней следом. Меня рвет на части от противоречий: от сумасшедшей ревности и дикой потребности быть с ней, дышать ей, ибо без нее я задыхаюсь. Не живу я без нее. Как только дверь с тихим щелчком закрывается, что-то щелкает внутри меня, мой кулак впечатывается в стену и так снова и снова, и снова в попытках выплеснуть все то, что сидит внутри, но оно словно пожар — с каждым ударом разжигается все больше.

Нет, я это так не оставляю. Она не будет трахаться с этим мужиком. Я любого убью, кто посмеет даже взглянуть на нее.

С этими мыслями стремительно покидаю кабинку, на меня изумленно смотрят какие-то женщины, вошедшие в дамскую комнату.

Плевать! На все сейчас плевать, кроме одного — она не

уйдет с тем боровом!

Но я опоздал, Чайка в точности с моими указаниями несколько минут назад покинула зал под ручку со своим толстяком, как мне сообщила Людка. Не раздумывая, я бросился за ними.

—Ты куда?— недоуменно спросил Антропов, встретив меня на выходе.

—Разберись тут, — кинул я ему, даже не останавливаясь, но он не собирался оставлять это так.

—Гладышев, ты че, ошалел что ли? Ты за руль собрался в таком состоянии?— схватил он меня за руку, которую я тут же резко вырвал.

—Мих, отвяжись, не до тебя!

—Слушай, мозги вруби свои хваленные! Эта девка определенно таких нервов не стоит, — попытался он меня успокоить, но вышло наоборот, я еще больше взбесился.

—Ну, бл*дь я без вас тут всех не разберусь, кто и чего стоит!— осадил я его, не замедляя шага, но Антропов не отставал.

—Ладно, не кипи, погорячился я. Но ты сейчас успокойся! Все равно ни хрена в таком состояние не решишь, только дров наломаешь. За руль, даже не надейся, не сядешь!— отрезал он, рывком останавливая меня. Я круто развернулся, едва сдерживаясь, чтобы не отправить друга в нокаут. Дикая энергия кипела во мне вкупе с яростью, поэтому контролировать себя было практически невозможно. И все же я где-

то нашел силы сдержаться, понимая, что иначе от Антропова не отвяжусь.

— Иди к гостям, Мих. Я с водителем поеду, — спокойно произнес я. Друг несколько минут пристально всматривался в меня, и видимо, понадеявшись на мой разум, ушел.

Очень зря, ибо разума в моей башке не осталось ни капли, и никакой водитель в мои планы не входил, не было времени его ждать. Я и так мог упустить из виду сладкую парочку, а ждать еще сколько-нибудь у меня терпежа не хватало, хоть я в любом случае из-под земли их достану, но хотелось прямо сейчас закопать у ближайшей обочины. Аж потряхивало от этого дикого желания. Выскочив на улицу, я первым делом узнал, в какую сторону уехала Чайка. Поскольку не заметить ее невозможно было, швейцар без промедлений дал мне ответ. И я, вдавив педаль газа, сорвался с места, наплевав на все. Кровь кипела, перед глазами проносились картинки, где она отдает себя тому чмырю, и я чуть ли не рычал. Сжимал руль так, словно это была ее шея, которую мне отчаянно хотелось свернуть.

—Сука, чтоб тебя!— долбанул я по рулю, отчего машину повело. На дороге тут же началась какофония: мне сигналили, что-то орали, но я слал всех к такой —то матери, готовый в любую минуту остановиться и раскрошить череп особо рьяным.

Слава богу, я быстро нагнал Чайку с ее толстяком, иначе неизвестно, чем мои лихачества закончились бы. Янка

испуганными глазами смотрела в окно, когда я подрезал их, заставляя остановиться, что юристик и сделал. На мой взгляд, очень даже зря, потому что лучше бы ему попасть в аварию, чем встречаться со мной с глазу на глаз. И мне похер, что он не виноват, что моя любимая женщина оказалась шлюхой. Мне вообще сейчас было так хреново, что похер на все!

Когда я вышел из машины, Чайка уже выскочила и бежала ко мне, следом за ней семенил нахмуренный боров. Я же уже четко видел, как мой кулак с ходу прилетит ему в правый висок. Но этим планам не суждено было сбыться, Янка налетела на меня, подобно гарпии.

–Идиот, ты же нас всех чуть не угробил! Ты совсем рехнулся за руль пьяный садишься?-истерично заорала она, сопровождая слова ударами. –Придурок! Сволочь проклятая! Как же ты меня достал! Ненавижу тебя!

–Яна, я сейчас вызову полицию, отойди от этого человека, – заявил вдруг Вячеслав Иванович, проявив смелость и решительность, чем подписал себе окончательный приговор. Я напрягся, готовый ушатать его прямо на этом же месте, но Чайка тут же отреагировала, почувствовав что-то.

–Успокойся, Гладышев! – прошипела она, обхватив мое лицо ладонями, а потом не оборачиваясь, обратилась к толстяку, выделяя обращение, – ДЯДЬ Слав, не надо! Мы сейчас сами разберемся, езжайте к тете Кате, она уже заждалась. Я попозже приеду.

—Как я тебя оставлю, это же...— начал он было возражать, но она раздраженно прервала его, не сводя с меня взгляда, словно гипнотизируя.

—Пожалуйста, езжайте! Все будет нормально, он ничего мне не сделает. —заверила она.

Пока они перепирались, до меня начал доходить смысл происходящего, и я едва ли не застонал от досады и в тоже время облегчения. Стало так смешно и дико стыдно. Боже, я такой кретин! Одичавший, свихнувшийся от ревности кретин!

«Дядя Слава» уехал, а мы продолжали стоять еще некоторое время, глядя друг на друга. Теперь уже более внимательно, совершенно по-новому, непредвзято, без ненужных эмоциональных окрасов.

Янка стала еще красивее, расцвела, черты заострились, в них не осталось ничего детского, девочка повзрослела, во взгляде появилось что-то такое — решительное, загадочное, выдержанное. И я тонул в этом взгляде, терялся, не зная, что сказать, не зная, как буду извиняться, ибо делать этого совершенно не умею. А придется. Только вот простит ли?

Вглядываюсь в ее холодные серо-голубые глаза и ответа не нахожу. А она, видимо, поняв, мои метания, усмехнулась невесело и покачала головой, отводя взгляд.

—Давай ключи, поехали, пока полиция не нагрянула, — устало произнесла она, протягивая руку.

—Ты получила права?— спросил я, хотя знаю, что получи-

ла.

—Получила, — коротко кивнула она и, взяв ключи, направилась к машине.

Мы молча сели. Чайка завела майбах и с едва заметной, довольной улыбкой, словно дорвалась до бесплатного, тронулась с места. А у меня защемило от этого ее неприкрытого энтузиазма. Такая тоска накатила по тому времени, когда моя девочка беззаботно смеялась, радовалась жизни, делясь этой радостью со всеми вокруг. Сейчас же она была вроде бы до боли родной и в тоже время бесконечно чужой, незнакомой. И я не знал, что сделать, чтобы разрушить эту стену, которую я сам воздвиг между нами, а сегодня еще и укрепил для надежности. Захотелось прямо сейчас подарить эту чертову машину, раз она принесла моей девочке радость, только бы она простила меня —мудака, хотя бы попыталась. Но как она там сказала? Все, что можно купить за деньги уже дешево. Поэтому вряд ли у меня получится откупиться.

—Ян,— позвал я, тяжело сглотнув, не в силах подобрать слов. Янка напряглась, но даже не взглянула на меня. —Прости, я подумал, что...

—Бог простит!— резко оборвала она, и со смешком добавила,— И что ты подумал, я в курсе. Все, как обычно: шлюха, дура, дешёвка. Я только одного не пойму, что тебе с того, даже если так?

Я с шумом втянул воздух, не зная, что сказать. Слова застревали в горле, ибо мне нечем крыть. Я чувствовал себя

пристыженным мальчишкой.

–Ты мне не безразлична, – признался со всей серьезностью.

–Да, ну?!– захохотала она. И тут еще, как назло, зазвонил мой телефон. Мы с Чайкой одновременно взглянули на дисплей, на котором светилось «Марина». Я собирался нажать отбой, но Чайка оттолкнув мою руку, приняла вызов, словно знала, чем меня уличить, и в салоне раздался радостный голос Марины;

–Олежа, я в Москве! Наконец-то, долетела. Прости, милый, что не смогла раньше. Ты как, сильно устал?

Пока она все это говорила, я с досадой смотрел на Янку. Она немигающим взглядом сверлила дорогу, сжимая руль побледневшими пальцами. На ее окаменевшем лице не отразилось ни единой эмоции, но я знал, чувствовал, что ей больно. И эта боль отдавалась во мне отчаянным сожалением от невозможности что-то исправить. Хотелось удавиться, расколотить к чертям телефон и послать Марину. А ее – мою девочку сжать в объятиях и целовать, целовать, целовать, чтобы забыла обо всем этом, ибо для меня сейчас нет ее важнее. Но вместо этого я охрипшим голосом выдавил:

–Нормально, Марин. Я сейчас занят.

–Хорошо. Я жду у тебя дома. Отметим, как следует. – провокационно промурлыкала она, отчего я едва сдержал мат. Раздался гудок, а следом Чайкин смешок.

–Это ничего не значит, – начал я вдруг оправдываться,

понимая насколько это все нелепо звучит. Но что я еще мог сказать?

—Я даже не сомневаюсь. Бедная Марина! Надеюсь, ей хватит мозгов также не придавать этому значения,— иронично отзывается Янка.

— Малыш, я понимаю, что вел себя мерзко и сейчас это все выглядит еще более мерзко. Прости меня! — решил я не ходить вокруг да около.

—Олег, зачем ты начинаешь этот разговор? Для чего? Что тебе нужно? — поморщившись, вопрошает она.

—Мне нужна ты. Не могу я без тебя. Хреново мне, понимаешь?! — признаюсь, наплевав на все. Смотрю на нее, жадно ловя проблеск былых чувств, но она лишь бледнеет на мгновение, а потом резко нажимает на тормоз. Только сейчас замечаю, что мы подъехали к моему дому. Несколько минут Янка сидит, глядя задумчиво вдаль, нервно кусая губы, сводя меня этим с ума. Подаюсь к ней, она резко поворачивается, наши взгляды сталкиваются: ее- холодный, яростный и мой- пламенный, спокойный. Притягиваю ее за шею, она не сопротивляется.

—Я хочу, чтобы мы начали с чистого листа, малыш, так, как ты об этом мечтала, — шепчу, касаясь ее губ своими.

—В нашем альбоме не осталось чистых листов, Олеженька. И мои мечты больше не связаны с тобой, — тоже шепчет она и игриво прикусывает мою губу, тут же ласково проводя язычком, отчего меня пронзает высоковольтным разря-

дом возбуждения, но Янка отстраняется. И я понимаю, что не стоит принуждать ее и действовать грубо. Хотя мне стоит невероятных усилий взять себя в руки и отстраниться.

– Давай, не будем устраивать карнавал масок. – мягко предлагаю я.

– Я предпочитаю на людях маски, кто знает, может, это вообще намордники. Так что советую не нарушать границы, Гладышев. Ты ведь их так уважаешь. – язвительно парирует она.

– Ты стала моей границей, Чайка. Кроме тебя я ни черта больше не вижу.

– Да, тяжелая у тебя жизнь; любишь одну, спишь с другой, а женился вообще на третьей, – насмешливо качает она головой и достает из сумочки телефон.

– Хватит упражняться в остроумии! Да, я облажался. Прости! Ну, хочешь, на колени встану? – начал нести я банальный бред, понимая, что ничего этим не добьюсь.

– Не хочу! И извинения мне твои не нужны.

– А что нужно?

– Ничего! От тебя НИЧЕГО! И ты мне раскаявшийся на коленях уж тем более не нужен. Ты мне вообще никакой не нужен. Просто не нужен! Так что прекрати этот цирк!

– Ян, я знаю, что очень сильно обидел тебя, – начал я, но она даже слушать не стала.

– О, нет, ты меня не обидел, Олеженька, ты меня растоптал. И теперь ты думаешь, придешь, скажешь – люблю, про-

сти и все будет окей? Ни хера подобного! Я, конечно, дура, но не настолько, чтобы на одни и те же грабли прыгать, поэтому даже не утруждайся. Иди к Марине, девушка уже заждалась.— выдала она ровным голосом и набрала номер такси, показывая тем самым, что разговор окончен.

Но не хрена он не окончен! Если уж я что-то для себя решил, то так и будет. А я решил и свое решение тут же озвучил:

—Я верну тебя, Чайка, любыми путями и способами.

—Удачи, Олег Александрович, хотя тебе скорее понадобится чудо!— иронично парирует она и покидает салон. Через пару минут такси увозит ее, а я, откинувшись на спинку сидения, вдыхаю аромат ее парфюма, и пытаюсь понять, как докатился до такого положения.

Глава 2

Вы когда-нибудь тонули? У меня в детстве был прецедент, похожий на сцену из Титаника. Помните, когда на Ро-зу взгромоздился мужик и за счет нее держался на плаву, а она в этот момент барахталась под водой в агонии от нехватки кислорода? В моем случае, вместо мужика была моя тогдашняя подружка. Она начала тонуть и запаниковала, я же в попытках помочь, стала тонуть вместе с ней. Ее паника убивала, и выхода из сложившейся ситуации было два: либо отцепиться от подружки и спастись самой, либо тонуть вместе с ней. Благо, тогда выбирать мне не пришлось, нас быстро вытащили из воды. Но, наверное, в силу возраста я бы вряд ли задумалась о моральной стороне дела и подда-лась бы инстинкту самосохранения. К чему этот эпизод из моего детства?— спросите вы. Наверное, к тому, что сейчас я так же задыхаюсь, тону в пучине боли, ненависти и этой проклятой любви. Захлебываюсь ей, давлюсь. Внутри все горит огнем от удушья. Вот только инстинкт самосохранения — сука, спит. Разум, надрываясь, кричит, что нужно бороться, бежать без оглядки, не смей даже думать и надеяться, а сердце.... А сердцу я как мантру повторяла: «Молчи, глупое, молчи!»

И оно молчало, все эти месяцы молчало, словно окамене-вшее, впавшее в кому, когда и жить сил нет, и умереть не

получается. Но мне нравилось это состояние. Я делала все, чтобы поддерживать его. Слава богу, забот хватало, дабы загрузить себя настолько, что от усталости валилась с ног, и сил на какие-либо размышления просто не оставалось, даже если мысли порой, как партизаны норовили прорвать мою оборону.

Поначалу я вела с собой ожесточенную борьбу, дрессировала волю, подавляя всякую жалость к самой себе, которой мы так любим предаваться. Я запретила себе даже мысленно произносить его имя, предав все связанное с ним анафеме. Было ли мне плохо? Нет! Мне было никак. И вот эта пустота гораздо страшнее, чем, когда хоть что-то чувствуешь. Но чувствовать мне просто было не чем: он забрал мою душу, а сердце перестало биться, заледенев от его жестокости. Я не жила, я пыталась выжить, загибаясь от смертельной пустоты. Хотелось вырвать, ампутировать это пустое место, вот только я вся была – одним сплошным пустым местом, придатком, оторванным от основы.

Стало ли со временем легче? Мне хотелось верить, что да. Но, если честно, я даже не пыталась анализировать свое состояние, я просто была, как заведенная кукла; ходила на курсы, тренировалась, работала, готовилась к вступительным экзаменам, ездила к маме, общалась с Максимом, строила козни Лере. Все, что угодно, только бы не думать о нем, не вспоминать, не тянуться к телефону, чтобы услышать его голос. Я не позволять себе даже близко подходить к тем ме-

стам, где мы могли бы встретиться, хотя меня ломало от желания бежать туда, в надежде хоть краем глаза увидеть его. Порой, доходило до абсурда, и я нарезала лишние километры, только бы не дать себе слабинку. Каждое утро я просыпалась с одним желанием – поскорее уснуть вновь в надежде, что завтра будет новый день и возможно, что –то изменится. Возможно, я, наконец, воскресну. Ведь время лечит... Хотя у меня было ощущение, что это понятие иллюзорное. Иначе, как объяснить, что оно пролетает, как один миг в моменты счастья и растягивается в бесконечные дни страданий? Риторический вопрос, конечно.

Благо насущные заботы хорошо отвлекают от сердечных переживаний. Первое время было немного тяжеловато самой решать все свои проблемы. Раньше кто-то всегда за меня договаривался: Лера устроила на работу, Гладышев нашел квартиру и содержал, удовлетворяя все мои нужды. Он и после расставания перевел мне на карту достаточно средств, чтобы жить некоторое время на том же уровне, к которому он меня приучил, но все же это было лишь поддержкой на первое время, и расслабиться не получалось. Я не стала отказываться от его помощи, у меня даже ничего не всколыхнул этот широкий жест. Унизить меня сильнее или сделать больнее, чем он делал, было просто невозможно. Поэтому мне стало все равно. Не хотелось ни выяснять отношения, ни что-то доказывать, ни уж тем более видеть его, если он вдруг решит настоять на своем. У меня не осталось ни гор-

дости, ни сил, чтобы еще реагировать на это. Хотелось, как моллюске забиться в свою раковину и никогда не вылезать, чтобы больше не знать этого чудовищного апокалипсиса надежд, мечтаний, чувств, веры, когда у тебя на глазах рушится собственный мир.

Но я не могла себе позволить отгородиться от реальной жизни и культивировать обиды, жалея себя. Необходимо было найти квартиру и работу, потому что постоянно делать вид перед мамой и крестной, что все в порядке, я была просто не в состоянии, как и выносить их разговоры в духе «а мы тебе говорили». Говорили, помню! Но сердце, оно такое – бестолковое и наивное.

В общем, живу я по-прежнему отдельно. Это, конечно, накладно, но мне лучше одной.

За эти пять месяцев, мне казалось, я немного пришла в себя и успокоилась, но ошибкой было так считать. Я поняла это в ту же секунду, как увидела ЕГО- мое проклятье, мой персональный ад и рай. Мир словно покачнулся в ту минуту, все закружилось, завертелось с бешеной скоростью и только он один, как точка опоры, за которую я цеплялась взглядом. Вглядывалась жадно в каждую черту, дрожала каждой клеткой. А когда услышала его голос, уловила аромат парфюма, просто задохнулась, захлебнулась им, будто ворвавшимся потоком воздуха в душной камере. Один его взгляд, и мое сердце вновь ожило, истерикой забилося, разлетаясь на куски об стены, что я нагородила вокруг себя, истекая кро-

вью и горячими слезами. Вопреки всей сумасшедшей боли и унижениям, во мне воскресала влюбленная идиотка, готовая за этим мужчиной в пекло бросится, сгореть в агонии чувств к нему. Потому что любви плевать на все обиды, ненависть и боль, ей на все плевать! Ибо она жертвенная, она всепрощающая, она долготерпит, не гордится, не ищет своего, она все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Да, она именно такая эта сука-любовь! Это потом уже очнется самолюбие, и к нему примешается куча других пороков, но в ту первую минуту, я смотрела на Гладышева глазами, полными любви. Смотрела и переживала, что эта сволочь так похудела, что под глазами залегли тени, что там – в зрачках, на самом дне смертельная усталость и тоска. Влюбленная идиотка во мне с ума сходила, обеспокоенно вопрошая: «От чего ты так устал, любимый? Отчего тебе так плохо?»

А потом что-то щелкнуло, и я словно очнулась. Такое отчаянье и ужас накатил. Я едва ли не вопила: «Бо-о-оже, о чем ты думаешь, дура? О чем?! Пусть! Пусть погибается скотина, пусть подыхает!»

Не знаю, как мне хватило сил уйти. Как удалось сохранить бесстрастный вид, когда всю рвало на части, когда все внутри выло от потребности в нем.

В туалете кое-как удалось собраться, встряхнуть себя. Впервые за все время я прокрутила последние события наших с ним отношений, и в душе вспыхнула звериная ненависть, которую он еще сильнее разжег своим появлением и

дальнейшими словами.

Я была в ярости от его претензий и гнева. Как смеет этот козел что-то мне предъявлять, когда сам бросил? Как он смеет вообще открывать свой рот и прикасаться ко мне? Хотя признаюсь; от его близости рвало крышу, но я была настолько взбешена, что голод по нему стал второстепенным. В душе такая буря поднялась; боль из меня лилась потоком, я загибалась от нее. Мне стоило нечеловеческих усилий сохранять невозмутимость. А он даже не замечал, как и всегда, что каждым словом наизнанку меня, каждым взглядом на части ломает.

В ту минуту единственным желанием было взять нож, всадить ему прямо в сердце и провернуть несколько раз, глядя в эти проклятушие глаза цвета безоблачного неба. Проверить, есть ли вообще у этого чудовища оно.

Я настолько ненавидела его, что хотела умыться его кровью. О, я бы пила ее захлеб, я бы в ней купалась, размазывала по коже, упивалась, как конченная психопатка, наслаждаясь его агонией, вот только потом бы очнулась и орала, срывая связки, выла бы, как раненная зверина, рыдала навзрыд от ужаса. Зализывала бы языком все его раны, свою бы кровь выкачала только бы его оживить, и сдохла бы рядом, если бы не получилось.

Знаю, сумасшествие какое-то. Что-то за гранью понимания и логики. Страшное, бесконтрольное, разрушительное. И мне страшно. Страшно так отчаянно любить мужчину,

страшно так в нем утопать и ненавидеть за это. И я больше не хочу сходить с ума, не хочу быть одержимой. Свободы хочу, переболеть, остыть, избавиться.

Вот только сил нет бороться против него, точнее против себя самой – предательницы. Против Чайки его – этой бесхребетной, жалкой, слабовольной мазохистки, готовой протащиться босиком по раскаленным углям ради своего мучителя, ради одного его ласкового взгляда.

Как только с его губ слетели те заветные слова о том, что я ему небезразлична, во мне схлестнулись две моих сущности. Глупая Чайка готова была насмерть биться за призрачную надежду, как бы я не старалась спустить ее с небес на землю. Но Мариночка в момент справилась с этой задачей. Шибанула об землю с такого размаха, что я едва ли могла вздохнуть.

Звонок этой женщины выбил почву у меня из-под ног. А я думала, большее уже быть не может, но оказалось, может. Можно гореть заживо, не смея при этом издать ни звука.

Каждое слово ломало меня, кожу живьем сдирало, оставляя, истекать кровью мое Альтер эго, любящее эту скотину, взирающую на меня с мнимым сожалением.

Пока из динамики лился треп его шлюхи, я раздумывала, что, если я сейчас втоплю педаль газа в пол и уничтожу нас обоих и эту бесовскую связь? Закончатся ли мои муки?

Я вжала педаль газа в пол, когда Гладышев начал оправдываться, нести какую-то ересь. Словно от того, что он что-

то скажет, изменится факт того, что он трахал какую-то суку и может, не одну. Ласкал ее так же, как меня, целовал, шептал ей те же слова. Да я за один его взгляд на кого-то хочу удавиться и его разорвать, не говоря, о прикосновениях. Меня на части рвет. Там – внутри каждый нерв вибрирует от боли, от отчаянья и дикой ненависти. Значит, пока я пыталась выжить, он жил в свое удовольствие, а теперь смеет мне что-то говорить. Словно это такой пустяк- трахаться с кем-то. Главное же, что это ничего не значит. Серьезно? Боже! Спасите меня, пожалуйста! Помогите! Умоляю! Иначе я нас обоих угроблю. Влечу на полной скорости в ближайшую стену, чтобы в мясо разнесло, на куски, на осколки- как внутри у меня все раскурочено. Кто из нас шлюха вообще? Кто? Как же я ненавижу тебя, Гладышев, как ненавижу!

К горлу подкатывает комок, глаза печет, а руки трясутся. Не смей плакать, дура! Не смей! Никогда больше из-за него! Все эти пять месяцев не плакала, ни разу и сейчас не вздумай!

Легче не станет, если посыпать солью незаживающие раны, ты же знаешь. Знаю! И не заплачу, пусть Чайка воет от боли и горькой радости, что за нее готовы бороться, а я ее буду медленно, но верно убивать ее, если она не убьет меня раньше. Посмотрим, Гладышев, удастся тебе спасти идиотку, которая на свою беду полюбила тебя. Посмотрим, на твои пути и способы....

От всех этих переживаний меня отвлекает телефонный

звонок. Когда вижу на дисплее «М.» в душе загорается предвкушение и азарт, несмотря на то, что я морально вымотана, и единственное желание – забраться под одеялко и скулить, как побитая собачонка. Но вот именно этого допустить нельзя! Поэтому я отвечаю на звонок. С этим парнем нужно всегда быть начеку, так что его общество – это именно то, что доктор прописал после эпидемии по имени Олег.

–Алло, – устало выдыхаю.

–Че мутишь, малая? – начинает он бесить меня с первых слов. Терпеть не могла это его «малая».

–Что хотел? – холодно отвечаю вопросом на вопрос, дабы померить его пыл, хотя с Пластининым это бесполезный номер.

–Воу, мы не в духе. Что за смертник посмел испортить королеве настроение? – насмешливо интересуется он, вызывая у меня улыбку. Долго пребывать в плохом настроении с этим парнем просто невозможно.

–Что если это ты?

–Малая, я смертник с того момента, как встретил тебя. Твоя красота убийственна! – нагло льстит он.

–Боже, Пластинин, прекрати, не хочу слушать эту пошлятину! – захохотала я, не выдержав.

–О,кей, Яночка, а какую хочешь?– переворачивает он, как всегда, мои слова с ног на голову.

–Даже не знаю, надо подумать, – игриво отзываюсь я, подхватывая его волну. Эта игра пошлейших намеков и недоска-

занности стала уже нормой. Липкие взгляды, рваные вздохи, призывные, соблазнительные движения и двусмысленные разговоры горячили кровь и удовлетворяли либидо на психологическом уровне.

Дальше вербальных взаимодействий наша сексуальная энергия не выходила, не считая моментов, когда мы тренировались. Но большего я не позволяла, понимая на каком — то интуитивном уровне, что у этого красавчика гипертрофированный инстинкт охотника, и чтобы поддерживать его интерес, необходимо держать постоянно в тонусе и ускользать в тот момент, когда ему кажется, что он уже почти достиг цели. Эти кошки — мышки отлично отвлекали меня от моей личной драмы, а Макса, похоже, развлекали, иначе он бы вряд ли стал тратить свое время. Такие, как он не таскаются за бабами, скорее наоборот. Но то, что выпадает из привычной системы, влечет. И его влекло, но не ко мне, если углубиться в психологию, то в большей степени к очередной возможности в моем лице доказать себе, что он офигителен и таким, как он, так или иначе, не отказывают. Ну, а мне импонировало внимание такого, объективно говоря, шикарного мужика. Он был поистине великолепен. Жаль, что даже при всем этом великолепии он не способен вытравить из моего сердца Гладышева. Впрочем, увлечься Пластининым было бы еще большей ошибкой, чем Олегом. Уверенна, образец мужской красоты в лице Макса даст фору Олег Санычу в жестокости и эгоизме. Так что лучше пусть все остается на своих местах:

он развлекается, всячески соблазняя меня, а я жгу ему нервы и отравляю за его счет существование Гельмс. И все до-вольны, «и мы счастливы!», пока это нам обоим нравится.

–Подумай, подумай... Кстати, у меня для тебе есть кое-какие новости. Возможно, они ускорят твой мыслительный процесс, – загадочно произнес он, словно змей-искуситель, вызывая у меня интерес.

–Мм, и какие же? – скучающе отозвалась, скрывая свою заинтересованность.

–Приезжай и узнаешь. Я в клубе буду, так что заодно повеселимся, – сделал он довольно заманчивое предложение. Мне сейчас меньше всего хотелось оставаться наедине со своими мыслями.

–Окей, высылай адрес. Я переоденусь и приеду.

–Жду тебя, малая, зажжём танцпол.

–Еще раз назовешь меня «малой» и я подожгу тебя.

–О, я уже давно горю, малыш, – со смешком выдал он, а меня это «малыш» долбануло со всей дури наотмашь, за-трясло всю, и стало противно, мерзко.

Закрываю глаза и дышу рвано. Боже, ну, что я за дура-то такая? Этот кобель, наверное, сейчас трахает свою Мариночку, а я переживаю тут, что другой мужик назвал меня так, как называл он. Словно у него патент на это слово в отношении меня. Боже, это просто невыносимо. Я не могу больше, не могу!

Несколько секунд я пытаюсь справиться с этой внезапной

бурей, но ни черта не получается.

Лучше бы я, как последние пять месяцев ничего не ощущала. А сейчас такое ощущение, словно отходняк после наркола, кидает из стороны в сторону, и страшно, что же ждет дальше. Насколько будет больно.

Но как бы там не было, я не позволю больше Гладышеву, управлять собой. Вытравлю его власть, избавлюсь от его ига любыми путями и способами!

С этими мыслями я поехала в клуб, после того, как переделалась. На эмоциях выбрала довольно откровенное, трапезиевидное платье из легкой, воздушной ткани белого цвета, больше похожее на ночную сорочку, едва прикрывающую попу, спина и вовсе была открытой, и наличие перекрестных лямок из серебристого бисера, закрепленных на поясице, не спасало ситуацию. В целом, образ вышел чувственным, интригующим и, конечно же, сексуальным, но когда я вышла на улицу, то почувствовала себя голой. Газовая ткань едва ощущалась кожей и при каждом порыве ветра взлетала вверх, норовя показать миру великолепное белье, призванное привлекать внимание к интимным участкам тела, а не прикрывать их.

Я поздно осознала, что не стоит так провоцировать Пластинина, но, когда собиралась, мои мысли были заняты исключительно Гладышевым и его Мариночкой. Какая она? Блондинка, брюнетка, а может быть, рыжая? Молодая или его ровесница? По голосу судить сложно. Но то, что она ухо-

жена и упакована по высшему разряду – это без сомнения. Гладышев предпочитает женщин класса люкс. Я же просто была в порядке исключения, для так называемого разнообразия. Ну, или слишком красива, чтобы пройти мимо. Эта мысль тешит самолюбие и греет душу. Вспоминаются слова Гладышева, что меня хоть в мешок, а я все равно буду самой красивой. На ветер Олег Александрович слов, конечно, не бросает, но мне хотелось блистать, затмить всех, а главное – гребанную Марину. Чтобы он понял, кого потерял. Чтобы смотрел и с ума сходил, убеждаясь, что я все также самая красивая девочка на свете, которую он больше никогда не получит. Да, как бы это не выглядело глупо, но одевалась я с такой тщательностью для него и его сучки, словно непременно их встречу. Просто мне жизненно необходимо было хоть как-то реанимировать свою гордость, чтобы не думать, не представлять, что он в это самое время «отмечает, как следует» свою Мариночку.

До сих пор не могу поверить, что у него кто-то есть. На части рвет, как вспоминаю звонок этой женщины и недвусмысленные речи о том, чем они будут заниматься. Хочется сорваться, влететь в Гладышевскую квартиру и поубивать обоих к чертям собачьим. Особенно его за то, что ей, которая «ничего не значит», дал ключи от квартиры, а мне – той, которая «не безразлична» пинка под зад из своей жизни. От этих мыслей вновь накатывает боль и горечь унижения.

За эти пять месяцев я многое пережила, я прошла мораль-

ную пытку, но никогда причиной моих терзаний не была другая женщина. У меня даже мысли не возникало, что она может вдруг появиться. Хотя я понимаю, что никто никому ничего не должен, да я и сама играла в дурацкие игры с Максом, но разум и сердце не работают в унисон. Сердце оно глупое и знает лишь одно- люблю, моё! И как же я его за это ненавижу. Хотя в эту минуту я ненавижу весь мир и проклятый случай, что столкнул меня в очередной раз с Гладышевым. Ненавижу тетю, что она заболела так не вовремя и попросила меня поехать на прием с дядь Славой и дядь Славу, что работает у Гладышева, но больше всего саму себя за то, что так и не переболела, не забыла и продолжаю чувствовать чудовищную боль.

Лучше бы никогда не выходить из этой пятимесячной эмоциональной комы. Лучше бы никогда не знать его...

Зазвонивший телефон прерывает мою рефлекссию, что радует. Еще чуть-чуть и я бы развернулась, и поехала –таки домой под одеялком лить слезы. Спасибо тете Кате, хотя разговаривать с ней у меня нет совершенно никакого желания. Наверняка дядя Слава расписал ей все в красках, и сейчас вопросов не оберешься. Но проигнорировать не могу, иначе она сойдет с ума от беспокойства.

–Да, тетя Кать,– с тяжелым вздохом начинаю диалог.

–Янка, ты где?– спрашивает она без предисловий, в голове же проскальзывают панические нотки. Начинается утро в деревне.

—Еду на встречу со знакомым, — спокойно отвечаю, надеясь, что тон моего голоса даст тете понять, что все в порядке, и она не станет задавать ненужных вопросов. Но мечтать не вредно, как говорится.

—Что произошло? Откуда ты знаешь гендиректора «Трансгрупп»? Что ему нужно было от тебя? Ты вообще понимаешь, какие теперь могут быть проблемы у Славы?— выпаливала она вопросы, словно из пулемета.

—Да не будет у него никаких проблем, Гладышев уже забыл про него,— отмахнулась я.

—Гладышев?— переспросила тетя Катя, кажется, до нее начало доходить. — Подожди...— все еще непонимающе произнесла она, сопоставляя, видимо, факты. Я не вмешивалась в ее мыслительный процесс.

—То есть генеральный директор, который ни сегодня завтра будет в транспортном департаменте заправлять, для тебя просто «Гладышев»?— уточнила она, все еще не веря, что ее крестница состояла в отношениях с такой шишкой. Я и сама, если честно, только сейчас осознала масштаб личности Гладышева. Впечатляет, бесспорно, но мне до этого дела нет, о чем я и сообщила, не сдерживая свое раздражение.

—Для меня он просто бывший, к тому же, мудака и козла, так что закроем эту тему!

—Ну, бывшие почти всегда мудаки и козлы, — хохотнула тетя Катя, но сразу же с сомнением произнесла, —А ты уверена, что она действительно закрыта? Судя по рассказу Славы,

Олег Александрович другого мнения на сей счет.

—Олег Александрович может какого угодно быть мнения, мне это не интересно, — отрезала я.

—Ох, Янка, глупышка ты еще, раз до сих пор не поняла, что такой на*буренный мужик заставит считаться со своим мнением. Навяжет его, и пискнуть не успеешь.

—Ну, это мы еще посмотрим.

— Ты главное смотри, чтобы потом боком не вышло.

—Ой, все, хватит. Не переживай, нормально все будет.

—Уж постарайся, а то я скоро поседею с тобой.

—Не ссы, мать, закрасим, — шутливо успокоила я ее, сворачивая неприятную тему. Тетя Катя хмыкнула и решила, что на сегодня достаточно меня допрашивать. Мы договорились, что встретимся на будущей неделе, и попрощались.

Я как раз приехала по указанному Максом адресу, и все внутри оборвалось. Это был тот самый клуб, с которого все и началась у нас с Гладышевым. Кажется, кто-то наверху надо мной знатно стебется, но я отмахиваюсь от этих назойливых мыслей. Оглядываюсь по сторонам, и словно все это вижу впервые. В тот раз я была слишком пьяна, чтобы обращать хоть на что-то внимание. Мне было абсолютно все равно, где мы и с кем. Хотелось просто танцевать и веселиться. А сейчас... Сейчас я не знаю, чего мне хочется.

У входа все также громаднейшая очередь, поэтому я звоню Пластинину, чтобы решить эту проблему. Вряд ли мне еще раз подфартит, если я закричу на всю Ивановскую «Эй,

блондин!». До сих пор недоумеваю, как вообще Гладышев тогда не послал меня куда подальше. Видимо, цепанула я его не слабо, раз спустил на тормозах такую наглость.

Макс появляется через пару минут после моего звонка, оглядывает меня голодным взглядом, отчего становится не по себе, и я начинаю по-настоящему жалеть, что вырядилась столь откровенно.

–Здравствуй, Яночка! –шепчет он, целуя на западный манер сначала в одну щеку, потом в другую, едва касаясь губами. –Решила проверить выдержку бедных мужиков?

–Исключительно твою, Максимушка, – парирую насмешливо, следуя за ним в клуб.

–А ты еще не поняла? Я как в танке, –подмигнув, открывает он дверь, пропуская меня вперед.

–Да неужели,– высокомерно закатываю глаза.

–Ну, а че мне дергаться? Рано или поздно и до секса дойдет. Я терпеливый. –так же высокомерно заявляет он. Поскольку я уже привыкла к его манерам, то не удивляюсь.

–Самоуверенный,– парирую с усмешкой.

–Объективный,– ухмыляется он, и от этой дерзкой ухмылки даже у меня дух захватывает.

Ну, до чего красив засранец!

Поскольку мы как раз вошли в клуб, нашу пикировку на этом пришлось закончить.

Макс берет меня за руку и уверенно лавирует меж извивающимися телами танцующих. Я почему-то думала, что мы

направляемся к бару, но каково же было мое удивление, когда Пластинин повел меня к ВИП-зоне, где нас ждала немаленькая компания, состоящая преимущественно из золотой молодежи, если судить по шмоткам и манере поведения. Все же мажоры – это обособленная каста и отличить их от простых ребят не сложно.

На наш приход никто не обратил особого внимания. Каждый был занят своим делом: кто-то торчал в телефоне, потягивая коктейль, кто-то о чем-то увлеченно разговаривал, кто-то предавался разврату или просто пьянству. Лишь когда мы сели на диван, некоторые оторвались от своих занятий и с интересом скользнули по мне взглядом. Макс познакомил меня с сидящими рядом ребятами, имена которых я тут же благополучно забыла, кроме одного, принадлежащего качку в кепке.

Его звали Артем и в то время, как все развлекались, он с аппетитом уминал стейк, краем уха слушая сидящую рядом девушку. Когда нас познакомили, он лишь кивнул. Мне он показался забавным, и я улыбнулась, на него же моя улыбка подействовала странным образом, он сдвинул свою кепку и начал пристально в меня вглядываться, словно я какой-то экспонат в музее, в подлинности которого он очень сомневается.

–Эй, слышь, – обратился он ко мне в развязной, до боли знакомой манере. – Где-то я тебя, кажется, видел.

–Ну, покрестись, может, отпустит, – съязвила я холодно,

взбешенная пренебрежительным тоном.

–А ты типа дерзкая, да? – с издёвкой произнес он.

–А тебе типа до*баться не до кого? Так ты не на ту напал, мальчик.

–Слышь, ты полегче будь, а то доп*здишься и мальчик у тебя во рту не поместится, – процедил этот качок мне на ухо и поднялся, чтобы уйти. Я же пребывала в шоке от такого знакомства.

–Тёма, ты куда? – спросила девушка, которая сидела с ним рядом.

–Домой, родаки с друзьями тут гуляют, не хочу светиться, – отозвался он и покинул нашу компанию.

–Дегенерат! –разъяренно выплонула я, повернувшись к Макс, не в силах сдержать эмоции. Все это время Пластинин разговаривал с каким-то хипстером, поэтому обмен любезностей с Артёмом пропустил.

–Ты про кого?– нахмурился он.

–Да про Артёма этого. Он твой друг?

–Нет, вообще первый раз его вижу, залетный какой-то. А что случилось?

–Ничего. Просто не понравился он мне, – отмахнулась я, чувствуя, как гнев начал потихонечку утихать.

–Это опасно, – прокомментировал Макс и подозвал официанта.

–В смысле?

–Ну, Гельмс тебе тоже по нраву не пришлась, и теперь

огребают. — пояснил он со смешком. — Что будешь пить?

— Мохито. — сделала я заказ и вернулась к нашей теме, — Гельмс огребают за дело, а не просто так.

— В этом я даже не сомневаюсь. Но чем дальше мы портим ей жизнь, тем больше мне интересно, что же такого сделала глупышка Гельмс, что Яночка так возненавидела ее? — как бы между прочим поинтересовался он, но хищный взгляд выдавал, что Платинин всерьез занят этим вопросом и непременно докопается до сути, поэтому необходимо было ответить так, чтобы не вызывать подозрений и излишний интерес, поскольку объяснять все нюансы наших взаимоотношений с Гельмс хотелось меньше всего.

— Из-за нее я провалила вступительный экзамен по истории хореографии, — призналась я с тяжелым вздохом для убедительности, как только меня осенила идея повесить на Гельмс косяк той блондинки, из-за которой я осталась в пролете, хотя в сравнение с тем, на что способна Лерочка, это сущий пустяк. Но мне было проще и выгоднее выставить нашу ситуацию именно в таком свете, чем рассказывать, что мы достаточно близко общались, а также вплетать сюда Гладышева и иже с ним. Это все слишком личное, а с Платининым необходимо сохранять дистанцию. Мутный он тип, опасный — это за версту ощущается.

— Вот так приколы! — захохотал он в конце моего рассказа про один из самых кошмарных дней моей жизни, вызывая в душе ярость и желание послать куда подальше.

—И что тут смешного?— едва сдерживая себя, процедила я.

—Не злись. Я просто не ожидал, что ты можешь быть такой... простодушной, — помедлив, ответил Макс, осторожно подбирая слова, но я знала, что он едва сдерживает хохот. Эта реакция задевала до глубины души, потому что смеялся Пластинин над той девчонкой, которую я заперла глубоко внутри себя. Смеялся надо мной настоящей: без всей этой шелухи, масок и горького опыта. И меня рвало на части от желания убивать за эту девочку, запертую в недрах души, защищать ее любыми способами. Хотелось, чтобы все они, причастные к ее заточению, дорого заплатили за то, что обижали ее, принимая наивность и простодушие за слабость. Заплатили за то, что превратили ее в такую же испорченную, прожженную, адову суку, как они все.

Не знаю, каких бы пределов достигла моя злость и чтобы я сделала, если бы не принесли заказ. Приход официанта немного привел меня в чувство, и я взяла себя в руки. Даже стало смешно и в тоже время досадно. Вновь эта проклятая импульсивность, из-за которой еще чуть-чуть и я бы наделала глупостей. Но глоток мохито остужает мой пыл, и усмехнувшись, я задумчиво произношу:

—Я могу быть разной.

—Это я уже понял, что и бесит дико с одной стороны, а с другой- интригует не слабо. — ухмыльнулся он и пригубил виски, глядя мне прямо в глаза так, словно решал что-то для себя.

—И что это значит? — уточнила я, приподняв бровь, обводя кончиком указательного пальца край бокала.

—Картинка не складывается в отношении тебя, Яночка. А я так не люблю. — резюмировал он, медленно приближаясь, заправляя мне за ухо прядь волос, слегка касаясь щеки, от чего мурашки пошли по коже. Я не отстранилась, напротив — подалась навстречу. Между нами вновь начал сгущаться воздух, а атмосфера накаляться. Взгляд Пластинина гипнотизировал, а с ума сводящие губы искушали попробовать их на вкус. Этот мужчина своей чувственной красотой и бешеной сексуальной энергетикой манил, притягивал к себе магнитом. Хотелось окунуться в этот сумасшедший поток энергии, что исходил от него. Пластинин был из тех людей, которые кайфуют от каждого мгновения своей жизни, смакуют его, занимаются с ним сексом и получают дикое удовлетворение от всего, что делают. Это влекло, хотелось словить поток эндорфинов, что он излучал. Эти игры с ним были подобны тому, как если бы мне впрыснули шампанское прямо в кровь. Он пьянил своей греховной сладострастностью, вызывая похотливые мыслишки и желания. Но вся соль была в том, что мне нравилось то, кем я себя ощущаю рядом с ним. Я любила свою уверенность, свою силу и неуязвимость, которые возникали каждый раз при встрече с Пластининым. С ним мы были на равных, в то время, как с Гладышевым я становилась беззащитной, обнаженной во всех смыслах. И как не старалась, как не заковывала себя в броню, как не за-

крывалась, он точно знал, как одним взглядом раздеть меня догола и оставить нагой у позорного столба умирать от боли и унижения.

Мысли о Гладышеве, как ушат холодной воды в один момент вырубает всякие порывы в сторону Пластинина, в голове рассеивается дурман, и влечение вдруг преобразуется в омерзение к себе и Макс, что доводит до дикой ярости. Какого вообще черта?

Катись, Гладышев! Вали из меня на хрен!

—Сочувствую, -подмигнула я, вспомнив о теме нашего разговора, и отстранилась. — В женщине ведь должна быть загадка.

Макс усмехнулся и отсалютовал мне бокалом. Мы выпили. Алкоголь начал гулять по крови, я почувствовала прилив энергии и стала двигаться под музыку, погружаясь в совершенно иной мир, где нет места печали, грусти и скуке. Краски стали ярче, музыка мелодичнее, вкус мохито насыщенной. С каждым глотком меня уносило все дальше и дальше, а когда принесли кальян, и я сделала затяжку, вообще поплыла. Мне казалось, что клуб закачался, все затянуло каким-то туманом, но стало так хорошо, что я едва ли могла сидеть на месте.

—Что-то тебя быстро развезло,— заметил Пластинин с улыбкой, я же блаженно улыбнулась в ответ. Вот теперь все было замечательно, хотелось веселиться, танцевать и главное — ни о чем не думать.

–Кстати, ты мне так и не сказал, что там у тебя за новости, –вспомнила я каким-то неведомым образом про причину сей встречи.

–А-а. Ну, все – Гельмс отстранили от участия в постановке, и порчу инвентаря на нее кинули. Так что теперь наша девочка в жопе, – сообщил Макс будничным тоном, допивая свой виски.

–Че реально?– едва ли не завизжала я от восторга.

–Конечно, реально. Как дважды два,– закатил глаза Макс.

–Не думаю, что это было бы так просто какому-нибудь Васе Пупкину, – заметила я с хитрой улыбкой, решив потешить самолюбие Пластинина, хотя, в общем-то, это не лесть, а чистая правда. У этого парня в универе действительно было какое-то особое положение, которым он беззастенчиво пользовался.

–Понятное дело,– хмыкнул он самодовольно.

–Мне не совсем.

–Ну, будешь учиться и узнаешь все тонкости нашей кухни. Если коротко, то без меня многие вопросы не решаются.

–М-м, как мне повезло, однако, – протянула я со смешком.

–Можно и так сказать, –отозвался он с загадочной улыбкой.

–Тогда надо заказать шампанское, отметить мою удачу и очередной провал Гельмс, – предложила я, откинувшись на спинку кожаного дивана. Пластинин подозвал официанта и

сделал заказ, а затем последовал моему примеру и развалился, полулежа, на диване.

– Чего ты, в конечном счете, добиваешься? Или тебе в кайф пакостить по лайту? – повернулся Макс ко мне, заглядывая в лицо. Он был настолько близко, что я ощущала кожей его горячее дыхание и крепкое тело, но дискомфорта не испытывала. Мне вообще было на все пофиг. От лежачего положения я плыла, мигание разноцветных огоньков дезориентировало и мне все виделось сквозь какую-то призму, словно я вроде бы и тут, но в тоже время где-то далеко.

– Хочу, чтобы она стала изгоем. Чтобы она боялась нас показывать в универе, чтобы как крыса бегала по задворкам, только бы ни с кем не встретится. Хочу, чтобы ее вышвырнули к чертям с позором.

– Так это можно хоть сейчас устроить. Пару слов нужным людям и твою Лерочку размажут, как дерьмо по унитазу. – сообщил он так, словно мы говорили о погоде. Мне было удивительно, что ему абсолютно наплевать, что возможно он портит жизнь хорошему человеку. Но скользнувшая в следующее мгновение по моему бедру горячая ладонь свела всякое удивление на «нет». У этого испорченного засранца был свой интерес, который я не прочь использовать. Как говорится: для умной женщины мужчина – не проблема, а решение. Поэтому я делала вид, что не замечаю его вольности. Необходимо поощрять в мужчине желание угодить.

– Тебе стоит только сказать «фас», – шепнул он провока-

ционно, касаясь губами моей шее, продвигаясь рукой все выше, переходя на внутреннюю поверхность бедра. Это было волнующе и горячо, мое тело откликалось на его прикосновения, но в тоже время какой-то внутренний барьер не давал преступить черту. Поэтому я перехватила его руку, когда она скользнула под платье.

—Хочу сама увидеть, как это будет и от души насладится зрелищем, — шепнула я в ответ и демонстративно убрала его руку.

—Плохая девочка, — шутиливо пожурил меня Пластинин и вручил бокал с шампанским. — На брудершафт?

—Ты не в танке, Макс, ты и есть танк, — хохотнула я, качая головой. Надо признаться, от его предложения я растерялась и не знала, что нужно сделать, а точнее, чего хочу. Мне было не по себе, и в тоже время, бес внутри меня подначивал - попробовать, Гладышев-то сейчас вряд ли заморачивается, а почему я не могу? Могу!

Мы с Максом скрестили руки и, глядя друг другу в глаза, залпом осушили бокалы. Выдохнули, и время словно замерло, когда Пластинин перевел шальной взгляд на мои губы. У меня внутри все оборвалось, когда он, словно в замедленной съемке начал приближаться. Сердце заколотилось, как бешеное, адреналин начал зашкаливать, меня затрясло, губы начало покалывать. Несмотря на то, что я была пьяна, я четко понимала, что сейчас произойдет что-то непоправимое, и как прежде уже не будет. Если на Новый год все произо-

шло спонтанно и можно сказать, насильно, то теперь я почти осознанно иду на этот шаг. Смогу ли сделать его, а главное – хочу ли? Не знаю. Но чего мне действительно хочется, так это двигаться дальше, а для этого нужно делать шаги, пусть даже неправильные. Главное – шагать, бежать без оглядки от того, кто не дает дышать, от того, кто словно гвоздями прибил мое сердце к своему образу, а потом отодрал с мясом и выбросил без жалости и сомнений. От того, кто сейчас целует другую женщину и делает с ней все то же, что когда-то делал со мной.

Боль прошивает насквозь и во мне поднимается какое-то темное, яростное чувство. Я сама подаюсь навстречу Пластинину. Впиваюсь в его сочные губы, зарываюсь пальцами в короткие волосы на затылке. Язык опалает вкус мятной жвачки, а перед глазами вспыхивает другое лицо. И я позволяю себе слабость, представляя, что это язык Гладышева касается моего, что это он жадно имеет мой рот, посасывая губы, лаская языком, что это его рука скользит по моей обнаженной спине, а другая по бедру все выше и выше. Это он целует мою шею, гладит грудь. Его пальцы касаются кружева моих трусиков. Меня пронзает волна возбуждения. Открываю глаза, все плывет, а я словно горю. Тону в этой грязи из похоти, разврата, бесстыдства и полной потери контроля. Развожу слегка ноги, позволяя ему ласкать себя через трусики. Он подминает меня под себя, чувствую бедром его возбуждение, и прикусываю его кожу, но тут же морщусь, ощу-

тив резкий запах не Гладышевского парфюма.

—Моя сладкая девочка, — врывается в мои фантазии НЕ его голос, и у меня словно врубается кнопка «стоп». По разгоряченному телу проходит неприятный холодок. Вижу черную макушку сквозь марево дыма и пьяный угар, и такая паника накатывает. Хочется заорать дурниной на весь клуб «не твоя, не твоя, не твоя!». Я резко отталкиваю Макса от себя и начинаю ошалело оглядываться. Рядом с нами еще одна парочка уже вовсю трахается. Девушка в такт музыки скачет верхом на парне. Я с ужасом смотрю на них, а к горлу подкатывает тошнота. Девица заметив мой пристальный взгляд, облизывает губы и подмигивает с пьяной ухмылкой.

Макс за шею притягивает меня к себе в попытке поцеловать, я уворачиваюсь.

—Детка, решила поиграть в недотрогу?— смеется он, мигающие огни искажают его лицо, и оно становится похожим на жуткую гримасу.

—Отвали, — упираюсь я, когда он грубо припечатывает меня к спинке дивана и начинает целовать. Я вяло сопротивляюсь, тело, будто ватное и у меня нет сил, чтобы что-то сделать. Пластинин только смеется, думая, что мне нравится поглубже, а потом, схватив за волосы, так что у меня от боли к глазам подступают слезы, впивается жестким поцелуем мне в губы. Но я тут же со всей дури вонзаю зубы в его губу, ощущая металлический привкус его крови. Он как ошпаренный отпихивает меня от себя и смотрит диким взглядом, прижи-

мая пальцы к окровавленному рту.

—Че, упоролась совсем?!— рычит он.

Я показываю ему «фак» и брезгливо вытираю рот. Хватаю сумочку и поднимаюсь, чтобы уйти. Меня ведет в сторону, но я изо всех сил пытаюсь сохранить равновесие.

—Куда собралась? — хватается меня за руку Пластинин и дергает на себя, что доводит до бешенства.

—Отвали, Макс!— бросаю ему, вырывая руку, и спешу к выходу.

— Токарева, какого хрена вообще? — вновь перехватывает он меня, но я уже ничего не соображаю, паника захлестывает, и я со всего размаха влепляю ему пощечину. Голова Пластинина дергается, он ошарашенно смотрит на меня несколько секунд, а потом я вижу, как в его глазах разгорается пекло.

—Ты охренела? — орет, надвигаясь на меня, хватая за плечи. Моя истерика достигает апогея, и я начинаю ни с того, ни сего хохотать. Заливисто, громко, до слез и икоты.

Пластинин смотрит на меня, как на умалишенную, а я именно такая и есть. Умалишенная и пьяная вдрызг.

—Спокойствие, Максик, только спокойствие! Ты же терпеливый, — смеясь, выдаю я заплетающимся языком. Пластинин же ели сдерживает бешенство, отголоски которого бушуют в его глазах. О, как же я его понимаю! Я бы сама себя прикончила за этот кретинизм, но увы, не страдаю склонностью к суициду.

—Яночка, попытки поточить об меня коготки могут закончиться тем, что ты останешься без них вовсе. Так что завязывай быть сукой. Со мной эти игры не пройдут, — с улыбкой произносит Пластинин, но холодный взгляд сводит на нет всякое подобие на дружелюбность.

— Угрожаешь мне?

—Предупреждаю по-дружески, не просто же так на брудершафт пили, — снисходительно поясняет он и прежде, чем уйти, бросает напоследок, — Подумай об этом на досуге.

Мне хочется послать его туда, откуда не возвращаются, но он растворяется в толпе. Я же чувствую и облегчение, и разочарование. Что я натворила? Как вообще дошло до этого? Что я за идиотка — то такая?!

С таким внутренним раздраем бреду в дамскую комнату, где какое-то время просто таращусь на себя в зеркало. Макияж немного потек, взгляд плывущий, пьяный, но мысли уже не такие спутанные. Постепенно успокаиваюсь, и решаю, что надо сгладить ситуацию и успокоить Пластининского зверя, иначе это выйдет боком. А что может быть хуже уязвленного мужского самолюбия?!

Приведя себя в порядок, собираюсь с силами и возвращаюсь обратно. Бесстыжая парочка, слава богу, куда-то делась, вообще компания заметно поредела, что порадовало бы, если бы Пластинин тоже не исчез.

—Не знаешь, где Макс? — спросила я у девушки, которая сидела недалеко от нас.

– Танцует, конечно же, – усмехнулась она и кивнула в сторону танцпола.

Я проследила за ее взглядом и сразу же увидела Пластину, вокруг которого образовался восторженный круг зрителей. Он был в своей стихии, он был ее богом. Даже обдолбыши, которых мало, что должно было интересоваться в таком состоянии, смотрели на него, открыв рот. Он был невероятен, как в танцевальном классе, так и здесь – в клубе. Как говорится – талант не пропьешь. И этот талант вызывал трепет и дикий восторг. Я в который раз убедилась, что мне нереально повезло. Тренироваться, учиться у такого профи – это настоящая удача. Лерочка в плюсах знакомства с Максом имеет второстепенное значение, а вот профессиональный опыт и поддержка – это нехилое подспорье в будущем, так что надо быть умнее и действовать осторожно. Пока я об этом размышляла, рядом с Максом нарисовалась какая-то девица, и они начали танцевать в паре.

Я наполнила бокал шампанским и стала наблюдать, потягивая игристый напиток. То, что происходило между Пластининым и его партнершей, было горячо. Казалось, между ними искрил даже воздух. Дикая энергетика, бешеное притяжение, секс в каждом взгляде и движении. Они завораживали, заводили так, что у меня каждый раз внутри что-то обрывалось, когда Макс резко притягивал девушку к себе и проделывал с ней все те невероятные вещи, что он умеет. Экстаз же на лице девушке красноречивее всех слов говорил

о том, как она кайфует в его руках. Она смотрела на него призывным взглядом, терлась об него, как свихнувшаяся от похоти сучка. Мне казалось, что я даже слышу ее крик «трахни меня!». Впрочем, меня совсем не удивляло, что девочка потекла. Этот парень способен довести до оргазма своим мастерством.

Я усмехнулась, а в следующую секунду, Пластинин взглянул прямо на меня, будто все это время знал, что я наблюдаю за ним. Я пригубила шампанское, не отводя взгляда, а он притянул девицу к себе и начал с чувством целовать, не прерывая наш зрительный контакт.

Это было неожиданно и неприятно. Стало не по себе от такой мальчишеской выходки, но я ничем не выдала своего смятения, напротив – улыбнулась и спокойно допила шампанское, наблюдая за ними.

Ну, что ж, мне только на руку, что он потешил свое уязвленное самолюбие подобным образом. Конечно, не сказать, что я в восторге от такого поворота событий, но однозначно переживу эту мелкую месть. Хуже, если бы он решил отыграться через учебу.

Наверное, на сегодня с меня достаточно «веселья», но я зачем-то наполняю бокал вновь и начинаю методично пить, сверля невидящим взглядом куралесящую толпу.

На душе пусто, и хочется плакать. Впервые с того дня, как Гладышев бросил меня, я позволяю себе думать об этом. Впервые так остро ощущаю свое одиночество и пустоту. Как

бы я не старалась ее заполнить, все не то без него. Ни в чем нет радости. Не ощущаю ни вкуса, ни цвета, ни запаха. Все тлен и серость. Не живу, существую. Но и с ним разве была я счастливой?

Смахиваю слезы, допиваю оставшееся на доньшке шампанское и, подхватив сумочку, качаясь из стороны в сторону, осторожно продвигаюсь к выходу, где меня ждет главный сюрприз.

Вы верите в судьбу? Я как-то никогда раньше всерьез о ней не задумывалась, но каждый раз эта непостижимая инстанция дает о себе знать, словно смеется надо мной, приговаривая: «Ну, что, девочка, познакомимся?». Вот и сейчас вновь показала свое лицо, когда я подошла к лестнице. Сердце у меня упало в тот же миг, как кинула взгляд на поднимающуюся парочку. Даже не вглядываясь, поняла, что это Гладышев.

У меня потемнело в глазах, все выпитое шампанское разом ударило в голову. Воздух стал каким-то пересушенным, горячим настолько, что обжег легкие, когда заметила рядом с Олегом высокую блондинку.

Увидела и застыла, не моргая, не отводя горящего взгляда. На вид этой женщине можно было дать стопроцентный тридцатник, несмотря на все ухищрения. Лицо, что как говорится «с иголочки». Похоже, гиалуроночку тетя очень уважает. Шаблонный контурный фейс с накаченными губами, выраженными скулами и ушитым носом. Все это выглядело,

конечно же, очень аккуратно, но все равно далеким от естественности. По типуажу эта женщина напоминала Гладышевскую жену- такая же кукла Барби. Оказывается, ему больше по вкусу тощие блондинки с накаченными буферами. Интересно. И опять я не вписываюсь ни в его привычки, ни во вкусы. Но все же эта стареющая мукла мне не конкурент.

Что ты в ней нашел, Гладышев? Какого хрена притащил ее к своим друзьям? Какого она держит тебя под руку? Какого вообще, если ты «любыми путями и способами» собрался вернуть меня? Или это и есть твои способы? – орет мое сердце, надрываясь.

Но вцепившись в перила, я ничем не выдаю свою боль. Просто жду, пока они поднимаются по лестнице, о чем –то перешептываясь, не замечая меня. Внутри бушует ураган, агония рвет душу на ошметки. Меня трясет, как в лихорадке. Но когда наши с Гладышевым взгляды встречаются, что-то во мне щелкает, и становится смешно над всей этой ситуацией. Мысли, видимо, все же материальны. Хотела встретить их с Мариночкой, получите и распишитесь. Наряжалась, значит, не зря.

–Чайка?– изумляется Олег, прошивая меня насквозь своим взглядом. – Что ты здесь делаешь?– нахмурился он, оглядев мой наряд.

–Цепляю мужиков, конечно же. Что еще я могу делать?–выдаю со смешком, зная, что он взбесится.

И точно: сжал челюсти, отчего желваки заходили ходу-

ном, лицо побледнело от гнева, а глаза загорелись дьявольским огнем. Мне это понравилось, и я решила пойти еще дальше и переключилась на Мариночку, которая непонимающе тарасилась то на меня, то на Олега.

–Вижу, у вас не получилось «отметить, как следует», – пропела ядовито.

–Олег, кто это?– изумленно спрашивает Барби, кинув на меня презрительный взгляд. О, нет, курица, не выйдет!

–Я тут вообще-то, тетя, или тебя хорошим манерам не учили?– издевательски произношу я, с наслаждением наблюдая, как вытянулось лицо блондинки.

–Угомонись сейчас же!– рычит Гладышев.

–С чего –это? Разве не ты пару часов назад втирал мне, как я тебе небезразлична, пока она обрывала телефон? Или что, протрезвел? – процедила я, больше не сдерживая свою ярость.

–Что?– воскликнула ошарашенно Марина.

–Что слышала, дорогуша. Не хочу тебя разочаровывать, но рядом с тобой первостатейный козел. И пока ты там готовила ему «сюрприз», он чуть не трахнул меня в туалете, а после уверял, что ты – ничего незначущий эпизод в череде бесконечных сред и пятниц. Верно, милый? – насмешливо высказалась я, глядя Гладышеву в глаза, зная, что мне конец, но было уже все равно.

Хотя, когда в следующую секунду, он в два шага преодолел разделяющие нас ступени, и грубо схватив за руку, по-

тащил вниз, не слишком заботясь, что я едва ноги переставляю, стало по-настоящему страшно.

Марина же, как стояла, с открытым ртом, так и осталась стоять, провожая нас шокированным взглядом.

Меня это не на шутку развеселило. Сказывались нервы и алкоголь. Я захохотала и всю дорогу, пока Гладышев тащил меня к выходу из клуба, заливалась диким хохотом, наплевав на последствия своих выходок. Меня душила боль, ярость, ревность и злорадство. Да, я, как идиотка радовалась, что он бросил свою бабенку посреди клуба без объяснений.

Но оказалось, рано ликовать.

Когда Гладышев выволок меня из душного, прокуренного помещения на свежий воздух, меня окончательно развезло, и ноги перестали держать, не говоря уже о том, чтобы поспевать за этим придурком. Но ему было плевать на мое состояние, он не сбавлял темп, пока я не подвернула ногу.

—Что ты творишь, идиот?!— закричала я, едва ли не плача от боли. Но он даже не стал слушать, резко подхватил на руки.

—Задницу прикрой и не ори, не привлекай внимание!— рывкнул и понес к припаркованному неподалеку мерседесу, из которого сразу же выскочил водитель и без лишних слов открыл заднюю дверь. Гладышев бесцеремонно затолкал меня в салон.

—Сиди тихо и не дергайся!— процедил он дрожащим от гнева голосом, прожигая меня бешеным взглядом.

– Ага, щас! Я не собираюсь тратить свое время на то, чтобы ждать, пока ты утетишь эту белобрысую курицу! – прошипела я, не менее взбешенная его порывом объясниться со своей Мариночкой, в то время, как меня можно, словно мешок с картошкой закинуть в машину. Нет, так не пойдет!

Я оттолкнула его и попыталась вылезти, но Гладышев тут же затолкал обратно, скрутил мне руки и, придавив своим телом, закрыл дверь. Стукнул по перегородке, отделяющей нас от водителя, и машина тронулась с места.

Он сжимал меня в своих руках так сильно, что я едва ли могла вздохнуть. Но вместо того, чтобы дать этому психопату по башке, я, как съехавшая с катушек маньячка, наслаждалась его близостью. Уткнувшись в его грудь, вдыхала родной аромат и едва ли не рыдала. И ненавидела себя за это, убить хотела. Ломала себя, шепча: «Идиотка, да очнись ты уже!».

–О, ты решил не заморачиваться из-за Мариночки? Правильно, она не стоит твоего внимания, – все же насмешливо произнесла я, отталкивая его, прожигая взглядом полным бессильной злобы, сгорая от ревности. Гладышев сильнее сжал мои руки, причиняя боль, но меня это только распаляло. –Где ты вообще откопал это ископаемое? Или тебя потянуло на мясо не первой свежести? Она же никакая: блеклая, тощая, благо, сиськи накачала, а то и вовсе взглянуть не на что. Удивляюсь, как у тебя еще встает на эту костлявую, силиконовую старуху. Даже обидно, что ты так резко снизил

планку...

–Молчи! Молчи, не выводи меня! – цедит он с искаженным от ярости лицом, но я уже не в силах была остановиться. Мне хотелось выплеснуть свою боль, свое отчаянье, свою обиду. Все, через что он заставил меня пройти.

–Не смей, затыкать мне рот! Это ты притащил меня сюда, ты все это начал. Я тебя не просила! Думаешь, будешь по-прежнему вытирать об меня ноги? Думаешь, можно с ноги мою дверь вышибать? Думаешь, у тебя есть какое –то право так себя вести? Хрен ты угадал! – заорала я, давясь слезами.

–А я и не собираюсь гадать, Чайка. Ты моя, пока я не решу иначе! И хоть истери, хоть головой бейся, этот факт не измениться, мы оба знаем, – произнес он спокойно, без тени самодовольства, вызывая у меня горечь и тупую боль. Я вдруг в момент сдулась, как воздушный шарик, броня слетела, оставляя меня беззащитной, оголенной и уставшей.

–Если бы Гладышев было так просто, и ты все решал, я бы отдала что угодно, только бы ты щелкнул пальцами и сказал: «Все, свободна!». Но соль в том, что как я тебе уже говорила, чувствами нельзя управлять, хотя правда твоя – их можно похоронить глубоко- глубоко в себе. И я похоронила. Пока ты там развлекался, я свою любовь к тебе живой закапывала, понимаешь?! А сейчас ты появляешься, как ни в чем не бывало и словно бульдозер копаешься в моей душе, будто она неживая. Что ты хочешь там отыскать? Думаешь что-то к тебе осталось, кроме ненависти? Что тебе от меня

надо, Олег? Я тебе все отдала, что могла! Все! А ты швырнул мне это в лицо, а теперь ждешь, что я предложу повторно? – вопрошала я, не замечая слез.

Гладышев смотрел на меня странным взглядом, словно моя боль – это его боль. А потом протянул руку и осторожно, кончиками пальцев вытер влагу с моих щек.

– Неужели ты меня так сильно любила, малыш? – прошептал задумчиво, словно сам себе, нежно скользя пальцами по моему лицу.

– Не знаю, сильно или слабо. Мера любви – любовь без меры. Но сейчас, это не любовь, Олег! – качаю головой, сглатывая слезы, едва дыша от его прикосновений.

– Тогда почему ты плачешь, Янка? – спросил с легкой усмешкой на губах, зная, что вру.

– Потому что не хватает сил.... Но я больше так не хочу. Не хочу умирать от боли, – признаюсь, наплевав на все.

– Так больше и не будет. Я все исправлю, малыш! – обхватив ладонями мое лицо, притягивает к себе и губами собирает мои слезы, доводя до истерики. – Все будет по-другому, – шепчет он горячо прямо в губы, а после захватывает их в плен в томительном, чувственном поцелуе, сводя меня с ума, лишая воли, ломая все мои барьеры. Душу из меня высасывая, по каплям осушая. И это было так больно, так адски, невыносимо больно, и в тоже время сладко до дрожи, до сумасшедшего биения сердца. Я умирала в его объятиях и в них же воскресала. Я вновь отдавала всю себя, и в этом бы-

ло мое глупое счастье. Дышать с ним в унисон, ощущать его вкус, его запах, прикосновения его рук, слышать его искушающий шепот, которому я без борьбы сдавалась, уверяя себя, что всего лишь раз, последний раз, а потом я смогу, у меня хватит сил. Наивная, слабовольная идиотка! – мой неотвратимый диагноз, который с каждым Гладышевским прикосновением подтверждался, но не хватало у меня воли оттолкнуть, как не старалась воскрешать в памяти все унижения. Казалось, чем больше я вспоминаю, тем больше у меня потребность в нем таком – ласковом, нежном, заботливом.

А в это мгновение Гладышев был именно такой, несмотря на бешеную страсть, что всегда между нами вспыхивала.

Не знаю, как я оказалась верхом на нем, было уже все неважно. Я с упоением целовала любимые губы, как одержимая, свихнувшаяся, слетевшая с катушек покрывала поцелуями родное лицо. Зацеловывая каждую черту, чтобы каждой клеткой убедиться, что это не очередная иллюзия. Что это именно он – мое проклятье, моя жизнь, моя душа.

Гладышев обхватывает меня за шею и отстраняет, смотрит мне в глаза несколько секунд, опаливая кожу рваным дыханием, а я уплываю куда-то от его взгляда. Дрожу, а слезы текут по щекам.

– Ненавижу, – шепчу, слизывая их с губ.

– Неправда. Ты меня любишь, а я не могу без тебя, – признается он и притягивает к себе.

– Так не можешь, что нашел замену, что не успел со

мною попрощаться, как кинулся к ней?— выдыхаю с горькой усмешкой, хотя понимаю, что это не главная наша проблема, но рана слишком свежа, чтобы молча терпеть боль.

—Я не искал тебе замену. Просто пытался двигаться дальше...— тяжело сглотнув, тихо произносит он.

—Так и двигался бы дальше с ней, в ней, в ком и с кем угодно, дальше- дальше -дальше!— перебиваю, захлебываясь слезами, пытаюсь вырваться, но он сжимает мою шею крепче, заставляя смотреть ему в глаза.

—Не получается без тебя, понимаешь?! А с Мариной все кончено, мы просто приехали отметить сделку.

—Какая она понимающая. Глупо такую женщину упускать.

—Ты — единственная, кого я не хочу упустить.

—Ты уже упустил, Гладышев!

—Прости меня! За все прости. Думаешь, я тебя не понимаю? Думаешь, не знаю, как тебе больно, любимая, как плохо?

—Не знаешь! Ни черта ты не знаешь! — вскричала я, ударяя его по груди, сломанная этим «любимая». Сколько я его ждала? Сколько? За что такое издевательство? Что ты творишь, скотина такая?! За что измываешься надо мной, ведь без ножа по живому режешь, насилуешь мою душу!

—Хотел бы не знать, малыш. Хотел бы не чувствовать...

—Замолчи! — цежу дрожащим от урагана эмоций голосом, закрывая Гладышеву рот ладонью. Сжимая так, чтобы свело от боли, чтобы ни один звук не вырвался. —Не смей даже!

Не говори о любви. От тебя слова любви слышатся как ругань. Это твои чувства: наговорить меня дерьма, самому же поверить в него, а потом чуть ли не изнасиловать? Или может, как шлюху затолкать в машину и оттрахать на заднем сидении? Это твоя любовь, Гладышев? Так ты собираешься исправлять что-то, утопив меня в очередной канаве с грязью? Так я уже наглоталась этой грязи столько, что тебе и не снилось! Ты знаешь, сколько мне лет? Мне восемнадцать! В моем возрасте девочки не должны даже знать, что подобное уродство в мире существует. Не должны! Ты хотел бы, чтобы твою доченьку выкупали в таких помоях? Хотел бы?— ору, прожигая яростным взглядом. Гладышев отводит свой, что вызывает у меня смех.

—Вот тебе и ответ, Олеженька! Свое родное жалко, а меня —то че? Можно и в расход пустить, раз плоть требует. Нельзя себе ни в чем отказывать, да?!— сказав это, силы покидают меня. Сползаю с его коленей, утыкаюсь в ладони и рвано дышу, изо всех сил сдерживая слезы. Так плохо мне не было никогда в жизни. Я запуталась. Сердце хочет одно, разум другое, гордость требует третье. И какой выбор не сделай, лучше мне не станет.

Гладышев молчит, пока я выплакиваю все, что там еще в душе осталось нарывом.

— Ян, я понимаю, гордость, самолюбие требуют, но ты себя-то зачем изводишь? — раздается его голос спустя какое-то время.

—А ты не строй из себя заботливого! Не заметила в тебе сочувствия, когда ты меня из квартиры выставил, и после, когда вещал, что смысла не видишь, — огрызаюсь, размазывая тушь по лицу.— А кстати, сейчас что? Ты его вдруг увидел?

—В том и дело, малыш, что без тебя я перестал вообще в чем-то находить смысл.

—Твои проблемы. — коротко бросила я, отворачиваясь к окну, устало прислоняясь разгоряченным лбом к холодному стеклу.

—Мои, — согласился он. — А я привык их решать.

—А я по-человечески прошу тебя, оставь меня в покое! Не мучай, пожалуйста! Уйди, забудь! Даже у камня есть сердце. А у тебя есть оно, Гладышев? Если есть, то ты надо мной сжалишься. Заметь, я не любви твоей прошу, я прошу жалости!

—Глупышка. Ты думаешь, я поверю в эти бразильские мотивы? — засмеялся он. — Ты просишь жалости, Чайка? Нет, ты пытаешься обмануть и себя и меня. Ты душу мою хочешь наизнанку вывернуть, нервы мои на свой пальчик накручивать. Хочешь, чтобы я в соплях перед тобой на коленях стоял.

—А что, Олеженька, тебе запахло, ради «любимой» -то? — насмешливо интересуюсь.

— Нет, не «запахло». Просто не понимаю, ради чего ты хочешь воевать? Ну, потешишь свое самолюбие, а что дальше?

Это сделает тебя счастливой? — с изрядной долей снисхождения рассуждал он, словно я капризный ребенок.

— Меня сделает счастливой твое исчезновение из моей жизни, — процедила я.

— Я тебе вот, что скажу, Ян, — тяжело вздохнув, подвел он итог, устав ходить вокруг да около, — Я привык добиваться своего, пробиваясь сквозь стены. Я профессионал в вопросах борьбы. И со временем я добьюсь, чтобы твоя гордость замолчала.

— Только сделай одолжение, отложи свои захватнические планы на пару недель, у меня поступление. Не сворачивай мне кровь в этот период, иначе я за себя не ручаюсь. Вот поступлю, а там- хоть трава не расти, — попросила я, устав от споров, от этих разговоров, которые все равно ни к чему не приведут. Я была опустошена морально, да и физически тоже. Голова начала жутко болеть, желудок сводило от тошноты, руки тряслись. Хотелось лишь одного- забраться в свою постель и уснуть, не думая ни о чем.

Гладышев, услышав мою просьбу, начал смеяться, но у меня уже не было сил реагировать на что-то.

— А что если не поступишь? — спросил он вдруг.

— Типун тебе на язык! — отрезала я, потому что такую перспективу даже представить страшно. Это будет апокалипсис.

— И все же? — допытывался он.

— Выпрыгну в окно. — отозвалась я с тяжелым вздохом.

— Что, все так серьезно? — хохотнул он, что меня взбесило.

—А ты как думаешь? Речь о моем будущем! Поэтому не смей передо мной появляться! — наказала я, сверля его взглядом полным угрозы, что, конечно же, не произвело на него никакого впечатления. Лишь повеселило. И он, улыбнувшись, кивнул. Мне этого было достаточно, чтобы хоть немного успокоится.

—Отвези меня домой, — попросила я, откинувшись на спинку сидения, страдая от похмелья.

Олег без лишних разговоров назвал мой адрес водителю, и мы молча провели оставшийся путь. Как только машина остановилась, я сразу же, не глядя на Гладышева, выскочила из нее. Поскольку боялась саму себя и своих ненормальных желаний, которые неизвестно, куда могли завести. За эту ночь произошло слишком много всего, необходимо об этом подумать, разложить по полочкам, или хотя бы просто протрезветь и забыть обо всем.

—Не хочешь попрощаться? — кинул мне Гладышев напоследок.

—Я с тобой попрощалась пять месяцев назад! — отрезала я.

— Ох, Яна- Яночка, упрямая моя... — поцокал он, и тяжело вздохнув, пожелал, — Ладно, тогда ни пуха не пера на экзамене.

—Пошел к черту! — раздраженно кинула я, вызывая у него смех, который потом слышался мне во сне. Хотя спокойно уснуть мне так и не удалось. Несколько часов я пролежала в кровати, рыдая в подушку, не зная, что делать, как дальше

быть, и чего я на самом деле хочу.

Благо, работа не позволила погрязнуть в самоанализе. Клиентов в летние месяцы было предостаточно, поэтому расслабляться не приходилось.

Последующие недели я провела в подготовке к экзаменам. Пластинин с той ночи звонил мне пару раз, но я не стала отвечать, решив, что ему полезно немного остыть, а мне – не отвлекаться. Гладышев, как и обещал, не появлялся передо мной, за то всячески давал о себе знать: цветы, подарки. Почти каждый мой день начинался с какого-нибудь сюрприза, отчего потом с губ не сходила улыбка. Поначалу я хотела отправлять это все обратно, но ни один курьер не захотел мне в этом помочь, сказав, что если не нравится, то выбрасывайте. Но разве хватит духу отправить в помойку свежие, прекрасные цветы? У меня не хватало. В конце – концов, в чем они-то виноваты? Пару раз я сама набирала Гладышеву, чтобы прекратить этот цирк, но Олег не ответил на мой звонок. Позже прислал смс, чтобы я готовилась к экзаменам и не отвлекалась. Я, конечно же, накатала ему в ответ пару ласковых, но диалога так и не получилось. Поскольку поступление было уже на носу, то я решила отложить разборки на потом, и сконцентрироваться на экзаменах.

В атмосфере праздника, которую для меня создал Олег, готовиться было намного приятнее и веселее. Но, несмотря на то, что я была как никогда уверена в своих силах, волнение зашкаливало, а поддержка мамы и тети Кати только

усилили мой мандраж.

Когда же настал день экзамена, я была полностью собрана и сконцентрирована. Первой поставили историю хореографии, что радовало, так как я знала ее от и до, поэтому сдала без особых сложностей.

После, меня немного отпустило, и уже на профильный экзамен по классическому танцу я пошла более спокойная, и показала достаточно высокий уровень. Правда, на сей раз результаты нам сразу не объявляли, поэтому пришлось еще целую неделю находиться в подвешенном состоянии. Но вот, наконец-то, настал этот день, когда я поехала в Химки, чтобы увидеть себя в списках студентов –первокурсников МГИК. Я не стала смотреть на сайте, мне хотелось сделать это, как в кино: ты приезжаешь в университет и ищешь себя в списках, вывешенных на информационном стенде, а потом находишь и орешь на всю улицу от счастья.

Вот только я уже пятый раз пробегаю взглядом фамилии на букву «Т», а своей не нахожу. Рядом со мной визжали от радости, и разочарованно вздыхали, а я стояла и боялась дышать. Все расплывалось от ужаса и потрясения. В голове же набатом било: «этого не может быть!». Я не верила, просто отказывалась верить в этот свершившийся кошмар. Это какая-то шутка, нелепая шутка. Я все сдала. Сдала на высочайшем уровне! Я это знаю, уверена в этом, как ни в чем другом. Это какая-то ошибка и я разберусь, в чем тут дело!

С таким настроем я помчалась в приемную комиссию, где

меня быстро спустили с небес на землю, показав экзаменационный лист по классическому танцу, который я не сдала.

Я смотрела на перечисленные ошибки, заверенные всеми членами комиссии, и просто не могла поверить, потому что я не сделала ни одной из них. Было ощущение, словно кто-то за меня вышел и станцевал. У меня в голове этот кошмар не укладывался, просто не укладывался. Как такое возможно? КАК?

Я задавала себе этот вопрос бесконечное число раз, пока ехала до дома. Телефон разрывался от звонков мамы и тети Кати, а я просто не могла прийти в себя, не говоря уже о том, чтобы объясняться с ними.

Дома я, как чокнутая, раз за разом отрабатывала все элементы, понимая, что даже при желании не способна в этой, доведенной до автоматизма, технике совершить хоть одну ошибку, не говоря уж про целую кучу, представленную в экзаменационном листе. Тем более, ладно бы я сама тренировалась, но у меня был тренер, лучший тренер... И вот тут у меня щелкнуло.

Так ведь это подстава! Самая натуральная, притянутая за уши подстава! И устроить ее мог лишь один человек, которого я просто уничтожу!

Глава 3

Что есть любовь? В чем она заключается? И почему объектом этой пресловутой любви становится именно тот, а не иной человек? – вопросы, которые однажды возникают у каждого человека. Я об этом задумался только сейчас. Раньше как-то не было ни времени, ни особых поводов. Женился, как все – страсть хватанула, потом полжизни расхлебывал. Вроде казалось, что любил Ленку. На тот момент я в это понятие вкладывал выполнение своих мужских обязанностей – обеспечить семье достойный уровень жизни, уверенность в завтрашнем дне, покой и беззаботность. Я все для этого делал: не спал ночами, работал, как проклятый, света белого не видел и можно сказать, не жил. Но никогда не жаловался и не считал себя героем, ибо мне в голову вбивали, что это мой долг. Долг я свой исправно выполнял, вот только ни черта у меня не получилось путного. Почему? Я разбирал все варианты, например, если я бы уделял работе меньше внимания и больше проводил времени с семьей. Но приходил к выводу, что опять же ничего бы не вышло. Обязанность мужчины – быть ответственным. Ответственным за все! И начинается эта ответственность с выбора, который мужчина делает. Понятно, что по молодости мало кто подходит с умом к выбору спутницы жизни, как-то это все инстинктивно, на эмоциях. Кому-то везет – сразу находят своего человека, и со време-

нем влюбленность сменяется более глубинным чувством, а кому-то, как мне – нет. Ни я не полюбил по-настоящему, ни уж тем более, Ленка. То, что она называет «любовью» – это скорее психическое расстройство со всеми вытекающими из него уродливыми последствиями, а любовь, что бы там кто не утверждал, извращая, априори не может быть уродливой.

Но я не свешиваю всю вину на Ленку, хотя она как женщина, тоже со своей обязанностью не справилась, но прежде всего, ошибку совершил я, сделав неправильный выбор в пользу абсолютно не подходящего мне человека. И дело тут не в социальном статусе, воспитание и общности интересов, хотя однозначно эти понятия придуманы для того, чтобы быстрее найти то, что нужно. Вся соль в том, чем тот или иной человек наполняет тебя и во что превращает твою жизнь. Ленка наполняла меня булыжниками проблем, негатива и злости, придавливающими к земле, не дающими вздохнуть.

С Чайкой же, с этой вульгарной, невоспитанной, дурной девчонкой я, подобно воздушному шарiku, наполнился чем-то легким, невесомым и увидел небо, ожил, вздохнул полной грудью. С ней любые проблемы становились легкоразрешимыми. Она одной улыбкой придавала сил, и хотелось горы свернуть. С ней я вспомнил, как это смеяться без особой причины, дурачиться, как ребенку и просто наслаждаться каждым мгновением.

Чем объясняется данный феномен? Любовью ли? В со-

рок уже более осмысленно подходишь к данному вопросу, не хочется в очередной раз нести ответственность за неверный выбор. Но сколько я не крутил с разных сторон свои чувства к Янке, приходил к одному и тому же выводу. Люблю эту девчонку. Именно люблю, а не просто влюблен и уж точно не впал в блуд. Да, все началось с примитивной похоти, но я сам не заметил, как прикипел к Чайке душой, как проникся. Потому что она была, как на ладони: открытая, порывистая, до невозможности глупая в своем бездумном проявлении чувств. Никаких масок, никаких ужимок и лицемерия. Если она видела стену, она не искала окольных путей, чтобы ее обойти, она пыталась пробить ее головой, не думая, что может, свернуть шею. Конечно же, меня это не восхищало, но постепенно возникло желание убереечь, защитить, направить, а разве не это основа более глубинной привязанности мужчины к женщине?

Возвращаясь к вопросу о любви, я изучал разные ее концепции. Церковники говорят одно, психологи – другое, а каждый человек в силу своего опыта – третье. Но для себя я сделал такой вывод: любовь – это понятие, в котором заключено глубинное сопереживание, когда жизнь любимого человека становится твоей жизнью, то есть его страдания – твоими страданиями, его счастье – твоим счастьем, но при этом должна сохраняться личностная автономия, ибо любовь – это не потеря себя, а открытие в себе новых сторон, безболезненное нарушение границ собственного эго, когда хочет-

ся отдавать, не ожидая ничего взамен.

Поскольку женщины существа более эмпатичные, они более склонны к любви и жертвенности, нежели мужчины. Я это к чему? К тому, что нам мужикам обычно требуется больше времени для осознания своих чувств и их принятия. А у меня вообще в этом отношении «осложненный анамнез», поэтому анализ мог затянуться на неопределенный срок и кончится тем, что я, как Чайка говорила – «профукал» бы свой шанс. Так что в нашем пьяном цирке были свои плюсы, хотя на тот момент во мне разыгрались больше собственнические инстинкты и самолюбие, как и в Чайке. Будучи в таком эмоциональном состоянии, говорить о чем – то не имело смысла, поэтому не стоит даже вспоминать. Это было грязно, грубо, противно. Протрезвев, я обдумал и свое поведение, и поведение Чайки. И тут, как говорится – хочешь принцессу, стань принцем. Я же изначально утянул эту девчонку, только-только начинающую жить, в болото неправильных отношений, прекрасно зная, что она себе в голове накрутила всякой романтической херни. И вроде бы можно оправдать себя тем, что я ей популярным языком все объяснил. Безусловно, она сама во многом виновата. Но как я уже говорил, главная мужская обязанность – быть ответственным за каждый свой шаг, так или иначе за все придется отвечать. Вот я и отвечаю – пожинаю плоды растления наивной дурехи, которая запуталась в самой себе: и хочется, и колется, и гордость не велит.

И тут возникает самая главная дилемма. В чем заключа-

ется любовь? В том, чтобы пойти против себя и отпустить, пусть будет счастлива сама по себе или в том, чтобы бросить все силы на то, чтобы сделать ее счастливой?

Мне ближе второй вариант. Это сложный путь, рискованный, учитывая все проблемы: и разницу в возрасте со всеми вытекающими, и мою дочь, и наш неудачный старт. Но все решаемо и поправимо, если двое ориентированы друг на друга, а не исключительно на себя. Я сделал ставку на счастье, а не на покой. Правильно ли это или ошибка, время покажет.

Такие мысли бродили у меня в голове, пока меня не вернули в реальность.

—Олег, ты какой-то рассеянный. Все летаешь где-то и летаешь, — поцокал Богдан Юрьевич, с которым мы обсуждали мое скорое назначение на пост в департаменте.

—Прошу прощения, задумался немного, — отозвался я, внутренне подобравшись, так как тяжелый, пронизывающий взгляд Гордеева вмиг приводил в чувство. Удивительно, что я вообще выпал из разговора с этим человеком, рядом с ним обычно чувствуешь себя не в своей тарелке. Казалось, что он видит тебя насквозь, читает каждую твою мысль. И в следующее мгновение я убедился, что это не пустое ощущение.

—Это я понял. Но твоя задумчивость мне совсем не нравится, как и последние события, — сообщил он вроде бы с ничего не выражающей интонацией, но взгляд был острым, давящим, показывающим всю степень недовольства Гордеева. Поскольку с этим человеком шутки были плохи, я напрягся,

зная, что ничего хорошего данное замечание не сулит.

—Какие конкретно? — спросил прямо, не имея привычки ходить вокруг да около. Гордеев же неторопливо пригубив коньяк, закурил и только после, задумчиво произнес, удивляя меня направлением своих мыслей:

—Ты знаешь, Олег, я за годы своей жизни убедился, что планета действительно крутится вокруг пальчика бабы, и что за каждым значимым действием мужика стоит тоже баба. Как ты думаешь, я это к чему?— обратился он ко мне с усмешкой, начиная раздражать своей излюбленной игрой в кошки-мышки.

— Не уловил пока связь,— ответил я холодно, действительно не очень понимая, к чему он ведет.

—Странно, что не улавливаешь. Ведь минуту назад ты наверняка не о делах наших думал, а о бабе своей, — насмешливо выдал он, я же на мгновение опешил, но тут же пришел в себя, и стало не по себе. Расслабился, однако. Забыл, с кем дело имею. Без ведома Гордеева даже дышат через раз, не говоря уж про то, чтобы скрыть отношения, которые я не очень —то скрывал, а в свете последних событий и вовсе. Теперь оставалось только гадать, чем обернется все это. Вспомнился давнишний разговор с Михой. Антропов словно в воду глядел. Я тогда, конечно, отмахнулся, считая, что мы легко сработаемся с Гордеевым. А сейчас понимаю, что ни хрена оно не легко. Я давно уже не мальчик, чтобы с меня в таком тоне спрашивали и лезли в мою личную жизнь. Но опять же, ес-

ли взялся за гуж, не говори, что дуж. Поэтому я постарался успокоиться, хотя это было сложно сделать, поскольку Гордеев следил за моей реакцией с каким-то интересом исследователя, словно я препарированная лягушка.

—А если ближе к сути, — бросил я раздраженно.

—Да ты не кипятись, Олежа, я же тебе не в упрек. Дело — то житейское. Все мы однажды голову теряем. Но удивил ты меня знатно, я тебе скажу. Не ожидал от тебя-то,— хохотнул он, я же едва сдержался, чтобы не послать его подальше, но это было бы фатально во всех отношениях.

—Я и сам от себя не ожидал, — согласился я все же, объективно признавая свой косяк.

— Вот это плохо. Необходимо подобные сюрпризы устранить, как можно скорее. Ты же понимаешь, насколько дело серьезное и какая конкуренция у нас?— отбросив всякое веселье и добродушие, перешел он к делу. Я кивнул. А он продолжил уже жестче, — Малейшая ошибка и пойдет по одному месту вся наша работа. А кто будет возмещать убытки? И когда теперь вообще возможность такая выпадет? Даже мне с моим-то влиянием не так просто в эту степь залезть.

—Я понял, Богдан Юрьевич, больше такого не повторится, — произнес насколько можно невозмутимей, хотя хотелось провалиться сквозь землю. Чувствовал себя каким-то нашкодившим щеглом. Вот только самобичевания длились ровно секунду, пока Гордеев со снисходительным видом не сообщил следующее:

—Конечно, не повторится, уж об этом мы позаботимся. В нашем деле, Олег, личная жизнь должна быть четко отрегулированной: либо ты женат и являешь собой добропорядочного семьянина, либо ты один, как пример стахановского трудолюбия, в жертву которому принесена семья. Нам выгодней вариант первый. Второй вызывает много вопросов и ненужных толков. Поэтому ты уж наладь отношения со своей девочкой, раз она тебе в душу так запала. Она у тебя, как я понял, без царя в голове. Ну, это не страшно. На таких просто надо ошейничек и на привязь. Ошейник я тебе уже обеспечил, а ты уж прицепи свою зазнобу, да смотри, чтоб не дрыгалась сильно.

От этих нравоучений у меня буквально пропал дар речи, я смотрел на Гордеева, как баран на новые ворота и ни черта не мог понять, в душе же вспыхнула дикая ярость, когда осознал, что моей Янке что-то могут сделать, а также что именно она стала рычагом давления на меня.

—В каком смысле «ошейничек» обеспечили? — процедил я, дрожащим от гнева голосом.

—Да не пугайся ты, нормально все с твоей девчонкой. Малость крылышки ей урежем, чтоб тебя не баламутила, а слушалась и все. Иногда бабу надо направлять, чтоб лишний раз дров не ломала. Так что направляй, воспитывай и семью создавай, чтоб никто не подкопался и спокойно работа шла. Вот как раз сейчас пока затишье, надо все прорехи быстро закрыть. —вещал он с видом доброго, мудрого дядюшки, буд-

то неразумному ребенку, доводя меня до бешенства.

—Богдан Юрьевич, я не хочу с вами конфликтовать, поэтому давайте, вы не будете лезть туда, куда не следует. И уж тем более, к этой девочке. Иначе мы на этом закончим наши дела. Я вообще удивлен, что вы интересуетесь такими вещами, — закончил я со снисходительной улыбкой. Ну, смешно же ей богу. Но Гордеев считал иначе.

—А чему тут удивляться, если даже один из самых сдержанных людей теряет голову и творит черте-что из-за девочки, у которой молоко еще на губах не обсохло? Я разговор, помнишь, с чего начал?

Я вспомнил размышления на тему, что за каждым мужиком стоит баба, и картинка стала полной, это даже вызвало желание поаплодировать Гордееву, его мастерству выстраивать в диалоге причинно-следственные связи.

—Вот то-то же! — резюмировал он, и помедлив немного, пояснил, — А интересуюсь я всем и каждым, Олег Александрович, иначе не был бы там, где я есть. Но в первую очередь, необходимо быть в курсе, кого мои люди трах*ют и насколько это серьезно. Тебя, похоже, серьезно прихватило, поэтому не вижу смысла это недооценивать. И чтобы нам с тобой в дальнейшем не конфликтовать, принял меры. Ты же теперь сам разруливай, чтобы я больше не лез «туда, куда не следует», потому что соскочить уже не получится, Олег. Теперь только вперед и никак иначе, так что давай, настраивайся на работу, решай свои дела.

На этом тема была закрыта, хотя мне многое хотелось сказать и вообще послать Гордеева с его дебильными рассуждениями и методами организации труда. Нет, на самом деле, это все, конечно, в чем-то правильно и верно, но кому хочется стать объектом подобной казуистики? Мне не хотелось, и уж тем более, впутывать в это все Янку. Но поскольку соскочить действительно уже никак не получится, ибо Богдан Юрьевич не тот человек, которого можно послать без каких-либо последствий, то лучше было бы оградить Чайку от этих дел, отдающих душком опасности. Но «ошейничек» уже одет, и нужно для начала разобраться, что он из себя представляет.

В общем, час от часу не легче. От Гордеева я уехал с самым поганым настроением и тяжестью на сердце. Мысли о Янке не давали покоя. Было чувство, что у меня в нутре покопались грязными ручищами. Я, конечно, понимал, что никто мою Чайку и пальцем не тронул, и навряд ли Гордеев принял какие-то серьезные меры, но сам факт, что посторонний человек вот так запросто добрался до моей девочки пугал. Это было недвусмысленным предупреждением. А ведь Миха меня предостерегал. Я и тогда все понимал, но понимать – это одно дело, а прочувствовать – совершенно другое. Расслабился я, короче. А в политических играх – это непростительно. Необходимо быть осторожней, осмотрительней, всегда начеку. И ведь это только начало... Представлять, что будет дальше, даже не хочется, да и зазвонив-

ший телефон не позволяет.

–Привет, Алён!– отвечаю на звонок, остановившись на светофоре.

–Привет! Занят?

–Не особо. Что-то случилось?– спросил обеспокоенный ее расстроенным голосом.

–Случилось, но тебя, наверное, новости порадуют, – сиронизировала подруга.

–Интересно девки пляшут. – прокомментировал я.

–А то! Приезжай, ждем тебя.

–Ладно. Что взять?

–Ой, водки и ...водки. – засмеялась она, но мне это все совершенно не понравилось.

–Ясно. Случилось что-то грандиозное.

–Не то слово.

–Скоро буду, – коротко отозвался я и, прибавив скорость, помчался, как можно скорее к друзьям, забив на собственные проблемы.

Как только подъехал в дому Шуваловых, на подъездной дорожке заметил припаркованный «Lexus» Михи, и это на-прягло еще сильнее, поэтому, когда Алёнка открыла дверь, не стал тратить время на приветствия и, передав пакеты, нетерпеливо заявил по пути на кухню:

–Выкладывайте, что там у вас произошло, а то пока дое-хал, перебрал все, что можно и нельзя.

–О, паникер еще один выискался, – закатила глаза Шува-

лова, разбирая пакеты. —Ничего у нас не случилось, а вот Антропов решил развестись.

—Ничего себе, вот это новости! — изумленно воскликнул я, — Так мы празднуем что ли? А я-то уже перепугался, — хохотнул я, испытывая облегчение и надо признать, радость.

— Не знаю, у Миши особой радости по этому поводу не заметила, —недовольно взглянула Шувалова на меня, продолжив нарезку овощей, которой занималась до моего приезда.

—Нашел из-за кого переживать. Давно пора. Вообще не представляю, как он ее терпел. Памятник мужику надо!— провозгласил я, наполняя бокал вином.

—Ой, ну, ты тоже такой интересный, Гладышев. Всех осудил, а себя не видим! — с негодующим видом воскликнула вдруг Шувалова.

—А я-то что?!

—А то, что у самого, простите, такое... чудо, что не в сказке сказать! Марина, как рассказала, у меня челюсть на полу была. Я, конечно, не видела эту девушку, хотя если это та, которая прошлой осенью устроила себе звездный час у клуба, то я тебе скажу, впечатляет не слабо! Так что вот тебе ли не знать, как и кого можно терпеть?! — обрушилась она на меня, что мне совершенно не понравилось, но надо признать, что и она по- своему права. Вот только эти выводы, сделанные с чьих-то слов, просто изумляли своей примитивностью и взбесили не на шутку.

—Удивительно от тебя слышать подобный упрек. Свое

мнение я никогда не скрывал, и оно взято не из воздуха, а составлено за годы общения и наблюдения в разных ситуациях. А вот касательно твоих умозаключений, сделанных на основе взгляда вскользь и чьих-то слов, даже не знаю, что сказать. — холодно произнес я, отставляя бокал. Шувалова покраснев, тяжело вздохнула.

—Извини, Олеж! Просто женская солидарность выиграла: Антропов, значит, таскался, а Вика плохая. Меня это бесит! Да и вообще нервная я стала, послеродовая депрессия дает о себе знать.

—О, только не надо петь мне про эту послеродовую депрессию. У меня на нее молитвами Ленки нервный тик и панические атаки. — шутливо открестился я, чтобы разрядить обстановку.

Ситуация прояснилась, каждый по-своему был не прав и признавал это, поэтому заострять внимание не стоило, и уж тем более обижаться. Я вообще не помню, чтобы мы когда-то друг на друга обижались. Ну, бывали спорные моменты и высказывали иногда друг другу какие-то неприятные вещи, но исключительно правду. Друг он на то и друг, чтобы быть твоим зеркалом, и если ты испачкался в дерьме, он тебе на это укажет. Поэтому обид у нас не возникало, с конфликтными ситуациями и непониманием быстро разбирались, как сейчас.

—Олеж, ну, ты вообще как?— спросила Алёнка спустя пару минут.

—Нормально, — пожал я плечами, не зная, что еще сказать, хотя впервые захотелось поделиться всей этой дуркой, в которую превратилась моя жизнь.

—Да брось ты это! — фыркнула она и, отложив нож в сторону, продолжила.— С каких пор у нас нормальным стало, что ты пьяный по городу носишься? А уж ситуация с Мариной меня вообще добила! Мы тебя ждали, чтобы отметить такое событие, а приходит она одна вся в слезах и говорит, что ты взял да укатил с какой-то девицей.

— Я уже извинился и не раз, — напомнил я, отводя взгляд. Было неловко за ту выходку и очень стыдно, особенно перед Мариной. Полнейшее свинство! Но на тот момент я ни о чем не мог думать, кроме Янки.

— Да извинения эти... Как будто кто-то в обиде. Ты просто хоть бы прояснил ситуацию, а то волнуемся же.

—Я бы прояснил, если бы мне самому хоть что-то было ясно, — признался я с невеселой усмешкой.

—А что не ясного-то, Олеж?! Любишь ее? — улыбнулась Аленка, довольная тем, что вывела меня на этот разговор.

—О, ну, у тебя все так просто, —улыбнулся я в ответ и пригубил вино.

—Да в жизни все вообще проще некуда, если самому себе руки не связывать, — заявила Шувалова. Я хмыкнул, закатив глаза, а она продолжила гнуть свою линию, — Вот в чем у вас проблема?

—Да во всем! — засмеялся я, качая головой.

—Я тебе так скажу, Олежка, когда любишь, проблемы перестают быть проблемами.

—На мой взгляд, любовь — это еще далеко не все.

—А что тогда все? — допытывалась она.

—Не знаю, Алёнка, уже ни черта я не знаю. Ей восемнадцать, мне тридцать восемь. У меня дочь ровесница ее почти. Да как я вообще представляю эту девчонку Олеське, семье, вам, — привел я исчерпывающие аргументы, — Ты сама видела это... «чудо», а она реально «чудо», Алён.

—Да плевать на всех вообще, Гладышев и на все! Вам хорошо вместе и это главное! Остальное оно само устаканится, придет в норму, если любишь, и она тебя любит, — начала она горячиться, стараясь достучаться до меня.

—Может, не любит, — предположил я, посмеиваясь над другой. Хотя думал об этом далеко не в шутку, ибо Чайка птица гордая, самолюбивая.

—Ну, значит, дура! Как тебя можно не любить?! — села Алёнка на своего любимого конька. Я засмеялся и притянул ее к себе, целуя в макушку.

—Я бываю еще той сволочью, а с ней особенно отличился, — признался я невесело.

— Да все вы — сволочи, Гладышев! Каждый мужик свою бабу обижал и будет обижать еще ни раз, как не крути. Понятно, что кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Но в жизни не поверю, что ты там что-то такое натворил, чтобы все — аля-улю. Да и вообще я считаю, любишь мужика,

простишь ему все. Вот сколько Борька чудил? Все прощала, потому что люблю его – сволочь такую. Так что простит, никуда не денется. Я б за одни твои глаза все простила, – хотнула она, толкая меня в бок, я тоже засмеялся.

–А я думаю, где моя жена застряла?! А она, не успел я отвернуться, уже обжимается тут со своим любимчиком, – раздался громоподобный голос Борьки, замершего в дверях и старательно изображающего недовольство.

–Последние деньки, Боря, позволяю себе вольности, скоро приберут этого идеального мужчину к рукам, и только любоваться будет можно, – вздохнула Шувалова горестно.

–Вот пусть уже приберут, чтоб не искушал людей, – парирует Борька и хлопает меня по плечу в знак приветствия.

–Твою жену искушишь. Она только языком чешет.

–Да в ней я даже не сомневаюсь, а вот за себя ручаться не могу, прибыю еще ненароком. А то знаешь ли, бесит, когда у твоей жены идеальный мужчина – не ты, – заметил он, погрозив Алёнке кулаком.

–Ладно тебе, приbedнаться, – отмахнулась она.

–Ты давай уже нам чего-нибудь закусить. Антропову – то пофиг, а я жрать хочу, – распорядился Шувалов.

–Лучше скажи, когда ты не хочешь, – закатила Алёнка глаза. Борька ничего не ответил, поцеловал ее в щеку, и прихватив тарелки с какими-то закусками, вернулся к Михе.

–Что-то мы с тобой заболтались и про нашего виновника «торжества» забыли, – заметил я, собираясь последовать за

Борькой.

– Ты у нас не меньший виновник, – отозвалась Алёнка, вручив мне тарелки с закусками.

– Понятно, значит, решила воспользоваться Михой и заманить меня на допрос, – пожурил я ее.

– И это тоже, а вообще хорошо собраться нашим первым составом. Как в молодые годы почувствую себя королевой мужской компании, – с ностальгической улыбкой поделилась она, но через секунду уже пробурчала, – А то понаприводили своих невест... –

– Ты хоть с невестами хоть без, останешься королевой нашей мужской компании, так что не ной, – подмигнул я, она же довольно захихикала, превращаясь в ту мелкую заносу в заднице, которая доставала меня без конца и края по поводу Борьки.

– Олеж, – позвала она, когда мы направились в сад.

– Что? – обернулся я.

– Дай этим отношениям шанс. Просто хотя бы попробуй, – попросила она вдруг и добавила, словно зная, о чем я в первую очередь подумаю. – И Олеську не ставь во главе угла. Она уже большая, должна понимать, что ты имеешь право на счастье, и от этого твое отношение к ней не измениться.

– Если бы она это понимала... А как донести, не знаю, – признался я. – Из меня вообще родитель херовый по сути, поэтому страшно усугублять ситуацию.

– Нормальный ты отец, а вот мать могла бы быть получ-

ше. Так что не занимайся самобичеванием, и не иди на поводу Леськиных капризов и эгоизма, пусть вырастет. Мы с ней на отдыхе поговорим, попытаюсь как-то подготовить. А ты решай со своей девушкой все проблемы и наслаждайся жизнью.— подбодрила она меня, и это оказало тот самый эффект, который был необходим, чтобы ощутить стопроцентную уверенность в своем решении, которое я принял еще две недели назад. Но это был тот случай, когда хочется, чтобы кто-то убедил в его правильности. Алёнке это удалось, причем с блеском.

– Ой, Олеж, я чет прям, сейчас хочу посмотреть на твою девочку. Что вот в ней такого, что тебя так зацепило? – произнесла она с луковой улыбкой, вызывая у меня смех.

– Огонь в ней, Алёнка, пожарище. Сама жизнь! – задумчиво произнес я, словно сам себе. Шувалова не стала комментировать мой ответ, да и мы как раз подошли к Борьке с Михой.

Антропов методично напивался, глядя куда-то вдаль. Вид у него был крайне подавленный, от чего на душе стало не хорошо. Вот только причина, как оказалось, не в Вике вовсе, а в какой-то Кристине. Миха чуть позже разоткровенничался, видимо, допекло его все до смерти да и напился сильно. От его исповеди мы сидели просто в охренении. Я же в очередной раз убеждался, что все в жизни относительно и наши с Чайкой проблемы – это вообще херня на фоне дурдома Миши. Мало того, что он женат и у него дети, так и бабенка та

замужем, да еще как недавно выяснилось, за инвалидом, с которым у Миши идет борьба за очень лакомый участок вот уже полгода, которые эта Кристина пытается Антропова обработать, чтобы уступил. И он- дурак чуть не уступил ведь, но слава богу, ушлая парочка попалась. Правда, не понятно, то ли муж свою жену куда надо подкладывал, то ли жена – та еще хитрожолая сучка. В общем, я всех нюансов не понял, Антропов вещал все это как бы и не нам, но из его обрывочных пьяных монологов сложилась такая картинка.

Никогда бы не подумал, что у него подобные проблемы, и что с Викой собрался разводиться. Еще две недели назад, они были не разлей вода на вечеринке. С виду крепкая семья, а на деле- хорошие актеры. В общем, хрен поймешь, что происходит в этом карнавале масок. Оттого сердцу вдвойне милей Янка со своей трехрублевой простотой. Настоящая она.

С этими мыслями я заснул прямо в кресле-качалке в саду, вдыхая аромат свежести летнего утра. Хоть и горькая вышла ночь, а все равно на душе было тепло от того, что собрались с друзьями и посидели в узком кругу, поделились, чем смогли. Давно у нас такого не было.

Проснулся я ближе к вечеру, Антропов уже уехал. Я тоже не стал задерживаться и отправился домой, по дороге позвонил Чайке, поскольку сегодня она должна была узнать результаты экзаменов и, следовательно, срок моего невмешательства истек.

Когда она не ответила на седьмой по счету звонок, я забеспокоился. На нее это не было похоже. В любом случае, она хотя бы прислала смс. Поэтому я развернулся и поехал к ней домой, чтобы самому убедиться, что все в порядке. Надо признать, после вчерашнего разговора с Гордеевым, у меня начала развиваться какая-то паранойя.

И видимо, не зря, в чем я убедился, когда Янка открыла дверь.

Увидел ее зареванное лицо и все сжалось внутри, задохнулся, наизнанку, будто всего вывернуло, потому что понял, что это Гордеевских рук дело.

—Что случилось?— выдавил из себя, обхватывая ладонями ее мокрые щеки, вглядываясь в покрасневшие глаза. Ее затрясло, словно в лихорадке, и новый приступ скрутил всю, отчего она обессиленно прислонилась к моей груди, комкая дрожащими пальцами рубашку, и едва ли не крича от отчаянья. Я прижал ее к себе крепче, ладонями ощущая крик, рвущий ее изнутри. Это отозвалось во мне тупой болью. Закрыв глаза, зарываясь лицом в ее растрепанные волосы, и с шумом втянул воздух, понимая без слов, что случилось. Что за «ошейничек» одели, причем на нас обоих, ибо разве смогу я остаться в стороне?

Не смогу! Все сделаю, только бы она не знала больше слез.

Конечно, это проклятое поступление не стоит таких переживаний, но это для меня, а для нее это ведь возможность доказать, что она самодостаточна, что она весь год работала

не зря, что смогла и преодолела все на пути к своей цели. Самореализации личности – это ведь одна основополагающих вещей в жизни каждого человека. А сейчас опять мою девочку ломанули знатно и вновь не без моей помощи.

Гордеев -сукин сын очень хорошо знает психологию, ударил, куда надо. «Ошейник» беспронимчивый. Вот только нахер он такой не нужен, не ценой подобной истерики, разочарования и боли. И что самое смешное, мне ничего не остается, как одеть «поводок». Может, раньше было бы все равно, но не теперь, когда переживания этой девочки стали моими собственными. Гордеев –сука мне еще ответит за это. А пока главное, чтобы Янка не узнала, откуда ветер дует, иначе это конец всему будет. Вот тут уж точно «аля-улю».

Глава 4

– Я знаю, что этого не может быть, понимаешь? Просто не может! Я все сделала идеально. Абсолютно все! – повторяла я, как мантру, захлебываясь слезами. Гладышев молчал, укачивая меня, словно маленькую в своих объятиях.

Я не помню, как он вообще оказался в моей квартире, и как дошло до того, что я стала реветь у него на груди, изливая душу, которую он же высосал по каплям. Удивительно, но все перестало иметь для меня значение после этого провала. Я словно потеряла ориентир в жизни. Впрочем, это действительно было так. Целый год я жила только одной мыслью – поступить. А теперь... Я не знаю, что теперь. И дело уже даже не в том, что я скажу маме и тете Кате, хотя они разрывали телефон с самого утра, дело во мне самой.

Каждая личность должна развиваться – это ее предназначение. Цели, их достижение – это и есть развитие. На данном этапе я не справилась со своим предназначением. Я проиграла, из меня сделали дуру. Вопрос только – кто? Кому это выгодно? Макс? Неужели он оказался настолько мелочным ублюдком, а я такой набитой душой, что не замечала этого? Возомнила себя великой манипуляторшей, а ведь знала, что с ним не стоит шутить. Знала! И все равно, пищала, но лезла. Хотя какой уже толк рвать на себе волосы?! Нужно думать, что делать дальше!

Телефонный звонок вырвал меня из моего отчаянья. Я вздрогнула, когда Гладышев протянул мне сотовый. На дисплее горело «Мама».

— Ответишь? — спросил Олег, а на меня вновь накатила истерика от безысходности.

— Не могу, — шепчу охрипшим от рыданий голосом. Гладышев отключил звук и отложил телефон, я же вновь заплакала, отчего Олег тяжело вздохнул, видимо, устав, утирать мне слезы. Меня это почему-то задело. Не сильно, но все же ощутимо, чтобы привести в чувство и напомнить, что я столь беззащитна и открыта перед мужчиной, который вытер об меня ноги именно потому, что я всегда с ним была такой слабой.

— Уходи, — произнесла устало, немного успокоившись. Мне не хотелось, чтобы Гладышев видел меня в таком состоянии, это тяготило, вызывало стыд. Его присутствие раздавливало остатки моей гордости. А ведь я хотела предстать перед ним успешной, самодостаточной, знающей себе цену. Вышло же, как всегда: я в слезах, отчаянье, с кучей проблем.

— Не могу, — отозвался он и с невеселой усмешкой добавил, — вдруг ты из окна выбросишься.

Я истерично хохотнула в ответ, вспомнился тот разговор. Тогда это было сказано в шутку, я даже думать не думала о том, что могу не поступить. Подобный исход казался невозможным, учитывая уровень моей подготовки, но ничего нет невозможного в этом мире.

—Если захочу, ты меня в любом случае не остановишь, — насмешливо сообщила и, демонстративно убрав его руки, поднялась с дивана, на котором мы полулежали. Гладышев своей расслабленной позы после моего ухода не изменил, напротив, развалился с еще большим комфортом, облокотившись на спинку дивана, всем своим видом заявляя, что никуда он уходить не собирается. А меня поразили контраст: он — такой весь выхоленный в дизайнерской рубашке и брюках, и мой старенький диван, обитый какой-то грубой, дешевенькой тканью. Даже он кричал, что Гладышеву тут не место.

Но Олега мало волновал антураж, все его внимание было приковано ко мне. Он медленно оглядел меня с ног до головы ничем не выражающим взглядом, что усилило мою нервозность и раздражение. Я точно знала, что выгляжу после такой истерики феерично, а потому уверенности это не добавляло, с Гладышевым же мне жизненно необходимо чувствовать себя уверенней, иначе он меня просто-напросто одним взглядом подомнет под себя. А этого нельзя допустить! Но Олег не позволяет мне развить эту мысль.

—Ну, значит, надо сделать, чтобы перестала хотеть. — с улыбкой произнес он, а потом облизнув губы, отчего меня, словно насквозь прошило горячей волной, уже с серьезным видом сказал. —Я понимаю, малыш, что поступление для тебя очень важно, но это не конец света и все поправимо.

Его «малыш», словно содрало с моей едва затянувшейся раны корочку, обжигая резкой болью, вызывая бесконтроль-

ную злость.

—С каких это пор ты стал понимать, что для меня важно? — обрушилась я на него, но он и бровью не повел.

—Ты действительно хочешь мусолить все это по десятому кругу?— спокойно спросил, приподняв бровь.

—На то, что я действительно хочу, тебе, как и всегда, плевать, раз ты до сих пор здесь, так какая разница, что «мусолить»? — сложив руки на груди, взираю на него сверху вниз, но ощущение, будто я какая-то провинившаяся школьница.

—Что ты действительно хочешь, малыш, ты сама не знаешь, поэтому я тебе помогу. — заявил он покровительственно. У меня от такой бесцеремонности, даже будучи привыкшей к манерам Гладышева, глаза стали по пять копеек, но Олегу мои реакции были до фонаря. Не дав мне прийти в себя, он с размаху долбанул в лоб следующим вопросом, — Ты учиться хочешь?

—Ты издеваешься?

—Нет, я направляю твои мысли на правильный путь, чтобы ты не тратила ни наше время, ни нервы, -выдал он ровным голосом, доводя меня до бешенства. Я просто охреневала с этого человека.

—А что у тебя есть какое-то предложение?— съязвила, все еще не понимая, к чему он клонит.

—И не одно, — многозначительно парирует он.

—Да неужели?! Ну, рассказывайте, Олег Саныч. Я вся-внимание.

– Не ерничай, малыш. – ласково одернул он меня, в который раз играючи пробегая бритвой по моим нервам.

– Не зови меня так больше! – процедила сквозь зубы.

– Почему, тебе же нравилось? – улыбнулся он краешком губ, глядя на меня так, словно я капризный ребенок.

– Теперь не нравится! – отрезала, прожигая его убийственным взглядом.

– Предпочитаю постоянство, малыш, – безапелляционно заявляет он, давая понять, что тема закрыта.

– Бесподобно! – вырывается у меня смешок. – Не понимаю, зачем тебе я, Гладышев? С таким же успехом ты можешь общаться со стеной! По крайней мере, она не будет возражать.

– Весь кайф как раз в том, что ты возражаешь. Да и вообще в наших с тобой спорах есть особое очарование, – с какой-то ностальгической усмешкой выдал он, что окончательно допекло.

– В том, что касается нас, нет ничего очаровательного, Олег Александрович! – холодно произнесла я, с удовольствием наблюдая, как он мрачнеет. Но этого было ничтожно мало для моей жажды мести. Я бы хотела убивать его словами, на части рвать, как он меня когда-то, чтобы прочувствовал и понял, как это было. Я хотела бы отомстить ему хотя бы малой частью той боли, что он причинил мне, но как бы не скалилась, а там-на самом дне, влюбленная идиотка, словно феникс восставала из пепла с каждым последующим Глады-

шевским словом. И я знала, что не смогу запереть ее внутри себя, не смогу противостоять ее бешеной тяги к нему. Потому что не научилась, потому что так и не смогла отвыкнуть от мысли, что он может быть моим, потому что, как бы не умирала от боли, а любовь к нему все равно жива. Я одержима этим мужчиной, как дьяволом. А против этого, увы, экзорцизм бессилён.

Гладышев несколько долгих минут молчал, задумавшись о чем-то, а потом перевел взгляд на меня и тяжело вздохнув, сказал:

—Знаешь, Ян, я понял, в чем твоя проблема.

—И в чем же?

— В том, что ты слишком впечатлительна даже для женщины.

—В каком смысле?

—В самом, что ни на есть, прямом! Тебе нравится муссировать события. Вот если разобраться в нашей ситуации, то по сути, не настолько все трагично, как ты это рисуешь. Да, я пытался загнать наши отношения в удобные для себя рамки, но у меня ведь ни черта не получилось. Давай, будем честны сами с собой! Ничего мерзкого и грязного между нами не происходило. Я тебе больше скажу, миллионы пар видятся два раза в неделю, занимаются сексом и общаются в перерывах между ним. И никто не считает это чем-то таким ужасным. Да, если в двух словах, то я приезжал, трахал, давал денег, уезжал. Но если начать утрировать любые отношения,

то поверь мне, они все сведутся к сексу и деньгам! Вот только для чего утрировать? Хочешь сказать, ничего хорошего у нас с тобой не было? В жизни не поверю! Чтобы полюбить человека, нужно пережить с ним хотя бы один миг радости. Невозможно любить кого-то, если он бесконечно унижает тебя, причиняет страдания, потому что человек по своей природе эгоистичен. Любовь к мучителю – это душевная болезнь, а не разновидность любви. Нет вообще никаких ее разновидностей, она одна, но не каждый на нее способен. Ты способна, Чайка?— вдруг спросил он в конце своего логично-выстроенного монолога, над которым я всерьез задумалась, несмотря на то, что в душе у меня бушевало негодование и несогласие. Но в тоже время я не знала, что возразить, поэтому смогла лишь задать вопрос:

—А в чем, по-твоему, заключается способность любить?

—В том, что ты готов нарушить границы своего эго ради совместного будущего с человеком, которого любишь, ради его счастья,— ответил он, поражая меня до глубины души. Я никогда не думала, что услышу нечто подобное от него – от мужчины, которого считала первостатейным эгоистом и уж, тем более, что он нарушит эти самые границы своего эго ради меня. Мечтала? Да. Верила? Нет. А сейчас, не знала, что сказать от растерянности, но Гладышев и не ждал от меня ответа. Похоже, настал его черед говорить. И он говорил, впервые настолько откровенно, искренне, что каждое его слово попадало прямо в сердце, и у меня дыхание перехватывало

от слез и неверия, что это ОН ТАКОЕ говорит, это ОН впервые настолько раскрывает мне свою душу.

— Вот ты все время удивлялась, как можно быть «таким», — рассуждал он с горечью, а у меня слезы стояли комом в горле, потому что я уже знала, к чему он ведет, и не ошиблась.

— А ведь ты сама стала такой же и это при том, что тебя жизнь всего-то раз легонечко хлестанула. А меня она столько била, Ян, столько я падал, расшибал лоб, ошибался, оступался и был зол на весь мир, что тебе и не снилось. Но вот теперь ты сама себе ответь, просто ли после случившегося доверится? Просто ли быть открытой, не опасаясь ничего? Сможешь ли ты теперь с места в карьер? — вопрошал он, глядя пристально в мои глаза, наполненные слезами, ибо Гладышев был до боли прав, но в тоже время обида все еще гложила меня, а он продолжал давить на все кнопки, не давая передышки, — Ответь и поставь себя на мое место. Я не оправдываюсь! Просто хочу, чтобы ты попыталась понять и мою позицию. И решила, стоит ли за то, что мне понадобилось время для осознания своей очередной ошибки, спускать всех собак?

— Разве ты бы что-то осознал, не встретиться мы на том вечере? — задала я вопрос, который не давал мне покоя.

— Осознал, куда бы я делся?! Но, возможно, было бы слишком поздно.

— Может, поздно уже сейчас. — произнесла я задумчиво, вспомнились строки одного из моих любимых стихотворе-

ний: «Тебе бы меня, но иную, не знавшую этой, пол сердца отнявшей, зимы...»

—Мне так не кажется, — возразил он с ласковой улыбкой, а затем добавил,— Но давай, лучше вернемся к вопросу о твоём поступлении.

—А что к нему возвращаться? Все кончено, — усмехнулась я горько, на что Гладышев покачал головой по-прежнему улыбаясь, словно мои проблемы —это такая мелочь. Меня это, конечно же, взбесило, поэтому я раздраженно бросила,— И веселого в этом ничего нет!

—Не спорю, но и трагедии тоже,— заметил он спокойно, а затем распорядился, повергая меня в шок,— Завтра подготовь документы, съездим, оформим твоё поступление на коммерческой основе.

Несколько минут я переваривала это предложение, не в силах поверить. Сердце же птицей заметалось в груди от воскресшей надежды и разгорающейся бесконтрольной радости. Видимо, все эти эмоции отразились у меня на лице, потому что улыбка Гладышева стала шире, а глаза заблестели лукавым блеском искуителя. Я понимала, что нужно держать себя в руках, не поддаваться, но разве это было возможным? Я столько мечтала об этом, поэтому мысль, что теперь, после всех испытаний, связанных с этим гребанным поступлением, все зависит лишь от одного моего «да», пьянит, возносит до небес, окрыляет. А я не настолько хорошая актриса, чтобы подавить такие эмоции и сыграть равнодушие. Этот

дьявол дразнил самым желанным. И как устоять, я просто не представляю! Да и хочу ли быть стойкой? – эта мысль удивляет, злит и отрезвляет. Как я, однако, быстро повелась! Соберись, Токарева! Неужели позволишь себя купить?

–Хочешь меня купить?–насмешливо интересуюсь, взяв себя в руки.

–Хочу, – без всякого смущения заявляет он, но последующая фраза убивает на корню мое возмущение и сомнения в том числе, – Но по «тарифу», который ты озвучила две недели назад. А касательно поступления – это от души, потому что хочу, чтобы у тебя было все хорошо. Но ты можешь использовать в качестве аванса для своей гордости.

–В каком это смысле?

–Ты знаешь в каком!– парирует с ноткой снисхождения, что меня напрягает.

–Не знаю и знать не хочу! –отрезала я, а Гладышев вдруг поднялся со своего места. Несколько долгих секунд мы смотрели друг другу в глаза, отчего у меня мурашки побежали по коже. Я вдруг так отчетливо ощутила потребность дотронуться до него, что казалось, кончики пальцев загудели. Олег же преодолел разделяющее нас расстояние и, скользнув ладонью по щеке, чуть склонил голову набок, шепча:

–Когда начнешь обдумывать мое предложение, поймешь.

–Не собираюсь я ничего обдумывать, – процедила с раздражением, хотя сама едва держалась на ногах, растворяясь в гипнотизирующем взгляде, плаваясь от легкого касания го-

рячей руки.

— Не рой себе яму, малыш, из которой не сможешь выбраться без того, чтобы не наступить на горло своей гипертрофированной гордости, — выдает он очередную заумность с самоуверенным видом, словно непременно так и будет, и никуда я от него не денусь. Мне хочется вспылить, но я вовремя прикусываю язык, потому что уже знаю, что да — так и будет, мать его. Слишком велико искушение, причем по всем фронтам. Нет больше сил противостоять ни своим чувствам, ни желаниям, ни уж тем более, стремлениям.

Гладышев притягивает меня к себе и целует в лоб, я же, погруженная в себя, даже не сопротивляюсь.

— Утром позвоню, — сказал он, направляясь к входной двери, и напоследок попросил. — Обдумай все хорошенько, не раздувая проблему. Сейчас как раз тот самый момент, Ян, когда нужно решить для себя, тебе важен человек или твоя обида.

— А может, это ты все подстроил с поступлением? — задумчиво озвучиваю пришедшую вдруг крамольную мысль, хотя конечно, это бред, в чем Гладышев меня сразу же убеждает.

— Это не мои методы, Чайка. Да и я бы никогда не причинил тебе намеренно зла.

— А что ты до этого делал?

— Боялся тебя, как огня, а в страхе все люди совершают ошибки.

Я засмеялась от столь сомнительной причины, но она гре-

ла мою израненную душу, мне было приятно это слышать и хотелось верить. Да что там? Я уже верила, хотя и старалась глушить в себе эти дурацкие порывы.

После ухода Гладышева, я некоторое время просто лежала и смотрела в потолок, ни о чем не думая, словно перезагружалась.

А потом вновь позвонила мама, и у меня будто щелкнуло. Я поняла, что не смогу сказать, что не поступила. Просто не смогу признаться в этом поражении. Мама переживают неудачи детей еще острее, чем сами дети. Моя мама к тому же только-только выздоровела, пришла в себя после стресса и болезни.

Как я нанесу ей такой удар? Как скажу, что я в очередной раз подвела? Не представляю. Но в тоже время, не сказать – тоже неправильно. Я уже раз так делала, и ничего хорошего из этого не вышло.

Но что же делать? Что делать-то?

У меня вновь началась истерия. Я бегала из угла в угол, кусая губы, дрожа каждой клеткой от этого подвешенного состояния, не в силах что-либо предпринять.

Не знаю, сколько я так изводила себя, но как-то разом силы покинули меня, и буря в душе потихонечку начала утихать, пришла пора взвешивания всех за и против.

Впрочем, все было решено в тот момент, когда Гладышев озвучил свое желание помочь, и с каждой минутой решение, на котором настаивало сердце, подкреплялось разумными

доводами. Я со всей горячностью уверяла себя в исключительно —корыстном мотиве того, что я хочу принять предложение Гладышева, ибо ощущать себя продуманной стервой гораздо приятней, нежели влюбленной дурой, наивно полагающей, что если прыгнуть на те же грабли, они второй раз бить не станут. Мне с успехом удавалось заниматься самообманом и, в конечном счете, удалось удовлетворить и свою гордость, и стремления души. Заключительным же и железобетонным аргументом в пользу положительного ответа Олегу стало еще то, что теперь я смогу рассказать маме всю правду и сразу же сообщить о том, что собственно проблема уже решена. Понятно, что ей это не особо понравится, но у меня тот случай, когда из двух зол нужно выбирать меньшее.

Решив все для себя, я еще час собиралась с силами, а после позвонила маме. Конечно же, разговор дался не просто, но как не странно, сложнее было рассказать о том, что Олег готов оплачивать мое обучение, нежели о том, что я не поступила. Маму новость оглушила, и она некоторое время не могла ничего сказать. А потом была ночь слез и попыток переубедить меня, чтобы я не ввязывалась в зависимые отношения, которые наверняка ни к чему не приведут. Мама пыталась втолковать мне, что женщина и мужчина в отношениях должны быть на равных условиях, тогда ни у кого не будет возникать синдрома бога, я же якобы самолично отдаю себя на милость мужчине, который привык, чтобы ему беспрекословно подчинялись. На что я довольно грубо и цинично

ответила, что не «отдаю», а пользуюсь. Мама от моих речей была в шоке и ярости, и мы, конечно же, повздорили. Но я непреклонно заявляла, что так или иначе буду пользоваться любыми возможностями, чтобы достичь своих целей, тем более, что Гладышев должен мне за моральный ущерб. На что мама выразила надежду, что с моей стороны это пустое позерство, за которым скрывается нечто большее, чем просто корысть, иначе она не узнает свою дочь. Меня подобные чаянья разозлили и удивили, поскольку, мама была довольно циничным человеком, и именно поэтому я вела разговор в подобном ключе. Но я не стала отвечать на ее попытку вывести меня на эмоции, поняв, что ни к чему сотрясать воздух пустыми разговорами, когда решение уже принято.

Мама тоже поняла бесполезность своих нравоучений и только тяжело вздыхала, поражаясь, как за год все настолько переменилось. И у меня в голове не укладывалось, что всего-то двенадцать месяцев назад я только-только делала свои первые шаги в жизни, вот только до сих пор не научилась ходить, исключительно падать и ползать. А пора прогрессировать!

Напоследок мама смягчилась и попросила быть честной хотя бы с собой и цельной, чтобы мои мысли и чувства, не расходились ни со словами, ни с действиями, иначе это больно аукнется.

Я заверила маму, что все у меня будет хорошо, и чтобы не переживала. На этом мы попрощались, договорившись об-

судить все в деталях позже.

После разговора у меня, словно с души упал камень, несмотря на то, что остался не очень приятный осадок. Я была рада, что определилась. Впервые за пять месяцев мне стало вдруг очень хорошо и спокойно. Каждое мое решение было обосновано и продиктовано необходимостью. И вот тут у меня случилось озарение. Я поняла насчет «аванса» для гордости. И поразилась этой всезнающей сволочи, предвидевшей все наперед: все мои метания, мысли и действия. Боже, он словно читает меня, как открытую книгу, зная все мои пороки и слабости. Он с самого начала знал, что я стану использовать поступление, как прикрытие, оправдывая им все, ставя во главу угла. Меня это до глубины души поражает. Нет, я в курсе, что Гладышев умный мужик, но такое знание человеческой природы, в частности меня, пугает и раздражает. Становится неловко, потому что даже я сама себе не признаюсь в истинных мотивах. Привожу тысячу причин и скармливаю тонны оправданий для своей гордости. А он будто все это видит и знает.

Но, как бы это не выглядело, а мне так проще и легче. Если же я начну копать в себе и своих чувствах, то неизвестно к чему это приведет. Ни к чему хорошему уж точно, а с меня хватит всех этих душевных терзаний.

Поэтому к черту любовь и жертвенность! Да, я любила, и буду любить Гладышева, но теперь, прежде всего, я буду думать о себе, и на каждое действие и слово Олега давать со-

ответствующий ответ. Заодно проверю границы его эго и насколько он способен любить, а то красиво говорить и я умею.

С этими мыслями засыпаю, но кажется, не проходит и пяти минут, как звонит телефон.

—Просыпайся, через час заеду. Документы все возьми, чтобы по сто раз не кататься туда-сюда!— распорядился Гладышев, ни на секунду не сомневаясь в том, какое решение я приму. Меня это, конечно, с одной стороны покорило, но с другой — я рада, что он не стал подначивать меня и выспрашивать, что я решила и почему вдруг. Гладышев щадил мое самолюбие, делая вид, что все происходящее само собой разумеющиеся, и я не вытрепывалась все эти две недели. Да, он щадил, зная меня, как облувленную, чему я в который раз поразила.

Через несколько часов на руках у меня был договор с институтом о моем обучении на коммерческой основе. Я смотрела на него немигающим взглядом, глаза щипало, а руки тряслись, сердце же переполняла радость.

—Спасибо!— прошептала я, всхлипнув, не в силах сдержать слезы, когда мы сели в машину.

—Если бы знал, что ты продолжишь реветь, то ни за что бы по таким пробкам никуда не потащился, — пробурчал Гладышев, но при этом нежно коснулся моей щеки и аккуратно вытер слезы, стараясь не размазать макияж. — Давай, кончай! И говори, куда поедem.

Я от его «Давай, кончай!» захохотала, отчего у Гладышева

удивленно приподнялись брови.

–Торопишь события, Олег Александрович. Хотя я, можно сказать, чуть не кончила от радости, – пояснила я свой смех, лукаво улыбнувшись.

–Ах, Чайка, ах! –закатил он глаза, качая головой. – Пошлая ты девчонка.

–Ну, не будь я пошлой, разве бы была здесь? – не удержалась –таки от шпильки.

–Выбирай, куда хочешь поехать, – сменил Олег тему.

–Ну, поехали на Мальдивы, чего уж мелочиться, – хохотнула я, вспоминая нашу первую с ним поездку.

–А, поехали, – пожал он невозмутимо плечами, удивляя меня, а потом и вовсе шокируя, – Тогда по магазинам и паковать чемоданы? Завтра вечером вылетим, послезавтра утром уже будем в Мале.

–Ты прикалываешься надо мной?– все еще не веря, поинтересовалась я.

–Зануды прикалываться не умеют, Чайка, – подмигнул он, а потом позвонил своей Милочке и дал распоряжение насчет организации нашего отдыха, я же сидела с открытым ртом и не знала, что сказать, хлопая ресницами. Олег Александрович явно не собирался тянуть кота за хвост, он решил ломать мои баррикады быстро, нагло, не давая опомниться. И у меня не получалось собраться. Голова шла кругом, стоило представить, что завтра я окажусь в месте, которое с детства ассоциировалось с Раем, за что спасибо рекламе «баунти».

И не представлялось мне, не верилось. Все казалось сном. Прекрасным, волшебным сном, сказкой. Внутри у меня кипело от предвкушения и дикой радости. Мне казалось, что я взлетела до небес. Думать о правильности, да и вообще просто думать ни о чем не хотелось. Я хотела быть там в этом райском уголке Земли с мужчиной, с которым, впрочем, у меня был бы рай и в шалаше.

Да, между нами ничего не было обговорено и решено, но с другой стороны, люди обычно и не обговаривают свои отношения, они просто делают все по наитию, живут не в заданных рамках, а по велению сердца. Разве я не этого хотела? Так зачем все усложнять? Надо жить моментом и действовать по обстоятельствам.

С таким настроем я поднялась на борт самолета следующим вечером. Мне еще не приходилось летать первым классом, поэтому я была приятно удивлена, поскольку это существенное отличие от бизнес – класса, который собственно ничем особым не отличается от эконома. Тут же были отдельные купе с полнейшим сервисом, начиная с «отсека для девочек», как я его назвала, со всякими кремами и ароматическими штукавинами, заканчивая полноценной кроватью. Купе Гладышева было напротив моего, двери он не стал закрывать, и я решила последовать его примеру. Олег после взлета сразу же уткнулся в какие-то бумаги, а я достала купленную накануне Анну Каренину Толстого, но полностью погрузиться в чтение не удалось, так как через пару минут

Гладышев спросил, что я читаю, хотя вчера мы вместе ходили по магазинам, но кажется, он пропустил момент, когда я купила книгу.

Я показала ему обложку, на что он неопределенно хмыкнул.

–Что?–спросила, пытаясь понять, о чем он подумал.

–Почитай, – одобрительно отозвался Гладышев спустя пару секунд, – тебе полезно будет узнать, до чего доводит чрезмерная впечатлительность. Хотя Толстой, конечно, идеализировал концовку.

–Что же там идеализированного, если она бросилась под поезд?– язвительно поинтересовалась я, раздраженная его поучительно – нудным тоном.

–Да не бросилась бы такая, как она ни под какой поезд. Таких вот Анек Карениных знаешь, сколько по свету ходит? И ничего – живут, под поезда не бросаются. А лучше бы бросались, я бы таким самолично рельсы маслом смазал, – высказался он с каким-то даже презрением.

–Как это понимать? – отложив книгу, заинтересованно взглянула на Гладышева. Мне хотелось узнать его мнение, поскольку от Олега Александровича неожиданчик гарантирован. Сложный он мужчина, забубененный, будто с другой планеты, но мне всегда хотелось понять ход его мыслей, и этот момент не стал исключением.

–Ну, скажем так: для меня Анна Каренина – это имя нарицательное всех лживых идиоток и истеричек, лихо при-

крывающих любовью и вечными страданиями свою беспроектную глупость и эгоизм, когда хочется и на ёлку залезть, и жопу не ободрать. И ведь это уродство с успехом удается прикрыть. Как все жалеют и сочувствуют этому жалкому созданию! А весь ее секрет в том, что надо просто вопить на каждом углу о своих мучениях, хотя по жизни мучаются все, истерить и жалеть себя, и тебе простят и то, что ты гулящая баба, и то, что херовая мать. Всего—то необходимо однажды опечалится этим моментом, а после со спокойной совестью продолжить в том же духе. Поэтому не верю я, что бросится такая под поезд, наигранные страдания, не подкрепленные истинным раскаяньем!— с непередаваемым цинизмом излагал он свои впечатления.

—Я пока не могу судить, поскольку только начинаю читать, но мне кажется, что в большей степени твое негативное отношение обусловлено абсолютнейшим неприятием женской измены, — предположила я с улыбкой.

—Ее измена—это уже следствие, а причина в чрезмерном эгоизме и впечатлительности. Ходячая эмоция. Толстой в ней завуалировал эмоциональную составляющую человеческой природы, в то время как Левин — разумная ее часть. Но это уже более глубокий анализ. А так, если тебе сложно понять, что из себя представляет Анна Каренина, то оглянись вокруг, поскольку она — типичный образ современной дешевки с примитивным мышлением паразитического существа: сперва пристроить себя посытнее, а затем искать удо-

вольствий на стороне, – спокойно рассуждал он, несмотря на все неприятие и презрение к объекту нашей беседы.

–Значит, когда мы познакомились, я для тебя была «Анной Карениной»?– вдруг осенило меня.

–Верно,–не стал он отрицать.

–Если у тебя такое неприятие к данной категории лиц, зачем связывался?– ехидно поинтересовалась я, задетая за живое, но ответ шокировал меня неприкрытым грубым цинизмом.

–«Анны Каренины» для того и созданы, чтобы их использовали в качестве развлечения, что недолговечно и условно, поэтому почему бы и нет,– пожал он плечами, словно мы говорили о погоде. Я же была поражена до глубины души.

–Ужас! А я наивная дура рисовала себе в небе пони, – покачала я головой, абсолютно неготовая к тому, что оказалось по ту сторону происходящего. Конечно, я знала, что Олег обо мне был и, наверное, есть не слишком высокого мнения, но сейчас меня по-настоящему пугало это высокомерие, эта циничность суждений. Как таким можно быть? А главное, как таким становятся? Наверное, действительно, он слишком много падал, слишком много ударов судьбы перенес, а потому ожесточился, озлобился.

– Ну, как видишь, рисовала не зря, – отозвался он со смешком.

–Еще не знаю, – задумчиво парирую скорее самой себе, и возвращаюсь к чтению книги, а Гладышев к своим бумагам.

Через девять часов мы были уже на яхте посреди Индийского океана. С того момента, как прилетели в Мале, я не вымолвила ни слова, и по-моему, даже перестала дышать. Никакая реклама, никакая картинка и слова неспособны передать красоту этого места. Я не верила своим глазам, смотрела в бескрайний, бирюзовый океан и периодически щипала себя за руку. Удивительнейшее, божественное место, в котором хотелось быть столь же идеальным, чистым, совершенным, возвышенным. Красота действительно спасет мир, потому что вызывает к чему-то светлому и прекрасному, пробуждает в человеке все самое лучшее. Хотелось творить добро, дарить радость, прощать и любить. Думаю, Гладышев не зря привез меня именно сюда. Я была покорена, шокирована и влюблена с первого взгляда.

—Впечатлена?— улыбнувшись, спросил Олег, подходя ко мне. Он уже успел переодеться в шорты, в то время как я не могла оторваться от созерцания.

—Умерла и попала в Рай, — прошептала, не отрывая взгляд.

—Как воскреснешь, скажешь, я пока поработаю.

—Ты с ума сошел?! Какая может быть работа? — возмутилась я, — Мы же приехали отдыхать.

—Нет, малыш, ты приехала отдыхать, а я за тебя радоваться, — возразил он с усмешкой, я же от изумления только покачала головой.

После того, как Олег ушел, я еще некоторое время постояла на палубе, а после пошла в каюту, чтобы переодеться. К

своему удивлению обнаружила, что Гладышев поселился в другой каюте. Меня это с одной стороны сбило с толку, а с другой – порадовало его проявление деликатности. Между нами, несмотря на взаимное притяжение, страсть, сексуальное влечение и более глубокие чувства, протянулась огромная стена, построенная из боли, обид, непонимания и разлуки. Гладышев был вроде бы таким до боли родным и в то же время чужим, незнакомым. Тогда, в пьяном угаре я поддалась той дикой тоске по нему, что сжирала моё сердце во время расставания, но теперь я будто перенеслась в то время, когда только встретила Олега. Когда каждый его взгляд смущал меня, каждое прикосновение вызывало неловкость, а близость страшила. Это было странное ощущение, которое, однако, казалось мне естественным и правильным, учитывая все, что с нами было и есть. И я рада, что Гладышев не стал брать стену нахрапом, разбивая вдребезги, а готов терпеливо ждать, разбирая по кирпичику.

Меня эта мысль наполнила теплом, и я с улыбкой упала на кровать, зарываясь лицом в белоснежное покрывало, вдыхая аромат свежести морского бриза. Мечты начали сбываться? Кажется, что да.

Окрыленная одной лишь надеждой, я подскочила и подлетела к шкафу, чтобы поскорее переодеться и наслаждаться отдыхом. Несмотря на то, что мне не хотелось торопить события по части интимных отношений, но, как и всякая женщина, я не отказала себе в удовольствии испытать выдержку

Гладышева. Во время вчерашнего шоппинга накупила около двадцати штук купальников, чтобы каждый день, а то и два раза в день был новый. Впрочем, когда я была в магазине, об этом даже не думала, а просто не могла определиться с выбором. Все они были такие красивые и такие разные: сексуальные, веселые, роскошные, спортивные, элегантные. Всяких расцветок и форм, что просто глаза разбегались. Но поскольку Гладышев бесконечно торопил меня, пришлось купить все, что обратило на себя внимание и понравилось. Теперь же я не могла определиться, какой одеть первым. В конечном счете, закрыла глаза и ткнула пальцем, попав на роскошное золотистого цвета бикини со змеиным принтом. Оно было невероятным и я в нем тоже, моя пышная грудь шикарно смотрелась в узком бюстгалтере на тонких бретелях. Что касается нижней части купальника, меня немного смутили стринги, но мои накаченные упорными тренировками ягодицы грех было не показать, поэтому я решила не дрейфить. Образ завершила нательной цепочкой из золота, которую мне подарил Гладышев, заметив, как я на нее поглядываю. Она очень красиво смотрелась и выгодно подчеркивала мою тонкую талию. Покрутившись перед зеркалом, я осталась довольна увиденной картиной и, накинув легкое, прозрачное платье – халат, отправилась выгуливать свой наряд перед тем, для кого он и был собственно одет.

Гладышева я нашла на верхней палубе на шезлонге под зонтом. Он что-то активно печатал, попивая, однозначно,

кокосовое молоко. Я же засмотрелась на него. Красивый, до чего же он красивый! Мне нравилось в нем абсолютно все, от кончиков светлых волос до длинных узких ступней. Впрочем, он был шикарным мужчиной, как не крути. Одни кубики пресса чего стоили, не говоря про все остальное. Будучи в фитнес индустрии, я насмотрелась на разные тела и могу с уверенностью сказать, что у Гладышева обалденное телосложение: все симметрично, пропорционально, сбалансированно. Мышцы не перекачены, рельефны, упруги. Видно, что тренируется он регулярно и по очень хорошей, эффективно-действующей программе. Как профессионалу мне хотелось пожать его тренеру руку, а как женщине... ах, чего мне только не хотелось. Вот только я даже не могла сказать, что я здесь, не говоря уж о чем-то другом. Мне понадобилось некоторое время, чтобы побороть внезапно проснувшееся во мне смущение и неловкость.

—Я воскресла!— сообщила я громко, отчего Гладышев вздрогнул и резко повернул голову. Сначала оглядел меня вскользь, а потом на секунду замерев, медленно прошелся по каждому изгибу и выступу. Меня бросило в жар от того, как потемнел его взгляд. Казалось, я кожей чувствую, как он прикасается ко мне, как проводит обжигающими ладонями по телу. От этих фантазий во рту пересохло, каждый нерв завибрировал от подскочившего напряжения. Мне казалось, я пылаю и сейчас сгорю, поэтому быстро отвела глаза и натянуто улыбнувшись, предложила,— Пойдем, опробуем воду.

–Пошли, – согласился Гладышев немного охрипшим голосом, после чего я сразу же развернулась и направилась на нижнюю палубу, боясь встретиться с ним взглядом и выдать свое смущение. Впрочем, то были бесполезные попытки, неловкость витала в воздухе, она ощущалась каждой порой, как и зашкаливающее напряжение.

–Ты солнцезащитный крем нанесла?– спросил Олег, когда мы спускались по лестнице.

–Ой, забыла, – хватилась я.

–Неси, спину намажу.

От этого предложения, точнее распоряжение, у меня едва не подкосились ноги, кровь забурлила в венах, стоило только представить, что он коснется меня.

Ничего не говоря более, я пошла в свою каюту, где еще некоторое время пыталась успокоиться, поражаясь столь бурной реакции, которая доходила до абсурда. Но сколько не повторяла себе, что этот мужчина уже все видел и брал, как ему хотелось, а все равно, ощущение было, будто впервой. Еще и Марина эта вспомнилась, что тоже не добавляло уверенности. Это в подпитии я всячески обласкала ее из ревности, а объективно – красивая, ухоженная баба. Ну, старше меня, но это же не порок.

С этими мыслями я вышла на палубу, где Гладышев о чем-то разговаривал с темнокожей девушкой из команды обслуживающего персонала, но как увидел меня, сразу же прервал разговор и направился ко мне.

—О чем говорили?— поинтересовалась я, передавая ему крем. Руки дрожали, пока я развязывала тесьму платья под грудью.

—Уточняли меню на обед, — ответил он. Я же, тяжело соглотнув, скинула платье с плеч и трясущимися руками приподняла волосы. Послышался тяжелый вздох, что вызвало у меня довольную улыбку.

Через мгновение я вздрогнула, когда Гладышев коснулся моей татуировки и осторожно провел по ней кончиками пальцем. У меня перехватило дыхание, а сердце заколотилось, как бешеное. Не знаю, о чем думал Гладышев, но чувство было, будто он доволен печатью моей принадлежности ему. В любом случае, для меня это был особый момент, трогательный, задевающий за живое. Но он длился всего лишь мгновение, чему я, впрочем, была рада. Еще не время для подобных эмоций.

Когда Олег начал медленно втирать прохладный крем в разгоряченную кожу на смену эмоциям возвышенного характера пришли другие — более примитивные. Нежно, ласково, неторопливо Гладышевские ладони скользили по моей спине, вызывая дрожь во всем теле.

—Никогда бы не подумал, что сибирячка будет мерзнуть на Мальдивах, — насмешливо заметил Олег.

—Рядом с тобой замерзнуть можно даже в адовом пекле, — связвила я, смутившись.

— Лукавишь, Яночка, ох, лукавишь! — выдохнул он прямо

в ухо, опалая шею жарким дыханием, отчего у меня пошли мурашки по коже.

— Не лукавлю, Олеженька, вот те крест, — поежилась я и демонстративно вытянула руку, показывая гусиную кожу.

Гладышев засмеялся тихим смехом и, передав мне тубик с кремом, с разбега нырнул в воду. Я намазав остальные части тела, последовала за ним. Вода оказалась невероятно — приятной: теплая, кристально чистая, отчего было видно даже проплывающих рыб. Правда, меня это пугало, но поняв вскоре, что рыбам до нас дела нет, я решила последовать их примеру и не обращать внимания. Время до обеда пролетело быстро. Я так накупалась, что глаза болели от воды. Кожа подрумянилась и уже начала покрываться загаром, атмосфера между мной и Гладышевым разрядилась, и за обедом мы свободно общались на темы, касающиеся планов на эти две недели отдыха. Обед был восхитительным, а охлажденное шампанское в такую жару просто божественно. Я с удовольствием выпила два бокала и, конечно же, немного захмелела, что впрочем, сказалось только на настроение, которое стало не просто прекрасным, а великолепным.

Некоторое время мы нежились на солнышке, наслаждаясь чудесным видом и шикарным сервисом. Гладышев с ноутбука «пересел» на планшет и продолжил трудоголить. Я же разморенная вкусной едой, шампанским и теплом, уснула, отложив книгу.

Проснувшись, мы решили порыбачить, что было тоже для

меня впервой, но, тем не менее, я решительно настроилась попытать удачу в данном деле.

–Спорим, я наловлю больше рыбы, – бросила я Гладышеву вызов.

–С чего это? – фыркнул он, ожидая, когда ему наденут наживку.

–С того, что я –Чайка, это у меня в крови, – заявила я самоуверенно.

Гладышев захохотал от такого аргумента.

–А у меня опыта больше и знаний, – возразил он, просмеявшись и щелкнул по кончику моего носа.

–Ну, вот и посмотришь, как я твои опыт и знания сделаю под орех, – пообещала я и обратилась к своему помощнику – дружелюбному, улыбчивому мальдивцу по имени Ямин, – Ямин, мы должны показать ему мастер-класс!

–Непременно покажем!– пообещал он, улыбнувшись.

С этой минуты началось наше шутовское соревнование, которое с каждой минутой принимало все более серьезный оборот. Когда я почувствовала первую поклевку, завизжала от восторга и захлопала в ладоши, правда, рыба была упущена.

–Вот я же говорил, что тут важен опыт. Будь он у тебя, ты бы знала, что не стоит радоваться раньше времени, – прокомментировал Гладышев, и как раз в этот же момент у него заклевало. Олег довольно усмехнулся и подразнил меня, – Смотри, сейчас папочка покажет тебе мастер-класс.

На что я скорчила рожицу и, подскочив, хорошенько ущипнула его за зад, отчего он вздрогнул и тоже упустил свой улов, я же захохотала, довольная собственной выходкой, глядя на разъяренное Гладышевское лицо.

—Что, папочка, не ожидал такого поворота?— насмешливо поинтересовалась я.

—Вот коза!— процедил он, качая головой, взглядом обещая, что я отвечу ему за эту подлянку, что оказалось не пустой угрозой.

Не знаю, как он это сделал, но первую рыбу я поймала только спустя час, за который сам Гладышев наловил полведра. Но когда я все же выловила свою маленькую, желтую крошку, то едва не расцеловала ее, пританцовывая от счастья, на что Олег, да и все члены команды смотрели с улыбкой. Мне же было все равно, я дико радовалась своему первому улову, даже несмотря на то, что проигрывала.

Последующий час прошел спокойно. Мы оставили затею соревноваться и просто наслаждались самим занятием, красотой вида, шампанским и обществом друг друга.

На ужин, организованный на верхней палубе, нам приготовили наш улов. Свечи, живая музыка, официанты, красивый мужчина и я в белом платье в пол, с разрезом от бедра — все было красиво, изыскано, романтично. Но самым потрясающим зрелищем стал, конечно же, закат — великолепнейший спектакль, сыгранный самой природой. Это не выразить словами, не передать ни одной технологией, только видеть

воочию и ощущать. Невозможно было поверить в происходящее.

Цвета меняются так быстро, что не успеваешь следить, а палитра красок неба настолько насыщенная, что дух захватывает. Все это великолепие отражается в бескрайнем океане, который превращается в жидкое золото.

Пока солнце не зашло за горизонт, мы молчали, завороченные пылающим небом, на котором оранжевые облака рисовали причудливые узоры.

—Я влюбилась!— сообщила я шепотом, когда солнце скрылось, и зажглись первые звезды. Потянувшись с улыбкой наслаждения, вдыхаю непередаваемый аромат океанических волн и цветов гибискуса, как мне сказала девушка из обслуживающего персонала.

—Да, очень красивое место. Раз побывав, уже невозможно забыть, — согласился Гладышев, принимаясь за ужин.

—Ну, у меня забыть при всем желании не получится. В любой момент могу сюда вернуться, достаточно взглянуть в твои глаза. Они у тебя — Мальдивы в миниатюре, — смущенно поделилась я своим наблюдением. Гладышев же замер на несколько секунд, взглянул на меня с нежностью своими удивительными глазами и улыбнулся краешком губ.

—Даже не знаю, что сказать,— пожал он плечами, посмеиваясь.

—Удивительно, что ты чего-то да не знаешь, — подразнила я его, пригубив коктейль.

—Рядом с тобой это неудивительно, — усмехнулся он, я же улыбнулась, довольная, что он признал мое «пагубное» влияние на свою заумную персону.

Последующие полчаса мы были заняты оценкой нашего ужина и его обсуждением. В конце выразили повару признание и благодарность, а после перешли на палубу с мягкими диванами, где попивая коктейли, смотрели на звезды, слушая мерный шум волн. Обстановка была такой умиротворяющей и расслабляющей, отчего клонило в сон, сказывалась также смена часовых поясов и насыщенный день. На разговоры не тянуло, но я все же не могла не задать пару интересующих меня вопросов.

—Сколько раз ты здесь был?

—Это третий.

—Почему так мало? Я бы приезжала сюда каждые полгода точно, — сообщила я с мечтательной улыбкой.

—Не совсем мой отдых. Я предпочитаю более активный. Да и кухня меня не впечатляет, не люблю рыбу, — привередливо высказался Гладышев.

—Зануда ты!— резюмировала я с улыбкой, глядя ему в глаза. Так хотелось дотронуться до его лица, но я не смела, не могла преодолеть в себе какой-то внутренний барьер. — Ну, вот! Теперь будешь тут скучать, — расстроено вздохнула я.

—Не буду. С тобой разве бывает скучно? — успокоил он меня.

—Все равно, ты уже все тут знаешь, тебе не интересно.

—С тобой я открываю многие вещи по — новой. Твои эмоции, они заразительны, начинаешь проникаться, — поделился Олег, отчего на душе у меня потеплело, а он продолжил — Да и серфинг тут отменный, так что мне есть, чем заняться.

—Ты умеешь кататься на доске?— округлились у меня глаза.

—Еще как, моя страсть, — улыбнулся Гладышев.

—Батюшки! Олег Александрович, да вы полны сюрпризов!— воскликнула я, в самом деле, пораженная.— Я должна увидеть это!

—Увидишь и даже попробуешь, — пообещал он, на что я с энтузиазмом кивнула, предвкушая море впечатлений.

Остаток вечера прошел в молчаливом созерцании. Допив коктейли, мы отправились спать. Олег проводил меня до двери каюты и, поспешно пожелав спокойно ночи, дабы избежать неловкости, собирался уйти. Но у меня на душе было так светло, что я не могла держать это в себе, слишком тронутая его заботой, терпением и пониманием, слишком впечатленная.

—Спасибо! — тихо произнесла я, когда он направился к себе.

Гладышев замерев, кивнул, не оборачиваясь.

Но я зачем —то захотела уточнить, и неловко переминаясь с ноги на ногу, перечислила:

— За этот день, за помощь, и... — запнулась я, потому что он обернулся и его пронзительный взгляд ударил в самое серд-

це.

– За понимание!– шепотом закончила, имея в виду, раздельные каюты.

–Это не понимание, малыш, – возразил Олег.– Понимание приходит от разума, а это... от сердца.

Стоило этому откровению сорваться с его губ, как у меня все внутри перевернулось, заныло, загорелось, слезы подступили к глазам. Воздуха стало ничтожно мало от боли, сильнейшей, отчаянной, заполняющей каждую клеточку моей души. Эта боль была лечебной, живительной, словно из моей кровоточащей, незаживающей раны вырвали огромный осколок кинжала, очищая меня, освобождая.

–Не говори так, – тем не менее, попросила я, сглатывая комок в горле.

–Почему?

–У меня сердце больное, слабое, – коротко пояснила я.

–Со временем вылечим, я ведь не форсирую события. – убежденно пообещал он, понимая, что я имела в виду.

–Да, вылечим,– согласилась я, и с горечью добавила, сама не зная, зачем.– Но здоровым оно уже никогда не станет.

–Мне нечем крыть, – отозвался он с невеселой усмешкой и, вздохнув, закончил.– Но если все время оглядываться назад, то не будет пути вперед.

–Доброй ночи,– все, что смогла я ответить, негласно давая понять, что готова двигаться вперед. Гладышев кивнул и скрылся за дверью своей каюты.

Несмотря на усталость и чудесный день, уснуть я не могла долго. Вернулись все мои сомнения и страхи. Полночи я только и думала: не слишком ли все быстро случилось? Не слишком ли легко я далась? А вдруг он поиграется, а потом скажет, что вновь ошибся? Что тогда я буду делать? Что станет с моей учебой?

Под утро пришла к тому, что мне нужны гарантии. Насчет учебы однозначно. Я уже не та наивная дурочка, которой Гладышев может вертеть, как ему хочется. Поэтому решила, что подниму этот вопрос. Посмотрим, как «от души и от сердца».

Конечно, не стоит постоянно оглядываться назад, если ты решил двигаться вперед, но все же нельзя забывать о прошлом, нужно его учитывать, когда строишь свое будущее. Успокоив себя разумностью намерения обговорить вопрос оплаты за обучение, я наконец-то, уснула.

После пробуждения ситуация уже не лежала камнем на душе, но своему решению я не изменила. Справедливо полагая, что должна обговорить детали насчет учебы, дабы избавить себя, а следовательно, и Олега от лишних переживаний.

Правда, эти мысли тут же вылетели из головы, стоило выйти из каюты. На меня сразу же нахлынул свежий, соленый воздух. Я с удовольствием вдохнула его и потянулась, подставляя солнышку лицо. Это был непередаваемый кайф, казалось, тепло и энергия заполняют каждую мою клеточку.

–Проснулась? – раздался голос Гладышева.

–Нет, ущипни меня, – помотала я головой, не открывая глаз.

–Присоединяйся, вода еще не слишком нагрелась, сразу проснешься, – махнул он мне и нырнул, окатив прохладными брызгами. Я не стала долго раздумывать и последовала его примеру.

Не знаю, сколько времени мы провели в воде, но после такой утренней разминки, на меня напал зверский голод, и с завтраком я абсолютно не церемонилась, хотя обычно вообще не завтракаю. Но поразил, конечно же, Олег Александрович. Я только сейчас окончательно убедилась, что более кошмарного зануды и педанта сложно встретить. Стол просто ломился от гастрономических шедевров, а этот человек... не поверите! Он ел овсянку! Причем с таким удовольствием, что я всерьез задумывалась, все ли у него в порядке с головой.

–Ты страшный человек, Гладышев. Нет, ты даже не человек! – воскликнула я. Гладышев перевел на меня изумленный взгляд.

–Киборг какой-то, – продолжила возмущаться, сверля тарелку с овсянкой таким взглядом, словно это какая-то жуткая отравка, чем, впрочем, каша и являлась для меня.

–Нет, Чайка, это не киборг называется, а дисциплина и консерватизм, – смеясь, парирует Олег и блаженно закатывает глаза, отправив ложку «отравы» в рот.

–Да хоть как пусть это называется, а я тебя все равно бо-

юсь. Не в своем уме надо быть, чтобы отказаться от всего вот этого в пользу каши! – жестикулируя, ужасалась я.

– Ну, я давно уже Чайка, не в своем уме, – ухмыльнулся он и строго добавил, – А все ты виновата!

– Конечно, кто же еще?! – закатила я глаза. – У вас – мужиков у всего один корень зла.

– Женщина, синоним твой – проблема! – парирует Гладышев со смешком, я хотела было возразить, но тут раздался телефонный звонок, и нам пришлось прервать шутливую перебранку.

Пока Олег разговаривал о чем-то, отойдя в другой конец палубы, я утолила свой дикий голод и, поднявшись, отошла к бортику вдоль палубы. Облокотившись на перила, стала всматриваться в прозрачную воду. В голове же вновь заворачивались ночные мысли. Я не знала, как начать неприятный, даже мерзкий разговор, но с другой стороны – Гладышев сам виноват, что теперь я не могу доверять ему, и мне нужны гарантии. Понимаю, что оправдания собственной мелочности выглядят глупо, но иначе у меня не получается. Вот только, как оказалось, переживала я напрасно. Гладышев словно знал, что у меня на сердце и предпринял меры. Уже в следующее мгновение мне становится ужасно стыдно за свои мысли, отдающие каким-то душком корысти.

– Ян, подойди, мне нужно с тобой поговорить, – отвлекает меня Олег от созерцания океана. Серьезный тон его голоса настораживает. Но я рада, что мне не придется искать

удобный случай, чтобы поговорить о том, что тревожит. Поскольку сейчас самое время для этого.

—Вот, — пододвигает он ко мне лист бумаги, когда я подхожу к столу. Я осторожно беру листок и, ничего не понимая, смотрю на какие-то реквизиты. Олег же принимается за кофе, отодвинув от себя тарелку с «отравой».

—Что это?— смотрю на него, приподняв бровь.

—Реквизиты банка и номер счета, открытого на твое имя, — спокойно отвечает он, а следующей новостью просто отправляет в нокаут.— На нем полная сумма за пять лет твоего обучения, с учетом всех надбавок, распоряжайся, как твоей душе угодно. Это исключительно твое, не зависимо от того, как все сложится.

Сказав это, он продолжил невозмутимо попивать кофе, а я так и осталась стоять, оглушенная, растерянная.

—Зачем?— тихо произнесла, опускаясь на стул, словно сомнамбула.

—Думаю, ты сама знаешь, зачем,— ответил он и посмотрел на меня так пристально, с таким чувством, что у меня все внутри задрожало, перевернулось. Да, я знала, чувствовала, но хотела услышать от него.

—Откуда мне знать? Да и выводы, которые я обычно делаю, ошибочны, — пожала я плечами, стараясь выглядеть, как можно невозмутимей.

— А ты безжалостна, Чайка, — покачал Олег головой. — Хочешь все же на коленях и в соплях.

– На коленях не хочу, но ни единого шага тебе не облегчу, Гладышев, ни единого! – парирую в той же невозмутимой манере, хотя у самой внутри буря. Но я даже нахожу силы, язвить. – Или слабо на трезвую голову какой-то девке в чувствах признаваться?

– «Какой-то девке» я бы и на пьяную не стал, – едва сдерживая улыбку, посмотрел он на меня с ласковой снисходительностью, как на милого, глупого ребенка. Мне стало неловко за свои дурацкие наезды. Как-то мелочно это, по-детски. А Гладышев меж тем продолжил, – Я не люблю трепаться, Ян, предпочитаю действовать. Но если тебе нужно объяснять очевидные вещи, то..., – вздохнув, сделал он паузу. – Мне не хочется, чтобы твоя учеба была краеугольным камнем в наших отношениях, потому что она им не является. И ты не хуже меня это знаешь. А загонять нас в рамки рынка я лично смысла не вижу, поскольку мы давно за них вышли.

– Ты раньше вообще не видел смысла в наших отношениях. Думаешь, мне легко перестроится? – подняла во мне голову обида, стоило услышать это проклятое «смысла не вижу».

– Не думаю, но я и не требую. А не видел, как раз потому, что продолжать все, как раньше было невозможно, переходить же на новый уровень... – он замолчал, явно подбирая слова, а внутри меня вновь разгоралось пламя боли. Я сверлила его напряженным взглядом, надеясь, тем не менее, что

он скажет что-то такое, что погасит эту боль. И он погасил, честно признавшись, – Слишком много сложностей, казавшихся мне непреодолимыми. Я не знал, как впущу тебя в свою жизнь. Как познакомлю со своей дочерью, как объясню ей все, как посмотрю в глаза, потому что она бы не поняла и осудила. Впрочем, осудит всякий и каждый. Но мне важно мнение лишь моего ребенка. У нас с ней и без того проблемы, мне не хотелось увеличивать пропасть между нами. Ты же слишком молода, импульсивна, чтобы сглаживать шероховатости, которые возникли бы в любом случае. Ты вообще слишком молода, чтобы разгребать те проблемы, которые возникали бы каждый раз. Тебе бы хотелось жить соответственно возрасту, как и мне, а у нас слишком большой разбег. В конечном счете, нам обоим бы надоело. А раз исход был предрешен, я подумал, чего ради лезть в пекло: травить душу себе, портить отношения с дочерью и растрачивать твои лучшие годы? – поделился он своими размышлениями, разумность которых я не могла оспорить, но все равно от негодования едва сдерживалась, чтобы не дать Олеженьке по башке.

Посмотрите на него, умник хренов! Все-то он знает, все –то он предвидел и за всех решил! А мне может, нафиг эти лучшие годы без него не нужны, как и жизнь соответственно возрасту. Я все, чего хотела – это с ним в горе и радости быть. Разве для любви существует возраст, нация, пол? Разве для нее есть что-то невозможное? Мне кажется, все можно

преодолеть, главное – верить и стремиться.

Но интересно послушать Олег Саныча, с какого перепугу он дал заднюю.

–А что же сейчас? – насмешливо приподнимаю бровь, хотя все мышцы сводит от сдерживаемых истинных эмоций. – С чего ты решил, что вдруг появился смысл?

–А сейчас, Яночка... Ни хрена сейчас! Тошно без тебя – вот и все. Думаешь, это только я тебе жизнь испортил? Ты мне тоже, потому что после тебя она стала такой пресной, как ..., – прервался он, подбирая, наверное, сравнение поточнее.

–Как твоя овсяная каша? – подсказала я, повеселив Гладышева.

–Ну, пусть будет «овсяная каша», – кивнул он и продолжил, – С тобой же жизнь вкусная, хоть и вредная.

–С чего это она вредная? – возмутилась я.

–С того, что «Все, что полезно априори невкусно!», – цитирует он, самодовольно ухмыльнувшись от того, что уел меня моими же собственными словами. Я насупилась для вида, но через пару секунд расплылась в улыбке, качая головой. Удивительно, что серьезный разговор перетек вдруг в шутку. Но, несмотря на недосказанность, на душе стало легко. По-настоящему легко, тепло и просто. Больше ничего не давило, больше не хотелось копаться в прошлом и раскладывать его по полкам. Не хотелось спрашивать с Гладышева за каждое его действие.

Я поняла все его опасения, тем более, что они не были

беспочвенными. Да, меня бесит то, что он все решает в одиночку, то, что он перестраховывается и видит все в дурном свете, но я полюбила этого человека именно таким, какой он есть. И его уже не переделаешь, но вот чего мне действительно хочется, так это доказать ему, что он ошибался, дабы в следующий раз подумал, прежде, чем напаялит на себя корону и начнет вершить наши судьбы.

Но вслух же ничего из этого не сказала и вообще виду не подавала, что творится у меня в душе.

—Ну, тогда, приятного аппетита, Олег Александрович. Смотрите только, не подавитесь! Выплюнуть не получится, только задохнуться, — предупредила я, дабы Гладышев не расслаблялся.

—Твои метафоры, Чайка, достойны восхищения, — заметил он, поднимаясь из-за стола.

—Только метафоры?— сама не поняла как, вырвалось у меня кокетливо.

Олег улыбнулся краешком губ и медленно прошелся наглым взглядом по моему телу.

—Оценил?— усмехнулась я, когда он закончил осмотр.

—Еще давно. Сейчас люблюсь и... радуюсь,— сообщил он с веселой усмешкой, приблизившись ко мне почти вплотную.

—Чему?— выдохнула я дрожащим от его близости голосом.

—Тому, что это все мое,— наклонившись, шепнул он мне на ухо, а у меня, казалось, в каждой клетке закоротило. Пламя вспыхнуло в груди и разлилось жаром по венам. Я закры-

ла глаза, одурманенная его словами и запахом тела. Дышала им, вспоминая каждое прикосновение. Впрочем, никогда и не забывала. Отпечатки его пальцев до сих пор на моей коже. Их не смыли потоки слез, ни разъели пуды горчищей соли. Они в самом сердце, в мозгу занозой сидели, превращая меня в шизофреника, когда достаточно было малейшей ассоциации, чтобы вокруг нее пазлами достроить остальную картинку. Как сейчас: всего лишь запах его тела, а я уже чувствую кончиком языка вкус его кожи, сладость его поцелуев, его жаркий шепот, растворяющийся у меня во рту. Каждое слово я бы слизывала с его языка, пила бы жадными глотками, вместе с его сбившимся дыханием и сдерживаемыми стонами. От этих фантазий начинаю дрожать, едва сдерживая себя, чтобы не сорваться, не дать волю горящим рукам, ибо ладони горели нестерпимым огнем желания прикоснуться. Все тело заныло от отчаянной тяги. Меня наизнанку выворачивало от дикой потребности в нем. Ломало, как свихнувшуюся, опустившуюся наркоманку, перед которой помагали дозой.

Потому что он – мой ядовитый кайф. Как увидела его впервые, так пропала. Не мужчина – дьявольский дурман, поглотивший меня целиком, обобрав до последней нитки мою душу, оставив умирать от голода по нему. И этот голод жрал изнутри, его невозможно было ничем утолить. Даже он не мог: чем больше давал, тем сильнее я его желала. Жадно, ненасытно, готовая за «дозу» на все, что угодно. Наркоманы

жалки и омерзительны в своей одержимой зависимости, и я была такой же. Вот только мне казалось, что я перекумарила, если выражаться на сленге нарков. Но нет, ломка только началась. И самое страшное заключалось в том, что мне это нравилось. Нравилось стоять, едва касаясь напряженными сосками его груди, чувствовать жар его тела, слышать тяжелое дыхание, ощущать исходящее от него напряжение, словно на нем невидимые цепи, сковывают каждую стальную мышцу. Я получала ни с чем несравнимое удовольствие от того, что достаточно одного моего взгляда, чтобы разорвать эти оковы. Меня пьянило от одной мысли, как он прикоснется ко мне, как будет ласкать...

—Предвкушение, порой, слаще самого события, верно?— провокационно произнес Гладышев, словно прочитав мои мысли.

— Так вот в чем причина твоей деликатности? — съязвила я, несмотря на то, что от смущения хотела провалиться сквозь землю.

—Поверь мне, малыш, ты гораздо слаще, так что я бы тянуть не стал, если бы дело было лишь в этом, — шепнул он, обжигая мою кожу горячим дыханием и, чмокнув в макушку, ушел, оставив сгорать в огне необъяснимого удовольствия и волнения.

В голове же крутилась лишь одна мысль: боже, что же он со мной творит?! Что же это за любовь-то такая?

Я обессиленно опустилась на стул и залпом выпила при-

несенный коктейль. Тело все еще дрожало, а мысли были, как шальные. Я хотела... О, чего я только не хотела! Впрочем, все сводилось, как всегда, к нему одному.

Но как же страшно! Словно я лечу в какую-то пропасть, из которой уже не выберусь никогда. И как не твержу себе, что нужно немного успокоиться, что нельзя совсем терять голову. Все без толку. Да и как не терять, если меня на атомы расщепляет от одного его присутствия? А уж когда он такой... Без извечного сарказма, цинизма и занудства, устоять просто невозможно. И я влюблялась вновь и вновь, с каждой проведенной вместе секундой.

До обеда мы не пересекались, Гладышев работал, а я читала, загорая. Проще говоря, мы избегали друг друга, понимая, что нужно немного успокоиться.

К обеду душевное равновесие было восстановлено, и мы с Гладышевым продолжили соблюдать дистанцию и отстраненность по отношению друг к другу, словно и не было никаких провокаций во время завтрака. Но нас это вполне устраивало и не вызывало неловкости. Нам было легко в обществе друг друга. Мы увлеченно общались на разные темы, я не стыдилась высказывать свои мысли, хоть порой они и были, на взгляд Гладышева, смешными и нелепыми. А мне наоборот, нравилось его веселить, нравилось с ним спорить и выслушивать кучу заумных аргументов, с которыми любой бы уже согласился, но не я, потому что более всего мне нравилось выводить господина невозмутимость из себя. И когда

это случалось, я начинала хохотать, подраживая его, отчего он сразу же остывал и смеялся вместе со мной.

Я с удовольствием делилась своими впечатлениями о книге, об отдыхе, обо всем на свете, а он слушал. Слушал, улыбался и наслаждался всем этим, у меня же сердце останавливалось от его улыбки, сбиваясь с ритма от радости и восторга.

После обеда меня ждало мое первое погружение в подводный мир Мальдив, и соответственно, море... Нет, океан новых впечатлений!

Я ужасно волновалась и боялась, как Олег не убеждал меня, что дайвинг на неглубоких, внутренних рифах проходит очень просто и легко. Инструктор по дайвингу поддакивал ему и уверял, что первые учебные погружения неглубокие, и никакой опасности нет и быть не может. К тому же он всегда будет рядом и все контролировать. Все это было очень убедительно, но успокоилась я только тогда, когда заставила Гладышева пообещать, что все время он будет держать меня за руку и не отпускать ни на минуту.

– Не отпускай, вот те крест! – смеясь, поклялся он, припомнив мою вчерашнюю фразу.

– Только попробуй и когда вернемся, я отгрызу твою руку! – наказала я, грозно сверкая глазами.

Но после того, как прыгнула в воду, предварительно перекрестившись, чем в очередной раз повеселила и Гладышева и всю команду, с того момента забыла обо все на све-

те. Это была совершенно иная вселенная, поражающая буйством красок и красотой своих обитателей. Манты, скаты, дельфины, рифовые акулы, подводные скалы, каньоны, коралловые сады и остовы затонувших кораблей – все это я видела собственными глазами, хотя казалось, что это сон. Прекрасный, чудесный сон. От восторга у меня просто захватило дух, я бесконечно дергала Гладышева, показывая ему то, что приковывало мое внимание. Но Олег бросал взгляд вскользь, ему было интересней наблюдать за мной. Он смотрел на меня, будто на ребенка, делающего первые шаги- с умилением. А я была счастлива, что поделила с ним эту радость, что с ним вновь открыла для себя что-то новое, познала этот мир. За все время нашей небольшой экскурсии, Гладышев, как и обещал, ни разу не выпустил моей руки. Но я бы, наверное, и не заметила, захваченная впечатлениями, если бы он не пошутил на эту тему позже.

–Уже можно отпускать, а то мне рука моя еще дорога?– весело сверкнув глазами, поинтересовался он, сжимая мою руку в своей. Я лишь кивнула, не в силах даже что-то сказать. Но Олег не отпустил меня, притянул осторожно к себе и, всматриваясь в мое восторженное лицо, заботливо и нежно вытер воду полотенцем.

–Я все думаю, то ли я уже забыл, как это удивляться, то ли ты такая...– задумчиво пробормотал он.

–Какая?– прошептала я, очарованная этим душевным моментом.

–Боюсь, если начну озвучивать, разрушу образ зануды и циника, а я так упорно над ним работал, – отшутился он, отводя взгляд.

–Ты смутился что ли, Олеженька?– подразнила я его.

–Ну, что я, не человек что ли?– пожал он плечами невозмутимо и стал снимать гидрокостюм.

–Неа, ты киборг и сволочь, обломал мне весь кайф – я уж настроилась на серенады, – вздохнула я с сожалением, и тоже стала переодеваться.

–Серенады – это запросто, – со смешком заявил Гладышев и, прочистив горло, заголосил с театральной помпезностью:

«...От Севильи до Гренады.

В тихом сумраке ночей

Раздаются серенады,

Раздается стук мечей;

Много крови, много песней

Для прелестных льется дам —

Я же той, кто всех прелестней,

Песнь и кровь мою отдам!...»

Пока он декларировал, как потом меня просветили, серенаду Дон-Жуана, я просто умирала со смеху, да и после того, как замолчал, еще долго не могла прийти в себя.

–Ну, как? Кайфанула?– задорно спросил, напоминая безбашенного мальчишку, которого мне безумно захотелось расцеловать. Такой он был хорошенький, если такое слово вообще применимо к этому мужчине. Но в эту минуту, он ка-

зался мне таким юным, таким открытым и счастливым, что внутри все щемило от любви к нему.

— Не до конца. Вот сейчас бокальчик твоей крови оприходу и тогда наверняка, — сообщила я с видом королевы, но меня тут же спустили с небес на землю.

— А с чего ты вообще взяла, что я нахожу тебя «всех прелестней»? Я может, Фахиме пел, — подколот он меня, кивнув в сторону девушки из обслуживающего персонала.

— Вот, как, да? Фахиме пел, — угрожающе процедила я.

— Ну, да. А что?

— А вот что! — бросилась я на него, но он быстро сориентировался и побежал прочь.

Не знаю, сколько мы так гонялись по яхте, но я насмеялась до слез и судорог в животе. Команда, наблюдавшая за нашим сумасшествием, тоже смеялась, хотя про себя, наверное, окрестила нас парочкой придурков. Но нам было все равно. Гладышев продолжал убегать, я догонять, сопровождая эту погоню смачными комментариями, которые еще больше раззадоривали нас.

В конечном счете, я почти нагнала моего Зануду, но он нырнул в воду, я хотела последовать за ним, но потом передумала.

— Вот там и оставайся, пусть тебя сожрут акулы! — насмешливо произнесла я, подбоченившись, когда Гладышев нырнул.

— Какая ты ревнивая, — подразнил он, весело поблескивая

своими умопомрачительными глазами, на его почти черном от загара лице они сияли еще ярче, как и белоснежные зубы.

—Нет, Олеженька, я просто не выношу сравнений!— пропела я сладким голосом.

— Да какие сравнения, Чайка?! Ты и только ты! — горячо провозгласил он, вызывая у меня смех.

—Это ты акулам рассказывай, со мной такие сказки не проканоют.— покачала я головой, глядя на него сверху вниз, млея от своей пусть ненастоящей власти.

—А что проканаает?— склонив голову, начал он торговаться.

—Хочешь что-то предложить?— приподняла я провокационно бровь.

—А что ты хочешь?

—О, ну, если вопрос стоит в таком ключе...— протянула я с видом кошки, узревшей сметану. И задумавшись, постучала ноготками по перилам.

—Именно в таком. Смотри, не прогадай, а то когда еще такая возможность появится, — посоветовал Гладышев снисходительно, словно шубу дарил с барского плеча. Я скорчила рожицу, мысленно обещая, придумать нечто такое, что он сам будет не рад.

Озарило меня в считанные минуты. О, это будет настоящей пыткой для тебя, мой милый!

—Придумала, Олег Александрович,— объявила я со злоградской улыбочкой.

—Что-то мне подсказывает, не к добру ты так довольна

улыбаешься, – поцокал он.

– Чуйка нынче тебя подводит! Я только благими намерениями и руководствуюсь. Вот боюсь, как бы ты не перетрудился, поэтому больше никакой работы, мой друг, – пропела я и заулыбалась широко- широко, аж скулы свело, на что Гладышев скривился.

– «Чуйка» меня никогда не подводит! Шельма ты! – сообщил он, поднявшись на яхту.

– В следующий раз будешь умнее. Так что насчет работы? – приподняла я бровь, прожигая его насмешливым взглядом.

– Что-что! Сказал, значит, сделаю, – пожал он плечами. – А вот умнее надо быть тебе! Другая баба уже бы сейчас размахивала какими-нибудь ключами от квартиры, а ты...

– Ой, прям, вот бы размахивала, – сыронизировала я.

– Конечно, размахивала. Я же тебя предупреждал, чтобы ты не прогадала, – теперь была его очередь злорадно ухмыляться.

– А я не прогадала, Олег Александрович! – заявила я с победной улыбкой и, осмелев, подошла почти вплотную. Потупила невинно глазки и провокационно прошептала. – Кто знает, что еще ты мне предложишь, пока будешь сидеть две недели без работы.

– Bravo, малыш! Ты меня сделала, -ухмыльнулся он, и оттеснил меня к бортику, положив на него руки, по обе стороны от меня. Атмосфера вновь сгустилась и мы задышали чаще, то и дело, соскальзывая взглядами к губам.

—Знаешь, в чем твоя ошибка?— прерывисто выдохнула я, стараясь не смотреть на его губы. Гладышев только приподнял бровь, а я продолжила, — В том, что ты все время сравниваешь меня с другими.

Он усмехнулся и, заключив мое лицо в ладони, от чего я задрожала, прошептал:

—У тебя такие очаровательные веснушки.

Я несколько секунд глупо хлопала ресницами, сбита с толку. А потом начала смеяться, качая головой.

—А у тебя очаровательная манера уходить от разговора,— пожурила я его, на что он подмигнул и, притянув меня к себе, обнял.

Я обняла его в ответ, прижавшись щекой к его груди. Слушая мерный стук сердца, закрыла глаза, наслаждаясь. В этом жесте не было никакого сексуального подтекста, в нем было заключено гораздо больше. Невыносимая нежность, с которой Олег гладил мои волосы и вдыхал их аромат, уткнувшись носом в мою макушку, эта нежность трогала до глубины души, до слез и глупой улыбки.

И не нужны были никакие слова. Любовь она вообще не требует объяснений, она в том, как смотрит на тебя мужчина, в том, как он к тебе прикасается, в том, как прижимает тебя к своему сердцу. В том, что ты без слов понимаешь: это сердце бьется для тебя. Именно прижавшись к груди своего мужчины, ты находишь свое главное место в жизни. И, наверное, в таком просто жесте, как объятия, заключена вся

суть любви: мужчина оберегает свою женщину от всех опасностей извне, обязанность же женщины беречь сердце, которое ей доверил мужчина.

Под влиянием этих мыслей и переполненная чувствами, я прижалась губами к его груди, словно давая обещание хранить и беречь.

Гладышев от прикосновения моих губ вздрогнул, тяжело сглотнул и поцеловал меня в макушку. Так мы стояли, пока солнце уходило за горизонт.

За ужином сохранилась атмосфера душевности, и мы разговаривали на личные темы. Олег рассказал, как прошли его полгода, рассказал про работу и свои поползновения в политику. Я была поражена масштабом его деятельности и впервые осознала, что за человек рядом, какая на нем ответственность. Меня поразила мысль, что тысячи людей зависят от мужчины, которого я запросто могу назвать придурком. От этого становится смешно и неловко, но, в конце концов, он не божество какое-то, хотя раньше я именно так относилась ко всем этим дядям в костюмах, маячивших на первом канале. Оказалось же, что дяди в костюмах тоже люди, у которых есть личная жизнь и порой, этой личной жизнью может оказаться такая простая девчонка, как я. Удивительная штука жизнь!

После глобальных проблем Гладышева и вообще его небожительской жизни, моя собственная казалась, такой незначительной, что даже не хотелось обсуждать. Но я отмахну-

лась от этих глупостей, зная, что Олег так отнюдь не считает, и рассказала про свои полгода: про работу в фитнес -клубе, про разные смешные случаи, связанные с ней, про мои взаимоотношения с мамой, с Кристиной и тетей Катей. Рассказ же про то, как я получала права, вызвал фурор. Гладышев просто ухохатывался с моих дорожных приключений.

Наш вечер закончился на веселой ноте, к своим каютам мы подошли, все еще смеясь, а потом разом как-то отпустило. Наши взгляды встретились, и меня залихорадило, в крови забурлило все выпитое за день шампанское. Шагнула к Олегу сама, а потом не поняла, как в следующее мгновение оказалась прижата к стене его телом. Мы задышали часто-часто, затрясло обоих от этой с ума сводящей близости, от жара возбужденных тел. У меня поплыло перед глазами, когда Гладышев коснулся большим пальцем моих губ, обводя их контур, проникая в рот, касаясь десен, обжигая их огнем и солоноватым привкусом. Я всхлипнула, когда его бедро втиснулось между моих ног. Словно прошило насквозь разрядом возбуждения.

Лизнула подушечку его пальца, не отводя плывущий взгляд от его пылающих глаз, взрываясь волной удовольствия, когда он задрожал.

Дрожащими руками притянула его за шею к себе.

Горячее дыхание обожгло губы, отчего у меня внизу живота все перевернулось, а трусики, казалось, промокли насквозь.

–Целуй, – прошептала, скользнув языком по его губам, балдея от его вкуса, от прерывистого дыхания, от тяжести его тела, от него всего такого родного, знакомого, любимого, единственного. Но Гладышев лишь мимолетно коснулся моего языка своим, нежно поцеловал и уперся лбом в стену рядом, вжимая меня в нее с таким напором, что я не могла дышать.

–Не дразни, малыш, я и так на честном слове держусь, – выдохнул он, отстраняясь, а я едва не сползла вниз, дрожащие ноги подкосились, меня повело, но я ухватилась за дверь своей каюты.

–Терпи казак, атаманом станешь, – бросила я охрипшим голосом, скорее себе, чем Гладышеву и скрылась в своей комнате, где еще полночи не могла прийти в себя, а потом уснула без задних ног.

Последующие дни пролетели, как одно мгновение и все они были наполнены морем впечатлений, эмоций, смеха и чувственности. Мы с Гладышевым все время проводили вместе, за исключением тех мгновений, когда я бывала на курсах дайверов. Да, после очередного погружения, я поняла, что у меня случилась очередная любовь. А поскольку любить наполовину я не умею, решила, что должна получить лицензию и нырять, сколько моей душе угодно и на какие угодно глубины. Океан стал моим любовником, у нас с ним был бурный роман, от которого я пыталась урвать, как можно больше. Поэтому каждое погружение было сродни сви-

данию с любимым: столько незабываемых эмоций, радости, счастья, и удовольствия, что я захлебывалась, делаясь с Гладышевым своей эйфорией.

Еще одним открытием для меня стал, конечно же, серфинг. Правда, успехи в этом деле были посредственные. Обычно, наши с Гладышевым уроки заканчивались либо диким хохотом, либо руганью, когда у него заканчивалось терпение, и он начинал отпускать язвительные комментарии типа «С такой координацией, Чайка, я удивляюсь, как ты еще ходишь, не говоря уже про то, чтобы танцевать!». Я, конечно же, посылая его на три веселых и продолжала упорно насиловать доску.

Сам Олег Александрович действительно катался великолепно, и это были не какие-то волнушки, на которых он меня тренировал, это были реальные такие волнищи. Когда я первый раз наблюдала за ним с берега, то от ужаса не могла даже дышать. Дух, бесспорно, захватывало, но когда Гладышев пропал из виду и долго не появлялся, у меня началась истерика и я подняла такую панику, что собралась целая спасательная команда. Но искать никого не пришлось, появился Гладышев, довольный, счастливый, возбужденный. Он не сразу понял, что происходит, а после смеялся над моими слезами и страхами, укачивая в объятиях и обзывая дурочкой, хотя ничего в моих опасениях глупого не было. И весь вечер я доказывала это, роясь в интернете и показывая риски: переломы, акулы, подводные течение. Утонуть раз плюнуть,

потеряв сознание от хорошего удара или запутавшись в ремне. Я наседала и наседала, а Гладышев только веселился. Но в конечном счете, все же сдался, заявив, что все понял, а главное то, что я не Чайка, а Квочка- паникерша.

И с тех пор так и звал меня, доводя до белого каления.

Спустя неделю с яхты мы перебрались на уединенную виллу. Я была рада сменить дислокацию, потому что бесконечное пребывание в океане утомительно, несмотря на мою с ним любовь.

Бунгало, конечно же, поразило меня своей роскошью и красотой. А еще появилось ощущение, что обстановка стала более интимной, уединенной и романтической. Это вызывало волнение и в тоже время радость. Честно признаюсь, я уже не могла спокойно находиться рядом с Гладышевым, казалось, чиркни спичкой и все к чертям взорвется. Между нами зашкаливала сексуальная энергия, она была в каждом взгляде, в каждом случайном касание, в мыслях и бесконечных, бессонных ночах, когда меня просто ломало по моему мужчине. О, я никогда не думала, что такое вообще существует. Но мне действительно хотелось лезть на стену. Я отчаянно хотела секса, точнее именно Гладышева! Все эти полгода мое тело будто находилось в спячке, но стоило появиться этому мужчине, как оно очнулось и яростно потребовало свое, да еще с процентами. Я свихнулась на сексе, я им бредила. За день Гладышев одним своим присутствием настолько растравливал меня, распалял мою чувственность, что до

утра я горела в пекле остервенелого, ненасытного желания, словно чокнутая нимфоманка.

Иногда подрывалась с кровати и решительно направлялась к Олегу, чтобы самой трахнуть его, ненавидя за проклятую деликатность, а точнее за игру в нее. Уверена, все он понимает. Невозможно не понимать, не видеть, не ощущать эти дикие флюиды и позывные. Мне кажется, каждый миллиметр моей кожи вопил о моем отчаянном желании. Я изнутри кипела, тело превратилось в сплошной оголенный нерв, отчего становилось даже больно. Гладышев же все видел и продолжал соблюдать дистанцию, словно специально тянул время. Гребанный садист! Я бы уже сама взяла дело в свои руки, наплевав на гордость, если бы проблема была только в ней.

Но психика – загадочная дама. Я никогда раньше не смущалась быть раскованной с Гладышевым и уж тем более, скрывать свои желания, но сейчас стеснялась, ступор напал. Я себя деревянной ощущала, как только подходила к его двери. Вся решительность испарялась, и становилось ужасно стыдно.

Поэтому матерясь, я отправлялась к океану и плавала, пока не выбивалась из сил настолько, что порой хотелось вырубиться прямо на берегу.

Бесило еще то, что Гладышев бессонницей не страдал и вообще не парился, как бы я не одевалась, а точнее раздевалась. Он бы спокоен, как удав, в каком виде перед ним не по-

явись: в красивом платье, купальнике, в стрингах, топлесс.

А еще говорят, что мужики озабоченные. Впрочем, с чего ему быть озабоченным?! Он эти пять месяцев монахом не сидел, потрахивал свою Марину.

—О чем задумалась?— прервал он мои пьяные размышления. Мы ужинали в одном из ресторанов прямо на берегу океана, и я оприходовала, кажется, уже полбутылки шампанского.

—Ни о чем, — отмахнулась. И дабы отвлечься от навязчивых мыслей, с улыбкой стала наблюдать за танцующими и поющими под барабаны мальдивцами. Их национальная музыка и танцы завораживали своей аутентичностью. Было в этом что-то первобытное. Но мне нравилось Боду беру.

—Иди, потанцуй, — кивнул Гладышев в сторону сцены, заметив, как я с тоской смотрю на танцоров. Жаль, что он не замечает, как я смотрю на него, и не предлагает пойти и ...

—Никто же не танцует из посетителей, — оглянувшись вокруг, возразила я.

—Ну, и что? Тебе же хочется. Иди и танцуй, я хоть посмотрю, — подначивал Олег, улыбаясь уголками губ.

—Ты же знаешь, если я начну танцевать для тебя, то нас отсюда выгонят, — провокационно сообщила я, пригубив еще шампанское. В крови же забурлил адреналин и возбуждение, раздражение стало потихонечку угасать.

—Ну, и ладно, нам не помешает немного трэша, а то все так ладно и складно, что даже не верится, — весело подмигнул

Гладышев, пригубив кокосовое молоко.

Я, прикусив губу, засмеялась, качая головой. Было страшно, и в тоже время во мне проснулась бесбашеная Яночка, которая так любила доводить Олеженьку до нервного тика. Опрокинув в себя еще бокал шампанского, я решительно настроилась устроить Гладышеву трэш, и присоединилась к танцующим.

Люди, сидящие за столиками, смотрели на меня удивленно, но мне было все равно. Главное, что музыканты и танцоры приняли в свои ряды радушно. Кивнув одобрительно, они начали новую мелодию, словно специально для меня: чувственную, эротичную, дикую. Я сразу же подхватила ритм и стала двигаться, поначалу немного неуверенно, скованно, не глядя ни на кого, а потом, разогревшись, вошла во вкус и, с этого мгновения, словно впала в какой-то экстаз. С каждым ударом барабана меня уносило. Эта музыка действительно гипнотизировала, взывала к первобытным началам и инстинктам. Я чувственно извивалась, ощущая себя каким-то уникальным, неповторимым созданием: прекрасной, сексуальной, раскованной женщиной, которая любит и ... любима? Я подняла шальной взгляд на Гладышева, и губы сами расплылись в манящей, счастливой улыбке.

Потому что в его горящем, восхищенном взгляде я прочитала ответ – да, любима, обожаема, желанна! Он смотрел на меня так, как никогда не смотрел. В омуте его глаз было не просто «хочу», это «хочу» обрастало множеством уточ-

нений: хочу любить, хочу быть, хочу заботиться... Впервые он хотел не только брать, но и отдавать, возможно, даже в разы больше. И я смотрела на него с не меньшим желанием того же, отдаваясь ему прямо на глазах у всех этих людей. Но для нас с Олегом никого не существовало в этом мире, кроме нашей одержимости друг другом.

–Потанцуй со мной, – протянула я к нему руки.

–Потанцую, но в другом месте, – пообещал, не скрывая двусмысленности своего обещания. Меня кинуло в жар. Но я все же сделала вид, что намека не поняла.

–Почему не здесь?

–Потому что, малыш, – растягивая слова, начал он, приблизившись ко мне вплотную, отчего я забыла, как дышать, он же убрал прядь моих волос за ухо, выдохнул мне прямо в губы, – Ты сводишь меня с ума. Потому что хочу тебя, как ненормальный и не могу больше сдерживаться!

–Так не сдерживайся, – прошептала я вибрирующим от возбуждения голосом, завороченно глядя в его полыхающие глаза.

В следующую секунду Гладышев обхватил мое лицо одной рукой, сдавливая скулы, а потом на глазах у всех впился поцелуем в слегка приоткрытый рот, с такой жадностью и дикостью сминая мои губы, что у меня по телу прошла волна мурашек, заколотило всю от захлестнувшего восторга и удовольствия. А когда его язык коснулся моего, я просто содрогнулась и застонала.

–Шш, тихо, моя девочка. Кричать будешь только для меня. Не хочу, чтобы кто-то еще знал, как ты сладко стонешь, – прошептал он, разорвав поцелуй, а потом вдруг спросил, глядя в мое лицо, – Никто ведь больше не знает?

Я замотала головой, хотя внутри все перевернулось, вспомнился Пластинин, но я тут же отогнала эти мысли и надорванным от страсти голосом заверила:

–Только ты, Гладышев!

Он удовлетворенно кивнул и, отпустив меня, подозвал официанта.

У меня же все плыло перед глазами, внутри разгоралось пламя. Оно мчалось по крови, обжигая до ожогов каждую клеточку. Я изнывала по этому мужчине, сгорала от нетерпения, предвкушения и в тоже время дикого волнения.

Расплатившись по счету, мы пошли к ожидавшему нас катеру и поехали на свою виллу. Вся поездка прошла, как в тумане, Гладышев не сводил с меня глаз, а я тонула в них, как в океане, лихорадочно дрожа, ничего не слыша, кроме бешеного стука собственного сердца, которое казалось, рвется из груди. К нему рвется, как и все мое существо, словно замершее на старте.

Как только нас высадили на нашем острове и оставили вдвоем, мы несколько долгих секунд сверлили друг друга теми же пронзительными взглядами. А потом Гладышев за пояс платья резко притянул меня к себе. Я навалилась на него, продолжая смотреть в глаза. Вдохнула аромат его кожи и по-

плыла.

Мы одновременно потянулись друг к другу, чтобы через мгновение впиться в губы и замереть, наслаждаясь этим ощущением, давя со своей силы до боли, до дрожи. Кусая, а потом вылизывая, судорожно втягивая воздух, лихорадочно зарываясь дрожащими пальцами в волосы. Никакой нежности, агрессивно, неистово, больно. Наказывая друг друга за разлуку. Мы были оголодавшими, озверевшими от тоски. И сейчас пытались ощутить друг друга ярче, насыщеннее, восполнить одним мгновением все месяцы пустоты.

Я вжималась в его сильное тело с бешеной силой, пытаюсь раствориться в нем, стать им. Целовала, широко раскрывая рот, позволяя его языку делать все, что он хочет, а потом не выдерживала и перехватывала инициативу. Я жрала его огромными кусками, давясь и захлебываясь. И мне было мало, мало, мало ... Казалось, я схожу с ума.

—Чокнутая, —подтверждает Гладышев искусанными в кровь губами между лихорадочными поцелуями, а потом гладит скулы, с наслаждением вылизывая мою шею, спускаясь к груди, которая уже ждет его. Но он останавливается, подхватывает меня на руки, заставляя обхватить его за пояс ногами, и несет в свою спальню. Я покрываю поцелуями его бледное, несмотря на загар, лицо. Всматриваюсь в него, сканирую каждую черточку, каждую морщинку. Он настолько красивый, что я схожу с ума от этой красоты, от его дикого, ошалевшего взгляда, от растрепанных волос и припухших

губ.

Скольжу кончиками пальцев по впалым щекам, обрисовываю контур скул, носа, губ, а потом не выдерживаю, целую их снова, обхватив его за голову обеими руками. Посасываю, опять кусаю, облизываю, вбираю в себя, наслаждаясь вседозволенностью, купаясь в этом безумии нашей страсти. Мне хочется просочиться в него, забраться под кожу.

Как же я по нему скучала! Как же мне не хватало его!

Этих прикосновений его пальцев, от которых дыхание сбивается, пульс зашкаливает, а душа, словно зверюга срысывается с цепи и ликует, наслаждаясь свободой. Она изголодалась, измучилась по нему. И теперь, наконец-то, ожила, воскресла. Глаза нестерпимо жгут слезы от переполняемых эмоций, когда разгоряченной кожи касается холод простыни. Изнутри рвет от каждого поцелуя, а возбуждение языками пламени лижет кожу, где Олег прикасается губами. Он быстро развязывает тесемки моего платья, спуская его с плеч, и обхватив мою изнывающую грудь обеими руками, припадает к ней, покрывая поцелуями, опаливая соски, лаская их языком, а потом, жадно вбирая в рот, посасывая, отчего я выгибаюсь, закатывая глаза от наслаждения, зарываясь пальцами в его волосы. Но долго не могу терпеть эту пытку. Слишком возбуждена, слишком хочу его. Отталкиваю, дабы прекратить эти изматывающие ласки, и трясущимися от нетерпения руками, начинаю расстегивать его рубашку. Гладышев же задирает подол моего платья, скользит горячими ладоня-

ми по моим бедрам, я развожу их шире, бесстыдно предлагая себя, выгибаясь навстречу его проворным пальцам, дразнящим меня, доводящим до безумия этими легкими, нежными прикосновениями совсем не там, продлевая мою агонию.

Перехватываю его руку, подношу к своим губам и поочередно облизываю каждый палец, глядя Гладышеву в глаза, отчего его взгляд темнеет, следя за моим языком, увлажняющим его пальцы. А потом вспыхивает, когда я сдвигаю промокшие насквозь трусики, и с бесстыдной усмешкой стораю в пламени его глаз, направляю его руку к моему горящему, влажному лону, и сразу же закрываю глаза, прикусывая губы от наслаждения.

Как только он касается моей плоти, скользя меж влажных складочек, лаская клитор, меня прошивает насквозь, и я начинаю стонать, раздвигая ноги еще шире, вцепившись в полы его рубашки.

–О, боже! – выдыхаю, скользя губами по его груди, ощущая вибрацию смеха.

–Нет, малыш, «О, боже» будет позже, – хрипло обещает Олег и проникает в меня двумя пальцами, не переставая ласкать клитор. А у меня дыхание перехватывает от пронзительного удовольствия, когда чувствую его пальцы внутри своего тела, которое будто пронзают сотни игл. Колени дрожат от накатывающих, горячих волн. Но мне этого мало, мне надо больше, еще больше!

–Не хочу позже, хочу сейчас!– выдыхаю со стоном и тя-

нусь к завязкам на его шортах. Олег же прекращает ласкать меня пальцами, подносит их к моим губам и взглядом заставляет слизывать влагу. И я слизываю старательно, с наслаждением, глядя на Гладышева с вызовом, соблазняя. И он не выдерживает, притягивает меня, обхватив затылок, и впивается поцелуем, слизывая мой вкус со стоном и рваным дыханием.

—Какая же ты вкусная, моя девочка,— шепчет, целуя и одновременно лаская мою грудь, сжимая соски.

—Олеж, пожалуйста, — прошу уже чуть ли не плача, дрожа от возбуждения.

—Иди сюда, малыш,— внимает он моей мольбе и, подхватив, усаживает верхом на себя.

И меня пронизывает словно чем-то острым от соприкосновения с его твердой, возбужденной плотью. Внизу живота становится нестерпимо горячо, а по телу пробегают судорожные волны от желания ощутить его в себе.

Извиваюсь на нем в голодной лихорадке, трусь, как обезумевшая, пытаюсь ощутить его как можно сильнее. А он жадно целует мои губы, скулы, шею, одновременно приспуская шорты вместе с трусами, чтобы в следующее мгновении сильным толчком войти в меня, вырывая иступленный крик удовольствия и сладкой боли. Они разливаются по венам, прокатываясь волной дикого наслаждения, от которого закатываются глаза, и дрожь проходит по всему телу. Меня бросает в жар, в пекло внезапного, бурного оргазма. Мышцы

судорожно сжимаются вокруг пульсирующего члена. Всхлипываю, не в силах даже стонать, а по щекам катятся слезы стыда. Меня вдруг разом отпустило, словно протрезвела в одну секунду, и стало так не по себе от того, что я превратилась в одичавшее животное. Но Гладышев, словно уловив мои мысли, не позволяет мне спрятать лицо. Положив ладонь на мою пылающую от смущения щеку, осторожно, но настойчиво поворачивает мою голову так, чтобы я смотрела ему в глаза.

—Посмотри на меня, — произнес тихо, но требовательно, когда я попыталась отвернуться, — Ты видишь, что ты со мной делаешь?

Я распахнула мокрые от слез глаза и взглянула в его такие проникновенные, горящие огнем желания.

—Я как щегол на тебе поехал, — выдохнул он мне прямо в губы, вызывая мороз по коже и жар в сердце, — И съезжаю все сильнее и сильнее, малыш, от того, что ты такая... — шепчет он срывающимся шепотом, покрывая мое лицо поцелуями, собирая губами слезы, скользя ладонями по телу, приговаривая. — Чувственная, открытая, дикая, бесстыжая, — на последнем слове он делает толчок, а я с шумом втягиваю воздух, распахивая широко глаза и выгибаясь со стоном навстречу его проникновению. Это ощущение наполненности было непередаваемым. Я чувствовала его каждой клеточкой. Он был такой большой, пульсирующий и твердый, и так глубоко во мне. Меня вновь затрясло и бросило в жар

от прокатившейся по телу горячей волны. Пламя возбуждения вновь вспыхнуло с еще большей силой. А когда Гладышев начал двигаться быстрее, резче, насаживая меня на себя, сжимая мои ягодицы до синяков, я окончательно слетела с катушек. Обхватив его за шею, подхватила ритм, поддаваясь навстречу толчкам его плоти, сминая его губы в неистовом поцелуе, слизывая наши стоны.

Хотя я не просто стонала, я кричала, извиваясь на нем. Сходя с ума от каждого проникновения, от того, что он, наконец-то, во мне, мой. Я так скучала по нему, я изнывала по этому мужчине каждый божий день все пять месяцев. А ведь еще пару недель назад даже не смела мечтать о том, что мы хотя бы встретимся, сейчас же просто умирала от счастья и наслаждения в его объятиях. Выгибалась навстречу его влажным губам, целующим мою грудь.

Он жадно ласкал мои соски языком, покусывая их, доводя меня до исступления.

– Да, моя девочка, кричи! Кричи еще громче, – шептал он, подминая меня под себя и забросив мои ноги себе на плечи, стал яростно вдавливать в мое тело, доводя до истерики. Я уже не могла кричать, только всхлипывать, судорожно вцепившись пальцами в простыни, комкая их.

Я умирала под ним от невыносимого удовольствия, выгибаясь дугой от каждого толчка. Взмокшая, обезумевшая, притягивала его за плечи к себе, зарываясь пальцами во влажные волосы на затылке. Он же, обхватив мое лицо ла-

донью, целовал, тяжело дыша, прожигая меня странным, диким взглядом, проникая им в самую душу. И меня переполняли чувства от ощущения целостности с ним, от этой близости, когда саму себя ощущаешь через любимого мужчину, через те места, где он тебя касается. И в этом, казалось, заключено такое простое, незамысловатое счастье – просто быть рядом с ним, видеть его таким настоящим, касаться, чувствовать на своей коже его горячее дыхание, бессвязный шепот и с ума сводящие поцелуи.

И об этом счастье хотелось кричать, и я кричала.

–Люблю тебя!– надсадно со стоном, растворяясь в проникновенном взгляде. В ответ Гладышев с чувством целует меня, ускоряя темп, но мне этого недостаточно, я хочу не только ощущать, я хочу слышать. Хочу, чтобы его губы хотя бы раз произнесли заветное «люблю». Поэтому прерываю поцелуй и, задышавшись, произношу на выдохе, боясь услышать ответ, – А ты... Ты любишь?

–Да,– без колебаний, входя в меня на всю длину, отчего мы одновременно стонем.

–Скажи, – шепотом, судорожно целуя его в губы.

–Люблю,– выдыхает, с силой подаваясь вперед бедрами, глядя в мои затуманенные кайфом и слезами глаза.

–Еще, – сорванным шепотом, впиваясь ногтями в стальные мышцы его плеч, чувствуя приближение урагана.

–Люблю,– уже громче и сильнее, рвано двигаясь.

–Еще!– требую в беспамятстве сквозь пелену дикого на-

слаждения.

– Люблю, – впивается в мои губы со стоном.

– Еще, еще, еще... – кричу, заходясь в эйфории, когда насквозь прошибает горячей волной оргазма.

– Люблю, люблю, люблю, люблю! – стонет он, безжалостно тараня мое тело рваными толчками, а потом замирает, и дрожа, изливается в меня, обессиленно шепча, – Люблю, малыш... люблю...

Нам потребовалось очень много времени, чтобы прийти в себя. Не знаю, сколько мы лежали, обнявшись, молча разглядывая тени на потолке, и слушая шум прибора. Для меня вообще время переставало существовать рядом с Олегом. А уж после всего сказанного перестал существовать весь мир.

Я лежала у своего Зануды на груди и счастливо улыбаясь, вырисовывала на его коже слова любви. Олег же гладил меня по спине, скользя кончиками пальцев по позвоночнику.

– Угадай, что я пишу, – обратилась к нему шепотом, боясь нарушить эту умиротворяющую тишину. Гладышев усмехнулся и, кивнув, закрыл глаза, концентрируясь на моих художествах.

Но когда я вывела первое слово, он нахмурился.

– Не понял... «уои»? – взглянул он на меня недоуменно.

– Думай, Олеженька, не все так просто, – улыбнувшись краешком губ, подмигнула я.

– Аа, – сообразил он, когда я вывела следующую букву, – На английском.

–Какой умный мальчик, – пожурела я его и, чмокнув в губы, продолжила рисовать.

– You're.. a ..shooting.. star.. I.. see,– проговаривал он, складывая буквы в слова, – A... vision... of ecstasy. When... you hold me, I'm... alive. We're.. like... diamonds in the sky.(Ты – падающая звезда, которую я вижу.Осязаемый восторг. Когда ты обнимаешь меня, я оживаю...Мы, словно бриллианты в небесах.)

–Да, – довольно заулыбалась я, Олег же засмеялся и, пригнув меня, поцеловал.

–Что это было, бриллиантовая моя?– спросил он спустя мгновение.

–Песня Рианны «Бриллиант», – пояснила я.

–Теперь твоя очередь угадывать, – заявил он, приподнявшись на локтях.

Я улыбнулась и с энтузиазмом закивала.

–Но учти, это будет не просто, сконцентрируйся, – предупредил он хриплым шепотом, нависнув надо мной. Я тяжело сглотнула от сгустившейся атмосферы и, закрыв глаза, приготовилась.

Но уж точно не к тому, что он в следующую секунду начнет вырисовывать буквы языком на моей груди, спускаясь все ниже и ниже.

Мы занимались любовью до самого утра. Эта была ночь откровений и открытий, мы будто заново познакомились, изучали друг друга.

Впрочем, мы занимались этим всю последующую неделю. Каждую секунду любили друг друга. Любовь была во всем: во взглядах, в прикосновениях, в тихих разговорах по ночам, в молчание на закате, в дурачествах по утрам, в море сме-ха и веселья, и, конечно же, в сексе, в океане секса. Мне ка-жется, за эту неделю у нас его было столько, сколько не бы-ло за все те месяцы «сред и пятниц». По крайней мере, ТА-КОГО секса точно не было. Это было что-то настолько по-трясающе –нереальное, что после мы даже говорить не мог-ли от бессилия и счастья. Стерлись все грани, все понятия и условности. Даже Гладышев забыл про свои принципы: не было больше никаких «не целую после минета», «не выношу царапин и засосов», «не сюсюскаюсь на людях». Целовал и еще как: вылизывал мои губы после того, как я ласкала его ртом. И ходил весь покрытый моими метками. Царапины и засосы его, конечно, так и бесили, но во время секса он не замечал моих вольностей, лишь после, стоя перед зеркалом, бурчал, как он будет ходить без футболки. Но ходил и даже без намека на смущение. Нам вообще не было ни до кого де-ла. Мы забыли обо все на свете, поглощенные друг другом, и возвращались в реальность только, когда звонили родные.

Мама моя, конечно же, была в шоке от того, что я укати-ла на Мальдивы с Гладышевым. Ее вообще весь этот роман пугал до жути, она ужасно волновалась и переживала. Но, тем не менее, надеялась, что все будет хорошо и, я не наде-лаю ошибок. Я тоже на это надеялась, поэтому мы пришли к

подобию согласия и, договорившись, что обсудим все, когда я прилечу в Рубцовск, больше не поднимали данную тему. Говорили исключительно о Мальдивах и моем отдыхе. Мама искренне за меня радовалась, видя, как я счастлива, поэтому после ее звонков на сердце у меня было легко и хорошо.

А вот Гладышев после разговоров со своей доченькой, которая в это время отдыхала с матерью и подругами в Марокко, был загружен, хотя старался делать вид, что все в порядке. Я не лезла, но внутри скапливалось напряжение и беспокойство, а с приближением дня отъезда это беспокойство усиливалось.

—В чем дело, малыш? Что тебя тревожит?— заметив мое состояние, спросил Олег во время нашего последнего ужина.

—Боюсь возвращаться, — признаюсь с тяжелым вздохом и без особого аппетита высасываю устрицу, что удивительно, так как до безумия полюбила этих скользких гадин, несмотря на то, что поначалу кривилась, отказываясь их пробовать.

—Почему?

— Боюсь, что все, что было здесь, тут и останется. А чего ждать по возвращению...я не знаю, — пожимаю плечами и взираю на Олега вопросительно. Он откладывает приборы в сторону и принимает серьезный вид, вмиг трансформируясь в столь знакомого, собранного, делового мужчину, которого я так боюсь.

—А чего бы ты хотела? — осторожно спрашивает он, словно прощупывая почву, спустя пару минут раздумий.

– Вопрос у нас всегда заключается не в том, чего хочу я, а в том, что хочешь ты! – замечаю я с невеселой усмешкой и сама же себя корю за то, что порчу наш последний вечер. Гладышев, сжав губы в тонкую полоску, начинает задумчиво постукивать пальцами по столу, а потом видимо, что-то решив для себя, обращает на меня свой взор.

– Свое желание я уже озвучил, Ян. Не скрою, методы реализации трудны. Ты знаешь, у меня взрослая дочь и она настроена, признаюсь тебе, категорично, также у меня работа, которая поглощает целиком и полностью все мое время. Мне тридцать восемь, я зануда, брюзга, циник и еще куча качеств, которые совсем ни к чему терпеть молодой девушке. Ну, разве что ради денег, – хохотнул он, но заметив мой вспыхнувший негодованием взгляд, сразу же поднял примирительно руки и продолжил. – Как здесь уже точно не будет, но и как раньше тоже. Я не знаю, что нас ждет, но я настроен попытаться счастье, – закончил он, улыбнулся краешком губ.

– А что же Леся? – задала я последний, главный вопрос, который давно не давал мне покоя.

– А что Леся... трудный подросток, который в любом случае не захотел бы делить отца ни с кем. Знаешь, Ян, я понял, что лучше от моей «жертвы» никому не станет, а хуже – это еще не факт. Леся уже большая девочка, ей пора понять, что у меня тоже есть личная жизнь, которая никоим образом не влияет на мое отношение к ней. Конечно, я не строю иллюзий насчет того, что она примет тебя в нашу жизнь с распро-

стертыми объятиями, но и потакать ее капризам не думаю, что будет правильно. Безусловно, это сложный путь и впереди много проблем, но это путь к чему-то,— поделился он своими соображениями, которые меня успокоили и вселили надежду в наше совместное будущее.

Я протянула руку и переплела наши пальцы, сжимая крепко-крепко, тем самым давая понять, что готова вместе с ним преодолевать все сложности.

— У нас все получится, — уверенно заявила я.

— Кажется, твой оптимизм заразен,— улыбнулся Олег в ответ.

С таким оптимистичным настроем мы прилетели в Москву, где нас сразу же закрутила суета.

Олег, конечно же, с головой ушел в работу, сразу улетев по делам в Японию, а я немного придя в себя после уединенной жизни, поехала в Рубцовск к маме. Она встретила меня одна, так как бабушка уехала к своей сестре в деревню, чему я была очень рада. Мы с ней хоть и помирились, а все же осадок остался. Вряд ли когда-нибудь смогу забыть, что она выгнала меня ночью на улицу. Поэтому без нее я чувствовала себя гораздо комфортней.

Мама пока еще была на больничном, хотя рвалась в бой. Но врачи категорически запрещали, и я полностью их поддерживала, хоть и видела, как ее угнетает сложившаяся финансовая ситуация. Не знаю, как бы мы справились, если бы не Олег. Большая часть денег, что он перечислил мне по-

сле нашего расставания, пошла на погашение кредита, который мама с бабушкой брали на лечение, а также реабилитацию. На остальную сумму я сняла квартиру, дабы продолжить обучение и устроится на работу, после чего треть зарплаты отсылала маме, так как жить на одну бабушкину пенсию не представлялось возможным. Все это очень тяжело было для мамы, привыкшей нести на своих плечах груз многих забот. Она ужасно переживала за меня, с ума сходила, что не в силах ни помочь, ни уберечь, ни защитить.

—Дочурка, боюсь я за тебя,— глядя меня по лицу, прошептала мама, сжимая в объятиях.

Мы с ней легли спать вместе, как в детстве и полночи говорили. Я рассказывала про поездку, про Олега, его дочь, про наши запутанные отношения, не слишком вдаваясь в подробности, но мама сама дорисовала картинку и теперь тяжело вздыхала, качая головой.

—Мам, ну, чего бояться — то?!— улыбнулась я снисходительно, и дабы успокоить ее окончательно, весело прибавила, — Главное, что с универом теперь нет проблем, а остальное... Не страшно.

—Вот как раз —таки все остальное страшно в сравнении с твоим универом, — возразила мама,— Ты меня —то не обманывай. Что я не вижу, что ты вся в этом своем Гладышеве. Глаза вон светятся, как новогодняя елка.

—Ну, я и не говорю, что он мне до фонаря.

—Еще бы ты говорила!— хохотнула мама. — Я нашу породу

знаю. Отчаянные в любви, гордые и дурные. Поэтому и боюсь. Не сможешь ты терпеть, доня. А с таким мужиком придется, иначе ни черта не выйдет.

—Мам, ну, что терпеть —то?— закатила я глаза.

—Да все! —воскликнула она. —Бахнул по столу, и ты сразу под стол должна, Януль, понимаешь?! Ты так сможешь?— вопрошала она. Мне же стало смешно от ее трактовки.

—Прекрати, мамуль, нагнетать. Олег, конечно, не самый легкий человек, но и не жесткий тиран, — мягко возразила я, хотя сама понимала, что вру. Если Гладышев что-то решил, то хоть умри, свое решение он не изменит.

—Ага, рассказывай маме сказки, —закатила она глаза, и тут же поцокала,— Еще дочь у него. О-е-ей, как ты будешь, я вообще не представляю?! Ты же у меня, как бомба без чекушки: чуть не по тебе и разнесла все к чертям собачьим. Вот только, в первую очередь, сама пострадаешь, и этого я боюсь. Потом же свет не мил будет, не то, что какой-то универ. А собрать себя- это очень тяжело, дочурка. Порой, жизни мало, — задумчиво закончила она, погрузившись в свои какие-то мысли.

Я не знала, что сказать. Понимала мамины опасения. Все они были справедливыми, конечно. Да, я импульсивна, не сдержанна, молода и глупа, но сейчас мне не казалось это такой уж проблемой. Мы с Гладышевым прекрасно ладили, и мне казалось, что так будет всегда. Как же я ошибалась тогда....

Но маме я пообещала, что прежде, чем что-то сказать и сделать, буду по ее совету отсчитывать до ста матов в адрес того, кто меня бесит. Когда мама предложила эту тактику в качестве успокоительного, я долго хохотала, но решила, обязательно попробовать.

Десять дней дома прошли чудесно. Мы с мамой каждое утро бегали в парке, болтая обо всем на свете. Иногда мама тренировала меня, как в старые добрые. Большую часть времени, конечно же, проводили на даче, но иногда ходили в кафе и кино, пару раз даже выползли в клуб, где к маме привязался симпатичный молодой человек. Я ухохатывалась, наблюдая эту картину и, позвонив Гладышеву по скайпу, повеселила и его. Олег, впервые увидев мою маму, сказал, что он удивлен, как еще весь клуб не собрался у ее ног.

Будучи немного навеселе я, конечно же, перевела разговор на себя любимую, и стала допрашивать Гладышева, отчего это он так спокоен, когда вокруг самой красивой девочки на свете столько мужчин. На что он самодовольно заявил, что равных ему нет, а потому и переживать не о чем, если я конечно, не совсем ку-ку.

Я хохотала до слез с такой самоуверенности, а потом начала дразнить и подначивать Олега, выводя на ревность, но он был спокоен, как удав, и только насмеялся над моими ужимками и пьяными выходками, зная, что рядом мама и если что, есть, кому всыпать. Закончился тот разговор довольно неловким знакомством мамы и Олега.

Когда она заметила, что я разговариваю с кем-то по скайпу, подумала, что звонит тетя Катя, вошла в камеру и послала воздушный поцелуй. Надо было видеть лицо Гладышева и мамы – бесподобная картина. Мама покраснела, как рак и, смеясь, извинялась долго. Я от волнения и изрядного количества алкоголя в крови смеялась на пару с ней. Гладышев, кажется, тоже смутился и, натянуто улыбнувшись, кивнул в знак приветствия, а затем быстро свернул разговор.

В последующие дни до самого отъезда я слушала мамины впечатления: как молодо выглядит, какой красивый, приятный, ухоженный, неужели ему правда тридцать восемь и как такой мужчина может быть не женат?

—Ну, скоро будет женат, — заявила я, хотя уверенности в этом не было ни грамма, мама тоже, кажется, не особо в это верила, но комментарии оставила при себе. Просила только не рубить с плеча и стараться эмоции придерживать, переваривать, а потом уже нести в массы.

С такими напутствиями я поехала в Москву. Олег же уехал к дочери и родителям в Бийск, поэтому нам предстояло еще неделю жить в разлуке. Я эти дни провела в обществе тети Кати и Кристины.

Крестная на перемены в моей жизни только покачала головой. И вся ее долгая речь свелась к совету не быть душой и брать, как можно больше и чаще, ибо мужики все козлы и хрен знает, что будет завтра, а жизнь, она длинная. В общем-то, с ее позицией я была согласна. Вот только не очень

представляла, как буду у Гладышева что-то канючить. Хотя... почему бы и не попробовать?

Правда, руководствовалась я исключительно любопытством и азартом. Хотелось узнать границы дозволенного, испытать свои чары и примерить разок, интереса ради, роль меркантильной стервы.

Глупости, конечно, и пафос, но, тем не менее, мне нравилось фантазировать на данную тему, представляя себя эдакой фифой, которая способна одними надутыми губками и томным взглядом положить к своим ногам весь мир.

Но после встречи с Кристиной весь этот бред быстро вылетел из головы. Мы с ней просидели всю ночь за бутылкой коньяка и разговорами. У нас уже стали традицией такие вот коньячные посиделки. Я рассказала ей все: про поступление, Леру, Макса, и конечно же, про Гладышева.

Когда она услышала, что мы с Олегом снова вместе, как-то даже ожила, а потом вдруг спросила, видела ли я Мишу.

Я не сразу поняла про кого речь, а потом, когда дошло, то от промелькнувшей догадки охренела и воззрилась на подругу шокированным взглядом.

– Не смотри на меня так, – прохрипела она и, опрокинув в себя рюмку коньяка, закашлялась.

– У вас с ним с зимы отношения?! – пораженно воскликнула я, и последовала примеру подруги – осушила рюмку.

– Да какие отношения... – отмахнулась Крис и с горьким смешком дала им определение, которое я не совсем поня-

ла, — Диофантово уравнение.

—И что это значит? — не поняла я.

—Ничего, Януль, ничего это не значит. Я замужем, у меня сын, а у него — жена...

—Сука, — вставила я, вспомнив эту стервозную Вику.

—О, да!— подтвердила Крис с невеселой усмешкой, а потом взглянула на меня в упор пьяным, но решительным взглядом, и строго наказала.— Не лезь к этому Максусу! Даже, если это он устроил всю эту херь с поступлением, не лезь! Ты с Гладышевым счастлива? — спросила она прямо, но, не дожидаясь ответа, так как он был написан у меня на лице, продолжила.— Вот и радуйся! А к этому не лезь. Баба с тенью плохо кончает! Рядом должен быть только один мужик, как солнце освещать весь твой путь! В тени, конечно, хорошо, когда солнце сильно печет, но без солнца вообще жизни нет. И Леру эту выкинь из головы. Как говорится перед тем как мстить, вырой две могилы. Зло оно имеет свойство возвращаться, так что не порть себе карму.

Я ничего на это не ответила, так как не имела ни малейшего желания отказываться от идеи воздать по заслугам своим обидчикам. Меня всю наизнанку выворачивало от одной мысли спустить с рук то, что я чуть было не лишилась будущего.

Нет! Никому не позволю самоутвердиться за мой счет в роли господ —бога! Не успокоюсь, пока не узнаю, кто подложил мне эту свинью, и пока тварь, сделавшая это, не от-

ветит за все. Ибо слишком много для меня значило это поступление.

Вот только в том, что это Макс, я стала очень сильно сомневаться. Первая мысль, конечно, была о нем, но потом, когда он стал периодически названивать мне и, не дозвонившись, писать смс, спрашивая, что происходит и как прошло поступление, я не выдержала и, позвонив, в грубой форме высказала все, что хотела. Вот только Пластинин был крайне удивлен и озадачен. Тогда-то я всерьез задумалась: зачем ему изображать удивление, если он хотел меня наказать, показав мое место и всемогущего себя? По идеи, он должен был, напротив, ткнуть меня носом в то, что я отвергла ЕГО – господ-бога всея МГИКа. Что-то в этом не складывалось. Возможно, я поторопилась с выводами. Вдруг это просто какая-то ошибка или кто-то из этом проклятом институте решил пропихнуть своего студента на мое место? Всякое ведь бывает. Но как узнать? Что вообще теперь делать?

В моей голове крутилось масса вопросов, с которыми я решила разобраться позже, как только обоснуюсь в университете, присмотрюсь, обвыкну. Насчет Макса тоже решила действовать осторожно и уже тысячу раз пожалела, что затеяла тот разговор, который закончился тем, что я бросила трубку, не дослушав. Это было ошибкой, которая могла еще выползти боком. Макс опасный тип. Но поскольку до начала семестра был еще целый месяц, я забросила на дальнюю полку все эти тайны Мадридского двора и его величество Пла-

стинина, тем более, что сам он больше не давал о себе знать. Это и радовало, и пугало. Но опять же я отложила данную проблему до сентября.

Сейчас же на повестке дня было свидание с Гладышевым. Да, вы не ослышались, именно СВИДАНИЕ!

Олег Александрович собирался сводить меня на самую громкую премьеру сезона в Большом— балет "Драгоценности" Джорджа Баланчина, поставленного в партнерстве с ювелирным домом Van Cleef & Arpels.

«Пойдем, посмотрим на танцульки бриллиантов, бриллиантовая моя!» – вот так звучало приглашение, но под этими вроде бы насмешливыми словами крылось несказанно много. Гладышев умело конспирировал романтику под нечто обыденное, но не настолько умело, чтобы меня провести.

Я была на седьмом небе, и в тоже время ужасно волновалась. Первым делом, конечно же, встал вопрос, что одеть. Естественно, моей тщеславной натуре хотелось блистать, но потом я решила удивить Гладышева и выбрала скромный, но невероятно женственный наряд. Платье было на тонких бретелях, чуть ниже колена, струящееся, легкое, романтическое. Единственное, что в нем было сложное – это цвет: разные оттенки сиреневого гармонично сочетались с серым и бирюзовым, а в некоторых местах создавалась имитация текстуры змеиной кожи- такой вот ансамбль, но он не был перегружен, напротив, нежный и воздушный. Образ я завершила крупными локонами, уложенными на один бок и натураль-

ным макияжем.

Посмотрев на себя в зеркало, осталась довольна открывшейся картиной. Я была без преувеличений прекрасна. Но все равно очень переживала, что образ слишком прост и Олегу не понравится. Последний час перед встречей, я только и делала, что бегала из угла в угол, умирая от волнения. Еще новые туфли немного жали, вызывая дискомфорт. Но они были настолько красивы, что я готова была стереть ноги в кровь, чем отказаться от этих роскошных шпилек из серебристой змеиной кожи.

Когда Олег известил о том, что подъехал, я чуть сознание не потеряла от подскочившего в крови адреналина и эндорфинов. Пришлось даже опрокинуть в себя остатки коньяка, и только после, втянув побольше воздуха, я отправилась на свое первое, настоящее свидание с любимым мужчиной.

Когда я села в машину, Олег с кем-то разговаривал по телефону, чему я была безумно рада, поскольку нервозность моя достигла апогея, а если бы он еще уделил чрезмерное внимание моему выходу, то однозначно до машины Яночка бы не дошла.

Но оказывается, я начала радоваться раньше времени. Гладышев, закончив разговор, повернулся ко мне и внимательно оглядел ласковым взглядом, я же от волнения забыла, как дышать.

—И где моя Чайка?— заявил он, ошарашив меня.

—В смысле?

–Ну, знаете, Яна Владимировна, я настроился на шоу: супер-мини и декольте до пупка, а тут такой облом,— поцокал он разочарованно.

–Иди ты на хрен,— отмахнулась я, облегченно смеясь.

–Вот, теперь узнаю,— кивнул он со смешком. – Иди поцелую, малыш, соскучился по тебе.

Я не раздумывая, поддалась навстречу ему, Гладышев начал страстно целовать меня и, конечно же, дал волю рукам, но я тут же их перехватила.

–Может, ну его – этот театр?— подмигнув, предложил он, веселя меня.

–Нет уж, Олеженька, взялся за гуж, не говори, что дуж. Так что не порти мне красоту, – отстранившись, поправила я платье.

–Ее невозможно испортить. А вот облагородить самое время, – сделал он комплемент и кивнул на бардачок, отчего у меня тут же забилось сердце в предвкушение. – Достань, там для тебя кое-что есть.

Среди бумаг лежал небольшой фирменный пакет с логотипом Chopard. Дрожащими руками я достала красную, кожаную коробочку и перевела изумленный, не верящий взгляд на Олега.

–Что там? – шепотом спросила, разглядывая стильную коробку.

–Открой, – улыбнулся он.

Я нажала на механизм, и коробочка раскрылась. На чер-

ном бархате лежал роскошный браслет, инструктированный вытянутыми камнями, переливающимися всеми цветами радуги.

– Это что, бриллианты? – шокировано выдохнула я, осторожно коснувшись этой прелести.

– Нет, малыш, бижутерия, – подмигнул Олег и достал браслет. – Давай, посмотрим, угадал с размером.

Пока он застегивал на мне украшение, которое село, как влитое, я продолжала потрясенно молчать.

– У тебя такой траурный вид, что я начинаю сомневаться, что бриллианты – ваши лучшие друзья, – подразнил Гладышев, и завел машину.

– Не траурный, просто это невероятный подарок, и я в шоке, – пояснила я, сглотнув накатившие слезы.

– Это не подарок. Всего лишь возвращаю «залог», – сообщил Олег невозмутимо и качнул подкову на тонкой золотой цепочке, прицепленной к зеркалу заднего вида, и вот тут меня прорвало, грудь сдавили рыдания. Я вспомнила тот первый вечер, вспомнила, как повесила эту цепочку, чтобы напоминала обо мне. Разве могла я представить, что почти через год это приведет к этому моменту? Нет и еще раз нет. Слезы покатались по щекам от захлестнувшей нежности и любви к этому внимательному, заботливому, замечательно-му, самому лучшему мужчине на свете. Наверное, в эту минуту я окончательно простила ему все.

– Спасибо, – прошептала и, сжав его руку, с чувством по-

целовала, закрыв глаза, орошая слезами.

Олег ничего не сказал, осторожно вытер мои слезы, стараясь не испортить макияж, и сконцентрировался на дороге.

Путь до театра прошел в тишине, но она была такой уютной, такой наполненной, что хотелось продлить этот момент близости и единения, когда понимаешь друг друга без слов, как можно дольше.

Перед началом балета мы немного поговорили на отвлеченные темы, а после сконцентрировались на постановке. С этой минуты весь мир перестал существовать для меня, я полностью погрузилась в происходящее. К моему стыду это был мой первый поход в Большой театр, поэтому, конечно же, меня захлестнули эмоции, которые я долго переваривала и пришла в себя только, когда мы подъехали к итальянскому ресторану «Марио».

Это было фешенебельное, необычайно красивое, дорогое место. Сама атмосфера была наполнена шлейфом богатой, красивой жизни. Публика тоже исключительно модная, дорогая. Но, несмотря на некий пафос, бросающийся изначально в глаза, тут было очень уютно. Приятный, не напрягающий глаз интерьер, выдержанный в светлых тонах, и потрясающее обслуживание. Нас очень тепло встретили и усадили за столик у камина, который тут же разожгли, так как я немного замерзла.

Но самым главным достоянием ресторана, конечно же, была изысканная кухня. Как сказал мне позже Олег, это

единственное в Москве место, где можно насладиться настоящей итальянской кухней, в которую он влюбился с самой первой поездки в Италию. Поскольку я в Италии так и не побывала, то сравнивать мне было не с чем, но паста действительно, оказалась, изумительной, о чем я и сообщила шеф-повару, когда он лично вышел поприветствовать гостей.

—Чудесное место, — заключила я, попивая вино, наслаждаясь живой музыкой.

—Да, люблю этот ресторан за особую атмосферу *dolce vita*, — согласился Олег.— Ну, как тебе балет?— спросил он, откинувшись на спинку кресла.

—А тебе?— решила я для начала узнать его мнение, чтобы не выглядеть после дурочкой.

—Я мало, что в этом понимаю, но бывало и лучше, — небрежно отозвался он, и сразу же пояснил,— Во —первых, мне не понравились декорации. Эти выкрашенные в мышиный цвет стены просто убийственны.

—Ну, я думаю, сценограф пыталась изобразить футляр, в котором должны были переливаться «драгоценности», как бы оттенить их и сделать еще ярче, — попыталась я донести до Олега задумку, но он только скривился.

—Лично у меня ассоциации варьируют в диапазоне от зала ритуальных услуг до стенок общественных туалетов времен СССР. И костюмы балерин- «бриллиантов» — дешевая вульгарщина. Так что сценографа и художника по костюмам я бы однозначно линчевал за такую кошмарнейшую инициативу.

Есть исторически признанная версия, вот и придерживались бы ее, а не городили велосипед, если не умеют, – разнес он в пух и прах бедных художников.

–Все –таки ты такой зануда! –воскликнула я, закатив глаза, но тут же немного смущенно призналась, – На самом деле, мне не с чем сравнивать, да и к тому же я больше была сконцентрирована на исполнении партии, чем на антураже. В целом, мне понравилось и очень. Единственное – разочаровала ведущая пара, они абсолютно не чувствовали друг друга. И балерина, исполнившая соло «рубинов». Ее жете, казались, скорее падением, нежели попыткой взвиться в воздух, а адажио разворачивалось с ощутимым скрипом. И ...– я замолкла на полуслове, заметив, что Гладышев едва сдерживает смех.

–Прости, малыш, но я ничего не смыслю в этих па. Все эти сиссоны, глиссады, па де де- нечто заоблачное для меня и иногда я даже не могу вспомнить, что есть что,– признался Гладышев, смеясь.

–Не волнуйся, скоро начнешь разбираться, мы поработаем в этом направлении, – с лукавой улыбкой пообещала я, отправив в рот ложку с тирамиссу.

–Упаси, боже, – открестился Олег и подвел итог, –Значит, ты осталась довольна.

–Еще бы! Прикоснулась к мечте, – с мечтательным вздохом произнесла я.

–В смысле, к мечте?– уточнил он.

—Когда я была маленькой, по каналу «Культура» часто показывали «Лебединое озеро», «Щелкунчик», и я решила, что однажды, и я буду блистать на сцене Большого, — поделилась я, и тут же залилась краской смущения.

—Ну, значит, будешь,— со спокойной уверенностью отозвался он, словно только что сделал себе пометку на будущее. Но меня это напугало, стало не по себе от того, что в жизни все так просто, когда возможности позволяют.

—Вот так просто..., — произнесла я тихо, задумавшись о том, что возможно, в эту минуту решила чья-то судьба. Например, очень талантливой балерины, не имеющей подобной «крыши», а все потому, что какая-то симпатичная куколка захотела и надула губки, которые сводят с ума одного из сильных мира сего. Простота и легкость, с которой вершатся судьбы, поражает. Нет, я тоже талантливая и способная, но Гладышев —то об этом не знает. И вот это страшно...

—Только с виду, Ян, — возразил Гладышев, уловив мои мысли.— А на деле, годы кровопролитной борьбы, чтобы оказаться хотя бы у подножия пирамиды власти. Вся деятельность человека сводится именно к ней. К власти в той сфере, в которой он находит свое предназначение. Даже духовники стяжают дух, поработав плоть. Власть — суть всего. Все вон те машины, — кивнул Олег в сторону дороги за окном,— летят в погоне за властью. Мир просыпается каждый день именно ради этого.

—Это слишком утрированно, — покачала я головой, впро-

чем, признавая правоту его умозаключений.

—Иногда нужно утрировать, чтобы не тратить время понапрасну.

—И все же я бы хотела сама добраться до подножия пирамиды своей власти, — решительно сообщила я. На что Гладышев усмехнулся, собираясь что-то сказать, но потом передумал. Мне хоть и стало любопытно, но я решила, что раз не сказал, значит, ни к чему спрашивать.

Остаток ужина мы провели за легкой беседой. Но я бы была не я, если бы что-то не испортила. Когда после ужина Гладышев без лишних разговоров повез меня к себе, во мне разыграла гордость и обида. Я наотрез отказалась переступить порог квартиры, из которой он меня выставил, и где трахал свою Марину. Знаю, что выглядело это, по меньшей мере, глупо, но ничего не могла с собой поделать.

Правда, заметив, как помрачнело лицо Гладышева, тут же пожалела о своей несдержанности. Олег ни слова мне не сказал в ответ, развернул машину и повез домой. Я же чуть ли не плакала, наблюдая украдкой за ним. Было видно, что он весь напряжен, на лице явственно проступало раздражение.

—Ну, скажи что-нибудь, — не выдержав, попросила я, когда мы подъехали к моему дому.

—Зачем? Ты и сама знаешь, что несешь бред, — парирует он холодно.

—Я не хочу, чтобы мы расстались на такой ноте, — виновато отзываюсь, кусая губы, не зная, как растопить лед.

—А кто сказал, что мы на этом расстаемся? Я похож на обиженного мальчика?— со смешком поинтересовался Гладышев, удивляя меня.— Пошли, испытаем твой диван. Ты же не думала, что так легко от меня отделаешься? — подмигнул он, отстегивая ремень безопасности.

—Ты такой милый, что тебе хочется дать по морде,— сыронизировала я, над чем Гладышев только посмеялся.

Атмосфера разрядилась, и мы пошли испытывать мой старый диван, который испытаний таки не выдержал: в очень горячий момент, когда мы имели несчастье переместиться на край, перевернулся и развалился на две части. Наше падение было фееричным. Мы так хохотали, что соседи начали долбить по батарее. После этой ночи Гладышев сделал заявление аналогичное моему, сделанному накануне. Дословно : «Больше ночевать в этой богадельне не буду!». Мне такая категоричность показался чрезмерной, и в качестве решения проблемы я предложила заменить траходром. Олег над моим предложением только посмеялся, а спустя время настойчиво попросил подумать о смене жилья, но как-то в суете дел — я была занята на курсах повышения квалификации и расширении своего профиля, мне было не до поисков нового жилья.

В августе, на мой день рождения в качестве подарка Олег отвез меня в Рим. В Италии мы пробыли десять дней, за которые я помимо Рима побывала также во Флоренции и Венеции. Мы попытались объять необъятное, но, увы, десять

дней на страну с такой богатейшей культурой- это ничтожно мало. Поэтому я решила, что на следующий год приеду уже на несколько недель и познакомлюсь с Италией, которую полюбила всей душой, основательно.

Во время отдыха мы еще больше сблизились с Олегом. Я привыкла засыпать и просыпаться с ним, привыкла, что он всегда рядом и в моем, так называемом, распоряжении. К хорошему вообще привыкаешь быстро. Хотя не все было, прям уж, складно и ладно, мы и спорили и ругались, поскольку иначе просто не умеем, но сразу же мирились. Главное же, что нам было весело и хорошо, мы не уставали друг от друга, ощущали себя комфортно даже, если каждый был занят своими делами. За десять дней я настолько привыкла к нашей совместной жизни, настолько прикипела к ней душой, что просто не представляла, как буду жить от встречи к встрече, когда вернемся в Москву.

Кто-то наверху, кажется, тоже этого не представлял, и дал толчок Гладышеву к очередному очень серьезному шагу в наших отношениях.

За день до возвращения, мне позвонила хозяйка квартиры, которую я снимала, и сообщила, что, так как у нее возникла необходимость в продаже жилья, у меня есть месяц на поиски нового. Эту новость я восприняла спокойно, поскольку вопрос о смене квартиры давно назревал. Голова об этом у меня естественно не болела, ибо я знала, что Олег быстро решит данную проблему. Но предложения «поеха-

ли, посмотрим квартиры», так и не последовало. Зато через неделю, которую, надо отметить, Гладышев прожил в моей «богадельне», случился разговор, разделивший мою жизнь на "до" и "после".

Я ожидала, чего угодно касательно жилищного вопроса, но не того, что Олег предложит мне переехать к нему и продолжить нашу уже и так ставшую совместной жизнь только в комфортных условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.